

Коллективный сборник

ОТЧИЙ ДОМ

Серия «Серебро Слов»

ОТЧИЙ ДОМ

Сборник произведений

Коломна
Серебро Слов
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

О-88

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк

Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев

Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Надежда Васильевна Казакова

г. Химки, редактор-составитель сборника

О-88 **Отчий дом. Сборник произведений / [Авт.; Рег.-сост.
Н. В. Казакова].** — Коломна: Серебро Слов, 2020. — 160 с.

ISBN 978-5-907154-99-5

© Авторы, 2020

© Казакова Н.В.,

редактор-составитель, 2020

© Анисимова Е.В., обложка, 2020

© Серебро Слов, 2020

К НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Очередной проект издательства «Серебро Слов» мы назвали «Отчий дом». Предполагалось, что основу сборника прежде всего составят произведения, так или иначе связанные нитями ностальгии с патриархальной, «деревенской» Россией. Мы ошиблись. Наши авторы смотрят на мир шире, глубже, масштабнее.

Благодаря прозаикам и поэтам, чьи работы вошли в эту книгу, читателям постепенно открывается уникальная истина. Суть её в том, что общий наш отчий дом – это огромная, уникальная и единственная в своём роде планета Земля, её города и деревни, леса, моря, горы; это люди, родные и близкие, живущие рядом и вдалеке, это и братья наши меньшие. О том, что бережит душу при воспоминаниях и думах о дорогом сердцу крае, о чувстве любви к Родине, о традициях, обычаях и устоях российских, друзьях детства и юности – о нас с вами эта книга.

Надеюсь, она понравится и надолго запомнится даже самым взыскательным любителям современной литературы.

*Надежда Казакова,
автор, редактор-составитель
сборника «Отчий дом»*

Ульяна Васильева-Лавриеня

г. Щёлково, Московская область

РЫЖИЕ

Она вжалась в ложбинку под кустом бересклета, сливаясь с пожухлой листвой. Подмёрзшая земля приятно холодила разгорячённое быстрым бегом тело, сердце бешено колотилось. Может, всё-таки удалось запутать след, сбить с толку свору гнавшихся за ней собак? Чуткий слух уловил, что удалявшийся до этого визгливый лай стал доноситься отчётливее и ближе. Больше медлить нельзя, нужно сделать ещё один рывок. Рыжим всполохом взметнулась она между вековыми дубами и отчаянно выскочила на открытое пространство реки. Тонкий лёд, ещё только обозначившийся на поверхности воды, целлулоидно гнулся под ней, изгибался волнами, а она, ни мгновения не раздумывая, лавировала между полыньями, кратчайшим путём пересекая реку. Её расчёт оказался верным: выскочившие в азарте погони на неокрепший лёд собаки провалились в ледяную воду и, обрезаясь об острые края, с визгом выбирались на берег. «Уходит рыжая, стреляй!» – услышала она сзади, отчаянно прыгнула влево, и тут же справа перед ней взметнулся фонтанчик из осколков льда и воды. Ещё немного – и спасительные заросли ежевики, покрывающие высокий кирпично-бурого цвета берег, позволили ей раствориться, исчезнуть из поля зрения преследователей. Всё, спасена. Теперь нужно осмотреться и обживаться на новом месте.

Ей повезло: здесь, наверху, берег густо зарос колючим терновником, черёмухой, одичавшими яблонями и старыми грушами; люди покинули это место – брошенные дома шурились пустыми глазницами окон, крыши полуразвалившихся сараев насквозь проросли коленчатыми ветками клёнов. Колючки чертополоха больно ранили лапы, но в этих зарослях можно легко становиться невидимкой. Утолив голод мелкими кислыми яблоками, упавшими и уже прихваченными морозом, она снова спустилась под берег. Медленно обследовала обрыв. Под

наклонившимся над водой кряжистым вязом в толще слоёного глинистого берега вырыла себе глубокую нору. Делая абсолютно незаметным её новое пристанище, сверху, словно лианы, с дерева длинными верёвками свисали стебли хмеля, перевитые плетями ежевики, будто колючей проволокой. Это место было более чем удобным: в старых сараях в изобилии водились мыши и крысы, на задворках жилых усадеб она иногда находила выброшенных людьми дохлых кур. Добычу уносила подальше от норы, чтобы не оставлять улики, и пух забивался в ноздри, после чего она долго чихала.

Наступившая зима щедро укрыла землю снегом, накрепко сковала реку, и под покровом ранних сумерек можно было беспрепятственно переходить в лес и обратно. Зов крови совершил своё дело, декабрьским морозным утром на белоснежной скатерти льда отпечатались двойная цепочка следов.

Ближе к весне они обустроили ещё одну нору – почти на гребне берега, под раскидистым кустом тёрна в жирном слое антрацитового чернозёма. Рядом с выходом криво извивался ствол черёмухи, удобный для наблюдения за окрестностями. Пара, не дожидаясь весеннего паводка, перебралась в новое жилище.

* * *

Вот здесь, в самый разгар ледохода, под всплески мутной воды, шорох сталкивающихся льдин и скрежет обдираемых ими деревьев, родились я и пятеро моих братьев и сестёр. Нам жилось уютно и спокойно в нашем «гнезде». Совсем маленькие, мы могли только высовывать из норы мордочки, с любопытством рассматривая реку, разноцветных стрекоз и стремительных ласточек-береговушек, на бреющем полёте собирающих мошкарку. На охоту родители уходили по очереди. Однажды мама не вернулась в привычное время, а ночью ушёл отец, целый день карауливший нас. Они вернулись вместе под утро; мать шатающейся походкой протиснулась в нору, тяжело легла рядом с нами. Её тело была крупная дрожь, с которой она не могла справиться. Мы, голодные, бросились к ней, ожидая наконец-то получить такое вожаделенное и вкусное молоко, но она глухо

заворчала и смахнула нас лапой. Мы заметили, что задняя её нога крепко зажата острыми зубьями капкана с обрывком привязанной к нему толстой бечёвки. Долгое время мама молча лежала, а потом, изогнувшись, начала отчаянно отгрызать лапу. Время от времени она откидывалась навзничь, тяжело дышала, поскуливала, отец зализывал кровоточащую рану. К вечеру тяжёлая железяка глухо звякнула на утоптаный пол норы; мама устало свернулась калачиком и замерла. Так состоялось наше знакомство с врагом под именем «человек».

Летом мы уже освоили окрестные заросли, научились ловить мышей, лягушек, находить птичьи гнёзда с кладками яиц или желторотыми птенцами. С удовольствием ели сочные стебли купырей и сладковато-кислые ягоды ежевики. Настоящим лакомством являлись ужи – графитово-чёрные с жёлтыми пятнышками ложных глаз на затылке. Роковой стала неожиданная встреча с гадюкой, и нас осталось пятеро. Осенью, когда мы уже не помещались в ставшей нам тесной норе, пришло время начинать самостоятельную жизнь, и мы разбрелись в разные стороны, осваивая новые места.

Я нашёл отличный уголок: вырыл себе глубокую нору за стеной покосившегося сарая, под высоким разлапистым репейником и кучей хлама. В неё не задувал ветер и не попадал дождь. В давно заброшенных огородах водилось несметное количество мышей, в зарослях старого сада – птиц. По вечерам, уже в сумерках, в сад приходили вальяжные пятнисто-рыжие коровы, вкусно пахнущие степными травами и молоком. Мне нравилось наблюдать за ними из своего убежища. Бурёнки сочно хрустели кислыми дичками, вырывали с корнями сочный пырей, и аромат зелёной свежести смешивался со сладковатым запахом тёплого навоза.

Всё круто изменилось через два года, летом. Сперва я услышал треск ломающихся сухих будыльев бурьяна, затем до меня долетел нежный запах цветов, и в просвете чертополоха появилось яркое пятно – невысокого роста человек. Явно что-то рассматривая, он медленно ходил по зарослям. Время от времени человек подносил к лицу чёрную коробку, которая коротко

щёлкала и бликовала на солнце блестящим выпуклым глазом. Потом появился ещё один человек – покрупней и повыше. Они долго о чём-то говорили, снова ходили по зарослям, будто что-то искали. Утром появились люди, много людей. Запах человека облаком накрыл всё пространство вокруг, от него кружилась голова, противно сосало под ложечкой. И застучало, загремело, завизжало. Спрятавшись под берегом, я наблюдал, как под натиском топора редуют кусты, как падают спиленные сухие груши и вязы. Вскоре дошла очередь и до моего сарая, со скрежетом отрывались доски, рыжая глина осыпалась на чёрную землю. Вход в моё жилище оказался окончательно завален грудой битого шифера и трухлявыми брёвнами. Вместе с уютной норой рухнула и моя размеренная жизнь.

Я вернулся в опустевшее родительское жилище. Зимним морозным утром пуля охотника догнала отца, а весной, в половодье, бесследно пропала моя трёхлапая мать. В дальнем углу норы ржавел капкан, от него веяло родным запахом и непоправимой бедой. В белёсых сумерках рассвета я выходил на охоту, этим летом развелось огромное количество полёвок. Днём изпод непроходимо-колючего терновника я наблюдал за людьми, деловито осваивающими мои уголья. Мне даже стало нравиться это бередящее чувство опасности, исходящей от такого близкого соседства. На раскорчёванной части сада заворчали воняющие дымной гарью и капканами железные монстры. Один копал длинные узкие траншеи, с другого разгружали белые ровные камни. Потом приехало несколько одинаковых огромных бочек, из которых потекла шуршащая серая масса, заполнившая собой вырытые траншеи. Люди: Маленький яркий и Большой, – судя по всему, были здесь жожаками. Маленький всё время сверкал на солнце выпуклым глазом чёрной коробки, а Большой что-то громко говорил остальным, широко жестикулируя при этом руками.

Очень быстро на изрядно полысевшем берегу появился дом и засиял огненно-красной крышей, засверкал на солнце прозрачными окнами. Яркий фонарь, словно полная луна, с высокого столба освещал по ночам окрестности. Моё любопытство

победило страх, и под покровом утреннего тумана я выбрался на открытое пространство, обошёл вокруг строения, принюхиваясь к новым запахам, рассматривая и запоминая все изменения. С наступлением холодов дом ожил. Там поселились двое: Слабый человек и Невысокий человек. В тёплые дни Слабого человека осторожно выводили на улицу и устраивали на солнечной стороне в большом кресле. Рядом с ним всегда крутились два чёрных котёнка, они тёрлись об ноги или сидели у человека на коленях. Как-то, уловив мой запах, они мгновенно выгнули свои лоснящиеся на солнце спины, распушили хвосты и стремглав бросились в дом. Людям же было невдомёк, чего так сильно испугались коты.

Однажды возле дома появился большой чёрный автомобиль. Из него вышли люди – Большой и Маленький, те, с которых началось завоевание моей территории. Из внутренностей чёрного монстра они осторожно извлекли большое лохматое дурно пахнущее существо грязно-серого цвета и настолько слабое, что не могло стоять на ногах. Люди суетились вокруг животного, принесли ему воду, потом в воздухе запахло чем-то вкусным. Существо, давясь и захлёбываясь, глотало еду, а рядом Большой человек уже громко стучал, сколачивая доски. Через некоторое время неведомый зверь поднял голову и глухо, как бы пробуя голос, гавкнул. «Собака, – наконец-то понял я, – вот только тебя мне здесь не хватало».

На моё счастье её привязали цепью к конуре, поэтому мне она оказалась неопасна. Очень быстро доходяга отъелся, его шерсть почистилась и распушилась, голос окреп и теперь звучал уверенно и громко. Коты переселились в будку и, чувствуя себя в безопасности, целыми днями сидели на её крыше. Мне доставляло удовольствие дразнить этих зверьков, и я выходил из укрытия среди бела дня, неспешно шёл вдоль кромки кустарника. Котята шипели и прятались в конуру, а пёс как-то нехотя, дежурно лаял в мою сторону. Пользуясь своей свободой, на утренней заре я приходил к дому и, почти не таясь, ловил на лужайке мышей, собирал упавших под светильником жуков. Собака перестала обращать на меня внимание, будто понимая,

что здесь я больший хозяин, чем она. Даже появившаяся вокруг дома сетчатая изгородь не смогла препятствовать моим походам к дому, пока пёс сидел на цепи.

Летом людей в доме прибавилось, появилось несколько Маленьких человечков. Они шумели, баловались, бегали. В общем, вели себя как неразумные лисята. За ними белым медведем неотступно двигался пёс, будто охраняя детёнышей от неожиданной встречи со мной. Я заметил, что перестал выходить из дома Слабый человек. Теперь, когда собаку отпустили с привязи, у меня появилась новая забава. Я подходил близко к ограде, негромко тьякал, привлекая к себе внимание, а после бежал вдоль сетки до реки и обратно. Пёс гонялся за мной, пока мне это не надоедало. Зимой в тяжёлом бою я одержал победу над двумя матёрыми соперниками и – гордый – привёл к себе в нору самую красивую в лесу самку. Какое-то время я перестал наблюдать за обитателями дома. На исходе зимы я впервые стал отцом – пятеро тёмно-бурых малышей требовали нашей неустанной заботы.

Однажды моё внимание привлекло большое скопление людей возле дома. Я замер в зарослях раскидистого куста сирени прямо возле открытых ворот и не отрываясь следил за происходящим. Из дома вынесли длинный ящик и медленно двинулись с ним по улице. Спустя некоторое время люди вернулись назад уже без ящика, долго ходили внутри ограды. Слышались голоса, тянуло сладковатым дымком и запахом еды. Потом в доме остался один Невысокий человек. Часто он выходил на берег, долго молча смотрел на лес, воду, а рядом с ним шёл пёс. Маленький человек обнимал его голову, трепал большие висячие уши и поющим голосом говорил: «Собакамоя». Скоро и я стал думать про пса так же: «собакамоя», – и мне самому хотелось, чтоб этот человек обнял мою голову и нараспев сказал: «Собакамоя!»

В один из дней весенней распутицы появились другие люди, несколько человек. Они деловито ходили в зарослях над нашей норой, а один из них, самый большой, что-то громко и агрессивно говорил Невысокому человеку из дома. Эти люди

приезжали несколько раз, оставляли облака неприятного дыма и вонючей гари, долго державшиеся в ветвях кустарника.

Дети подрастали, я выбивался из сил, чтобы прокормить своё семейство. В ход шло всё, что мне попадалось: мыши, крысы, лягушки, ежи и ужи, яйца и птенцы. Однажды удалось поймать курицу – она беспечно гребла мусор в кустах возле полуразрушенного дома. Не брезговал и падалью – лишь бы лисята не тьякали, не привлекали к себе внимание. С большим любопытством они выглядывали из норы, наблюдая, как совсем рядом люди длинной палкой вытаскивают из воды рыбу, как они зачем-то прыгают в воду и отчаянно барахтаются там.

Беда пришла неожиданно. Ранним солнечным летним утром загрохотало и загремело прямо над нашим жилищем. Испуганные лисята забились в самую глубь норы, жена закрыла своим телом вход. Сильный запах гари заполнил всё пространство. Огромные рычащие звери, извергая дым, вырывали с корнями кусты и многолетние деревья. Птицы в ужасе метались в воздухе, не в силах помочь желторотым неоперившимся птенцам, гибнущим под лязгающими гусеницами. Беспощадные, ревущие трактора утюжили весь берег, металлические тросы удавками опоясали ствол кривой черёмухи у нашей норы, она изгибалась, пытаясь вырваться из жестоких объятий, скрипела, но силы были неравны. Тяжело ухнув, в глубине берега оборвались много лет державшие и питавшие её корни, и дерево безжизненно рухнуло в огромную грудку валежника. Земля, не выдержав чудовищного давления, вздрогнула, подалась вниз, похоронив в своей толще всю мою семью.

Когда люди уехали, я рыл землю там, где был мой дом, и, обдирая в кровь лапы, по кусочку выковыривал спёкшуюся в камень перевитую корневищами глину. Несколько дней я бесцельно кружил по изуродованному чёрному берегу, где ещё недавно нам жилось так вольготно и безопасно.

Человек, я много лет жил рядом – незаметным и не замеченным тобой. Ты объявил мне войну, и я принял вызов.

На одном покосившемся заборе обнаружил обрывок обгрызенной верёвки и вспомнил, где раньше я видел такую же. Ещё

один враг обнаружен. Мои набеги на его сараи стали стремительны и беспощадны. Было глубоко безразлично, кто попадает мне на пути. Я не ел добычу. Я мстил.

Сегодня, едва только забрезжил рассвет, я осторожно прокрался сквозь заросли клёнов, тёрна и чертополоха к стене сарая. За тонкими досками раздавалось шуршание перьев, сонное бормотание кур, затем визгливым голосом прокричал петух. Вот его мне хотелось придушить в первую очередь. Быстро работая лапами, я начал делать подкоп под стену, влажная земля разлеталась в разные стороны. Оставалось совсем чуть-чуть, моя голова уже почти проникла в курятник, в этот момент сзади что-то лязгнуло. От неожиданной боли я взвыл, рванулс назад, на волю. В сарае начался переполох. Гоготали разбуженные гуси, кудахтали куры, истерично вопил петух. Загремела цепью и зашла сиплым лаем маленькая кривоногая хозяйская собачонка. Бежать, бежать отсюда! Я, преодолевая боль, кинулся прочь, но резкий рывок натянувшейся цепи опрокинул меня на землю. Безжизненно болталась задняя правая нога, перерубленная и зажатая острыми зубьями капкана. Я лёг на рыхлую землю, силясь унять дрожь и осмотреться. Шум в сарае постепенно затих, это значило, у меня есть немного времени.

Уже совсем рассвело. Я увидел, что цепь прикручена к столбу проволокой. Я не мог перегрызть проволоку. Оставалось одно – последовать примеру моей матери. Со стороны реки я услышал треск сухой травы, ветки кустов закачались, на открытом пространстве появилась Собакамоя. Пёс, принявшись, шёл по моему следу и, обнаружив меня, радостно замахал хвостом, приглашая поиграть. Я рванулс в сторону, цепь отбросила меня назад, и в бессильной ярости когтями ударил собаку по носу. Она заскулила, отскочила в сторону и, словно не веря в моё коварство, снова подбежала ко мне. Следом за псом прибежал Невысокий человек, схватил собаку за поводок, что-то несвязно и испуганно заговорил, глядя на меня. Почти бегом они скрылись за руинами брошенного дома, а я остался один. В курятнике снова заблажил петух. Не успел я свернуть ему бестолковую башку, не успел...

Во дворе раздались голоса, опять захлёбываясь лаем, взвыла шавка. На меня из-за изгороди смотрели двое, от одного из них сильно пахло капканом. Они схватили цепь и резко потянули её до невыносимой боли. В этот момент из-за стены разрушенного дома снова появился Невысокий человек. В руках у него была чёрная коробка с блестящим глазом, послышались тихие щелчки. «Отпустите его!» – громко сказал Невысокий человек. Обескураженные неожиданным появлением ненужного свидетеля, мучители оставили меня в покое и ушли. Невысокий человек долго стоял поодаль. Певуче прозвучал его голос, и я услышал почти знакомое: «Зверюгамоя».

Время на раздумья вышло. Последним отчаянным усилием рванулся в сторону, боль ослепила меня, и я, оставляя на пожухлой траве капли крови, растворился в зарослях чертополоха.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

*Ностальгия – это значит неизбывная тоска,
Когда сердце горько плачет от любого пустяка.
Ностальгия, как дорожка – очень трепетная нить –
В то, что больше невозможно ни вернуть, ни воскресить...*

Эльдар Рязанов

Широко и вольготно раскинулся казачий хутор Саломатин на высоком левобережье реки Бузулук, несущей неспешные прозрачные воды к своенравному старшему брату Хопру. Правый низинный берег Бузулука густо зарос камышом, красноталом, вербами, пакленками, могучими дубами и высокими вязами.

Весной, сразу после схода полой воды, покрывается вся земля ковром первоцветов, будто художник размашисто разлил по холсту лазурь пролесок и уже по ней щедрой кистью разбрызгал золото тюльпанов и разноцветье петушков. В белоснежной кипени цветущего терновника соловьи многоголосым хором заполняют всё пространство вокруг и в попытках перепеть соперника словно захлёбываются от восторга любви. Осины со стволами нежно-мятного оттенка серебристыми ли-

сточками-ладошками трепещут от лёгкого дуновения ветерка в предчувствии надвигающейся июньской грозы. А потом начинается пора душистой лесной земляники в ковре богородицыной травы. Густой аромат душицы и зверобоя напитывает воздух. Тонкостебельчатые рябчики раскрывают багрово-красчатые колокольчики-плафоны.

В летний зной спасительная прохлада глубокой и спокойной реки желеино-мягкой водой манит к себе всё живое. Песчаные отмели с раннего утра и до сумерек усыпаны хуторской детворой. Крепко сложенные, с бронзово-загорелой кожей, с выгоревшими на солнце волосами и по десятому разу обгоревшими носами, они шумно плещутся в воде, с азартом играют в догонялки. Накупавшись вдоволь, с посиневшими от холода губами ложатся, будто ящерики, на горячий песок.

Ближе к полудню в клубах тончайшей пыли появляется на косогоре стадо гладкобоких коров. Они, словно древнерусские ладьи, погружаются по самую грудь в реку, медленно, не отрываясь, пьют воду. Утолив жажду, не торопясь выходят на берег навстречу своим хозяевам. Загорелые, ладные, в разноцветных ситцевых платках и белых косынках женщины пришли на обеденную дойку. Ласково подзывают они своих Зорек, Ромашек, Белянок, отгоняют от них назойливых оводов и слепней. Сильные, ловкие руки двигаются привычно быстро, и звенят колокольцами подоюники, собирая тугие струи душистого парного молока. Поодаль, на влажной песчаной отмели, разместилось на полуденный отдых стадо пугливых овец. Они всегда настороже, готовы в любую секунду сорваться с места и броситься наутёк. Пронырливые козы, неугомонные, словно городская шпана, затевают потасовки, нарушая умиротворённый покой. Стаи домашних серых гусей и разноцветных уток собирают на мелководье мальков и веретёнок, погружаясь в воду одновременно, будто команды девушек-синхронисток.

Важно, с чувством собственного достоинства, вышагивают по отмели серые цапли, ловко вылавливая спрятавшихся в тине лягушат и молодых ужей. Осторожно выводят своё потомство из камышовых зарослей на простор Бузулука родители-лебеди.

Песчано-серые неоперившиеся птенцы пока ещё беспомощны и пугливы. Они при малейшей опасности быстро прячутся в зарослях прибрежных камышей. Зеленогрудый зимородок охотится за серебристыми уклейками, выслеживая их между овальными глянцевыми листьями жёлтых кубышек и белоснежных лилий.

Медленно перекачивается в серебристо-полынном мареве сочно-арбузный август. Разливается по просторам пьянящий аромат дынь, созревших груш-черномясок, краснобоких яблок. Россыпи мясистых помидоров алеют на грядках среди тёмно-зелёной листвы. Подсолнухи с припылённо-жёлтыми мордочками внимательно отслеживают путь солнца по безоблачно-синему небосводу. Коршуны беззвучно парят в вышине, зорко высматривая зазевавшихся цыплят и мышей-полёвок. Ласточки-береговушки ловко снуют над гладью реки, собирая разноцветных стрекоз и мошек.

На вечерней зорьке вся хуторская детвора собирается на берегу Бузулука, на взгорке. С шумными играми и весёлыми забавами они терпеливо ждут возвращения стада с пастбища. В сопровождении маленьких хозяев степенно шествуют к своим дворам коровы, бегут наперегонки телята. Под предводительством круторогих и бородатых козлов медленно разбредаются стайки овец и коз.

Солнце закатывается за лес, затягивает половину неба багряно-золотым шёлковым знаменем, которое быстро превращается в иссиня-чёрный бархат ночи. Многоголосье цикад заглушает все звуки уходящего дня. Яркие звёзды, рассыпанные по небосводу щедрой рукой Создателя, перемигиваются в вышине. Млечный Путь пронзают космические странники-метеориты. Изнуряющий жар земли смешивается лёгким ветром с прохладой речной глади.

К осени вода в реке становится бутылочно-прозрачной, видно, как стайки жирных голавлей собирают с поверхности комаров и мошек. На вечерней зорьке щуки в азарте погони за рыбьей молодью плещут хвостами, и расплываются по воде круги от берега до берега. На просмолённом каюке одинокий

рыбак с удилищем из гибкого тальника терпеливо ожидает поклёвки. На деревянных мостках пристани склонилась хозяйка, выполаскивая постиранное бельё. Откуда-то издалека, то усиливаясь, то затихая, растекается над речной гладью протяжный казачий распев.

Осень одаривает ожерельями пепельно-синих ягод тёрна в золотисто-багряной листве, паутинками бабьего лета, преподносит фужеры рыжиков и светлую грусть листопада. Первые осенние дожди пробуждают россыпи сентябрьских опят и хороводы степных говорушек. Завершаются основные полевые работы, ссыпан в сухие закрома золотой запас степного края – отборная пшеница, рожь, ячмень. Высятя во дворах скирды хрустящей соломы. Сенники доверху заполнены душистым разнотравным сеном. В саманных хлевах сытно и тепло будет зимовать коровушкам, для хуторян более значимым, нежели все миллионы священных коров для индусов.

Дворник-ноябрь разметает метлой остатки листвы, загоняет насекомью мелочь по укромным щелям и норкам, щедро напавает землю дождями и в одну ночь бережно укутывает её в белоснежно-пушистое покрывало. Неровной строчкой вышивают осенние тучи улетающие на юг стаи диких гусей; лебеди ставят на крыло камышово-коричневых подростков. Покружившись над речными заводами, они до весны прощаются с родными краями. И только дятел-радист выстукивает на старой раскидистой груше свою морзянку. Вестницы близкой зимы – синички – шустро порхают в зарослях терновника, пестрокрылые сойки перекликаются в оголившемся кленовнике.

Высокое небо отражается в тонком зеркале перволёдя, земля словно вздыхает полной грудью перед долгим исцеляющим сном, а затем затихает, успокаивается. Лес становится графично-прозрачным, и только кусты бересклета наперекор трескучим декабрьским морозам развешивают бело-розовые серёжки-сердечки. Лёд толстым панцирем окончательно сковывает реку, и снова наступает счастливая пора для хуторской детворы. И вот уже туго прикручены к валенкам коньки – снегурки и полуканадки, расчищены от снега хоккейные площадки,

вырезаны из хлёсткого тальника клюшки. Крутится на середине реки самодельная карусель, сооружение из накрепко замороженной в толщу льда оси с колесом от арбы и прикрученной к нему оглобли. Цепляет ребятня свои санки к концу шеста, кто-нибудь посильней раскручивает колесо, и несутся по кругу салазки со скоростью летящего пушечного ядра. Тут уж только держись!

До самой темноты длятся хоккейные баталии. Мальчишки, разгорячённые, ложатся животами на лёд, чтобы из проруби попить обжигающе-ледяную воду. Усталые, промокшие насквозь, уже в сумерках поднимаются по крутым обледеневшим тропинкам, соскальзывая и снова срываясь вниз, вконец обессиленные разбредаются по переулкам к своим занесённым снегом хатам. А там уже ждёт их немудрёный ужин – наваристые щи и румяные, с хрустящей корочкой, бурсаки да кружка парного молока с пушистой пеночкой от домашней любимицы и кормилицы Майки.

В преддверии Нового года и Рождества в каждом доме подновляют подсиненной побелкой печь, накрахмаливают белоснежные кружевные занавески и подзоры, расшитые яркими цветами накидки. В ожидании рождественских христовлавцев хозяйки запасают килограммы разносортных конфет, пряников, пекут душистые румяные пироги. И в самое Рождество, ещё затемно, хутор празднично расцветивается вереницами огней. Во дворах широко раскрыты ворота, зазывая стайки мальчишек, девчонок и взрослых односельчан, бойко и задушевно рассказывающих колядки. К обеду вся семья радостно собирается за празднично накрытым столом, с удовольствием угощается зажаренным до хрустящей корочки нафаршированным гречневой кашей или яблоками гусем, прозрачным холодцом, квашеной капустой, мочёными изумрудно-алыми арбузами, сочными помидорами и золотистой антоновкой, да душистым узваром. А потом каждая хозяйка гордо подсчитывает количество навестивших её дом христовлавцев, ведь, согласно приметам, чем их больше, тем благоприятнее ожидается наступающий год.

Трескучие январские морозы узорят невиданными цветами окна, развешивают по кустам и деревьям сверкающий иней. Вьюжный февраль наматывает сугробы до крыш, заваливает снегами распадки и балки, переметает дороги. И в этой снежной круговерти вдруг раздаются игристые переливы гармоники и звон колокольчика – это Масленица пришла. Летят разукрашенные лентами и яркими бумажными цветами сани, взбивается снег из-под копыт разгорячённых коней, разливаются весёлые песни. После разудалой Масленицы уже и весна на пороге!

Солнце припекает всё сильнее, сугробы расплываются лужами, с берега всё громче и стремительней сбегает ручей, собирающий воду из-под поникших кустов. Вода в реке прибывает, сначала появляется узенькая полоса между берегом и льдом, с каждым днём она становится всё шире и шире, и вот уже вербы под берегом стоят по пояс в мутной воде. Лёд становится игольчатым, бутылочно-зелёным, покрывается лужами и проталинами. А ночью в полной тишине вдруг раздаётся громкий, неожиданный взрыв, потом доносится неясный гул, скрежет, плеск воды от сталкивающихся и переворачивающихся льдин. Так начинается ледоход. Стайка домашних гусей, истосковавших за долгую зимнюю пору по вольной воде, спокойно расположилась на небольшой льдинке и невозмутимо чистит перышки. Порой глыбы льда цепляются за прибрежные деревья, создавая заторы, и тогда неизбежно начинается хаос. На застрявшую льдину налетает следующая, под натиском воды она встаёт вертикально и потом обрушивается вниз, с грохотом рассыпаясь сотнями сверкающих на солнце осколков. Мутная, клокочущая вода почти заполняет всё пространство вокруг, затопливает лес и уже совсем близко подступает к краю высокого берега. Льдины – целые поля – с камышами, самодельными хоккейными площадками, остатками выдернутых с корнями кустов и деревьев вертятся в водоворотах.

Так и уносит вешняя вода всё ненужное, напускное, отжившее, завершает ещё один жизненный цикл, обновляя и возрождая землю в том краю, что зовётся родной сторонкой.

ОДА НОГАМ

Очень хорошему человеку посвящается...

Пятница, последняя пара – и быстро в метро, длинный переезд по маршруту «Кузьминки» – «Щёлковская» с нудным переходом на «Курской». В руке сумка с московскими гостинцами. Быстрее, ещё быстрее – нужно успеть к автобусу на 17:20. Начинается муторное торканье «Икаруса» на тёмной, с выщербленным асфальтом, двухполосной Московской кольцевой. И дальше, в ночь, только мерное гудение мотора и уплывающие назад деревья и деревни. Наконец в двенадцать ночи у аптеки радостная встреча, уютный уазик, поздний вкусный ужин и длинные разговоры обо всём: академии, Москве, преподавателях, друзьях, детях, работе и красивых тряпочках. В большой комнате из мебели – ярко-оранжевый диван и натянутые под потолком бельевые верёвки с развешанными до пола простынями. Хлопает внизу дверь, гудит на дороге машина – это уже доярки отправляются на ферму на утреннюю дойку. В сумеречном свете расползаемся «докемаривать» – впереди ещё целая суббота для общения. Но тут тихонько скрипит открывающаяся дверь, из-за низкого занавеса белой простыни появляются чьи-то маленькие, пухлые и чуть косолапящие ножки. И – ни звука больше.

Шло время. Таких поездок было много. В государстве менялся социальный строй, в семье – количество детей, в доме – интерьер, но неизменны оставались радушный приём, уютный уазик, вкусные ужины-обеда, желание отдать студентке всё своё самое лучшее, нагрузить обратную тяжёлую сумку деревенским хárчем и сунуть на прощание в мой карман последнюю в семейном бюджете десятку... А ещё подрастали ножки... Они, как и прежде, ранним утром шлёпали по полу и замирали у двери.

С течением времени вместе со своим обладателем ножки незаметно превратились в довольно устойчивые, я бы даже сказала – фундаментальные, ноги и разными, в том числе иногда извилистыми, путями исправно несли по жизни своего хозяина. Сначала они петляли подростка в кроссовках «Адидас» по до-

машным тропинкам, а потом уже юношу в «Мартенсах» – через Орёл, Балашов и палящее солнце стадиона – привели в Москву. Дважды чеканным шагом гордыми берцами промаршировали по исторической брусчатке Красной площади и, не замедляя ход, рванули марафоном на Восток по местам столь отдалённым и глухим, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Бывало, покоряя амурские сопки, они уставали и ломались, с благодарностью принимали помощь других – более целых на тот момент – конечностей из ближнего окружения. По пути в госпиталь вместе с гипсовым сапогом и парой костылей вскарабкивались на вторую боковую полочку плацкартного вагона, уступив своё законное нижнее место другим, ещё совсем несмышлёным розовым пяточкам. И непременно возвращались в строй. Вытаскивали они своего хозяина из тяжких передрыг, приводили к чуждым красотам, взбирались на горы, истоптали многие версты приграничных китайских дорог.

И вот уже не юношу, а зрелого мужа и отца понесли эти слегка подуставшие ноги на Запад, в холёные европы. Крутили там педали велосипеда, гоняли по брусчатым улочкам, отмеряя заморские мили всяких там копенгагенов, лондо́нов, стокгольмов, ёслов, римов, праг, парижев и прочей кучи всяких мест. Где только не отпечатались их кедовые следы... Далее топтали пыль прикубанских переулков, давили на газ (а иногда и на тормоз) своей автоканарейки, облазили побережье Понта Эвксинского и прилегающие к нему разные возвышенности. А сейчас вот добрались до дальних южных пределов, оставляя чёткие следы в раскалённых краснозёмах. Куда же ещё приведут эти неутомные ноги своего обладателя? В принципе – это не столь важно.

Главное, что везде оставляют они ровные, чистые, светлые отпечатки добра и радости. А всё потому, что управляет ими мудрая голова, доброе сердце и чистая душа.

Шагай дальше, дорогой наш человек! К широким горизонтам, высоким вершинам, голубым далям и краям неизведанным. И пусть в одном строю с тобой таким же уверенным шагом идут твои ангелы-хранители.

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

"Ностальгия — это значит неизбывная тоска,

Когда сердце горько плачет от любого пустяка.

Ностальгия, как горожка—очень трепетная нить —

В то, что больше невозможно ни вернуть, ни воскресить..."

Эльдар Рязанов

Широко и вольготно раскинулся казачий хутор Саломатин на высоком левобережье реки Бузулук, несущей неспешные прозрачные воды к своенравному старшему брату Хопру. Правый низинный берег Бузулука густо зарос камышом, красноталом, вербами, пакленками, могучими дубами и высокими вязами.

Весной, сразу после схода полой воды, покрывается вся земля ковром первоцветов, будто художник размашисто разлил по холсту лазурь пролесок и уже по ней щедрой кистью разбрызгал золото тюльпанов и разноцветье петушков. В белоснежной кипени цветущего терновника соловьи многоголосым хором заполняют все пространство вокруг и в попытках перепеть соперника словно захлебываются от восторга любви. Осины со стволами нежно-мятного оттенка серебристыми листочками-ладошками трепещут от легкого дуновения ветерка в предчувствии надвигающейся июньской грозы. А потом начинается пора душистой лесной земляники в ковре богородициной травы. Густой аромат душицы и зверобоя напитывает воздух. Тонкостебельчатые рябчики раскрывают багрово-красчатые колокольчики-плафоны.

В летний зной спасительная прохлада глубокой и спокойной реки железно-мягкой водой манит к себе всё живое. Песчаные отмели с раннего утра и до сумерек усыпаны хуторской детворой. Крепкосложенные, с бронзово-загорелой кожей, с выгоревшими на солнце волосами и по десятому разу обгоревшими носами, они шумно плещутся в воде, с азартом играют в догонялки. Накупавшись вдоволь, с посиневшими от холода губами ложатся, будто ящерики, на горячий песок.

Ближе к полудню в клубах тончайшей пыли появляется на косогоре стадо гладкобоких коров. Они, словно древнерусские ладьи погружаются по самую грудь в реку, медленно, не отрываясь, пьют воду. Утолив жажду, не торопясь выходят на берег навстречу своим хозяйкам. Загорелые, ладные, в разноцветных ситцевых платях и белых косынках женщины пришли на обеденную дойку. Ласково подзывают они своих Зорек, Ромашек, Белянок, отгоняют от них назойливых оводов и слепней. Сильные, ловкие руки двигаются привычно быстро и звенят колокольцами подоюники, собирая тугие струи душистого парного молока. Поодаль, на влажной песчаной отмели разместилось на полуденный отдых стадо пугливых овец. Они всегда настороже, готовы в любую секунду сорваться с места и броситься наутек. Пронырливые козы, неугомонные, словно городская шпана, затевают потасовки, нарушая умиротворенный покой. Стаи домашних серых гусей и разноцветных уток собирают на мелководье мальков и веретёнок, погружаясь в воду одновременно, будто команды девушек-синхронисток.

Важно, с чувством собственного достоинства, вышагивают по отмели серые цапли, ловко вылавливая спрятавшихся в тине лягушат и молодых ужей. Осторожно выводят свое потомство из камышовых зарослей на простор Бузулука родители-лебеди. Песчано-серые неоперившиеся птенцы пока еще беспомощны и пугливы. Они при малейшей опасности быстро прячутся в зарослях прибрежных камышей. Зеленогрудый зимородок охотится за серебристыми уклейками, выслеживая их между овальными глянцевыми листьями желтых кубышек и белоснежных лилий.

Медленно перекачивается в серебристо-полынном мареве сочно-арбузный август. Разливается по просторам пьянящий аромат дынь, созревших груш-черномясок, краснобоких яблок. Россыпи мясистых помидоров алеют на грядках среди темно-зеленой листвы. Подсолнухи с припылённо-желтыми мордочками внимательно отслеживают путь солнца по безоблачно-синему небосводу. Коршуны беззвучно парят в вышине, зорко высматривая зазевавшихся цыплят и мышей-полевков.

Ласточки-береговушки ловко снуют над гладью реки, собирая разноцветных стрекоз и мошек.

На вечерней зорьке вся хуторская детвора собирается на берегу Бузулука, на взгорке. С шумными играми и веселыми забавами они терпеливо ждут возвращения стада с пастбища. В сопровождении маленьких хозяев степенно шествуют к своим дворам коровы, бегут наперегонки телята. Под предводительством круторогих и бородатых козлов медленно разбредаются стайки овец и коз.

Солнце закатывается за лес, затягивает половину неба багряно-золотым шелковым знаменем, которое быстро превращается в иссиня-черный бархат ночи. Многоголосье цикад заглушает все звуки уходящего дня. Яркие звезды, рассыпанные по небосводу щедрой рукой Создателя, перемигиваются в вышине. Млечный путь пронзают космические странники-метеориты. Изнуряющий жар земли смешивается легким ветром с прохладой речной глади.

К осени вода в реке становится бутылочно-прозрачной, видно, как стайки жирных голавлей собирают с поверхности комаров и мошек. На вечерней зорьке щуки в азарте погони за рыбьей молодью плещут хвостами и расплываются по воде круги от берега до берега. На просмоленном каюке одинокий рыбак с удилищем из гибкого тальника терпеливо ожидает поклевки. На деревянных мостках пристани склонилась хозяйка, выполаскивая постиранное бельё. Откуда-то издалека, то усиливаясь, то затихая, растекается над речной гладью протяжный казачий распев.

Осень одаривает ожерельями пепельно-синих ягод тёрна в золотисто-багряной листве, паутинками бабьего лета, преподносит фужеры рыжиков и светлую грусть листопада. Первые осенние дожди пробуждают россыпи сентябрьских опят и хороводы степных говорушек. Завершаются основные полевые работы, ссыпан в сухие закрома золотой запас степного края - отборная пшеница, рожь, ячмень. Высытятся во дворах скирды хрустящей соломы. Сенники доверху заполнены душистым разнотравным сеном. В саманных хлевах сытно и тепло будет зи-

говать коровушкам, для хуторян более значимых, нежели все миллионы священных коров для индусов.

Дворник-ноябрь разметаёт метлой остатки листвы, загоняет насекомых мелочь по укромным щелям и норкам, щедро напавает землю дождями и в одну ночь бережно укутывает ее в белоснежно-пушистое покрывало. Неровной строчкой вышивают осенние тучи улетающие на юг стаи диких гусей; лебеди ставят на крыло камышово-коричневых подростков. Покружившись над речными заводьями, они до весны прощаются с родными краями. И только дятел-радиост выстукивает на старой раскидистой груше свою морзянку. Вестницы близкой зимы - синички – шустро порхают в зарослях терновника, пестрокрылые сойки перекликаются в оголившемся кленовнике.

Высокое небо отражается в тонком зеркале перволёдя, земля словно вздыхает полной грудью перед долгим исцеляющим сном, а затем затихает, успокаивается. Лес становится графично-прозрачным, и только кусты бересклета наперекор трескучим декабрьским морозам развешивают бело-розовые сережки-сердечки. Лед толстым панцирем окончательно сковывает реку и снова наступает счастливая пора для хуторской детворы. И вот уже туго прикручены к валенкам коньки - снегурки и полуканадки, расчищены от снега хоккейные площадки, вырезаны из хлесткого тальника клюшки. Крутится на середине реки самодельная карусель, сооружение из накрепко вмороженной в толщу льда оси с колесом от арбы и прикрученной к нему оглобли. Цепляет ребятня свои санки к концу шеста, кто-нибудь посильней раскручивает колесо и летят по кругу салазки со скоростью летящего пушечного ядра. Тут уж только держись!

До самой темноты длятся хоккейные баталии. Мальчишки, разгоряченные, ложатся животами на лед, чтобы из проруби попить обжигающе-ледяную воду. Усталые, промокшие насквозь, уже в сумерках поднимаются по крутым обледеневшим тропинкам, соскальзывая и снова срываясь вниз, вконец обессиленные разбредаются по переулкам к своим занесенным снегом хатам. А там уже ждет их

немудрёный ужин - наваристые щи и румяные, с хрустящей корочкой, бурсаки да кружка парного молока с пушистой пеночкой от домашней любимицы и кормилицы Майки.

В преддверии Нового года и Рождества в каждом доме подновляют подсиненной побелкой печь, накрахмаливают белоснежные кружевные занавески и подзоры, расшитые яркими цветами накидки. В ожидании рождественских христославцев хозяйки запасают килограммы разносортных конфет, пряников, пекут душистые румяные пироги. И в самое Рождество, ещё затемно, хутор празднично расцветивается вереницами огней. Во дворах широко раскрыты ворота, зазывая стайки мальчишек, девчонок и взрослых односельчан, бойко и задушевно рассказывающих колядки. К обеду вся семья радостно собирается за празднично накрытым столом, с удовольствием угощается за жаренным до хрустящей корочки нафаршированным гречневой кашей или яблоками гусем, прозрачным холодцом, квашеной капустой, мочеными изумрудно-алыми арбузами, сочными помидорами и золотистой антоновкой, да душистым узваром. А потом каждая хозяйка гордо подсчитывает количество навестивших ее дом христославцев, ведь согласно приметам, чем их больше, тем благоприятнее ожидается наступающий год.

Трескучие январские морозы узорят невиданными цветами окна, развешивают по кустам и деревьям сверкающий иней. Вьюжный февраль наметает сугробы до крыш, заваливает снегами распадки и балки, переметает дороги. И в этой снежной круговерти вдруг раздаются игривые переливы гармоники и звон колокольчика — это Масленица пришла. Летят разукрашенные лентами и яркими бумажными цветами сани, взбивается снег из-под копыт разгоряченных коней, разливаются веселые песни. После разудалой Масленицы уже и весна на пороге!

Солнце припекает всё сильнее, сугробы расплываются лужами, с берега все громче и стремительней сбегает ручей, собирающий воду из-под поникших кустов. Вода в реке прибывает, сначала появляется узенькая полоса между берегом и льдом, с каждым днем она становится всё шире и шире, и вот уже вербы под берегом стоят по пояс в мутной воде. Лед становится иголь-

чатым, бутылочно-зеленым, покрывается лужами и проталинами. А ночью в полной тишине вдруг раздается громкий, неожиданный взрыв, потом доносится неясный гул, скрежет, плеск воды от сталкивающихся и переворачивающихся льдин. Так начинается ледоход. Стайка домашних гусей, истосковавшихся за долгую зимнюю пору по вольной воде, спокойно расположилась на небольшой льдинке и невозмутимо чистит перышки. Порой глыбы льда цепляются за прибрежные деревья, создавая заторы, и тогда неизбежно начинается хаос. На застрявшую льдину налетает следующая, под натиском воды она встает вертикально и потом обрушивается вниз, с грохотом рассыпаясь сотнями сверкающих на солнце осколков. Мутная, клокочущая вода почти заполняет все пространство вокруг, затапливает лес, и уже совсем близко подступает к краю высокого берега. Льдины - целые поля - с камышами, самодельными хоккейными площадками, остатками выдернутых с корнями кустов и деревьев, вертятся в водоворотах.

Так и уносит вешняя вода все ненужное, напускное, отжившее, завершает еще один жизненный цикл, обновляя и возрождая землю в том краю, что зовётся родной сторонкой.

ОДА НОГАМ

Очень хорошему человеку посвящается...

Пятница, последняя пара – и быстро в метро, длинный переезд по маршруту «Кузьминки» - «Щелковская» с нудным переходом на «Курской». В руке сумка с московскими гостинцами. Быстрее, еще быстрее – нужно успеть к автобусу на 17-20. Начинается муторное торканье «Икаруса» на темной, с выщербленным асфальтом, двухполосной Московской кольцевой. И дальше, в ночь, только мерное гудение мотора и уплывающие назад деревья и деревни. Наконец, в двенадцать ночи у аптеки радостная встреча, уютный УАЗик, поздний вкусный ужин и длинные разговоры обо всём: академии, Москве, преподавателях, друзьях, детях, работе и красивых тряпочках. В большой

комнате из мебели – ярко-оранжевый диван и натянутые под потолком бельевые веревки с развешанными до пола простынями. Хлопает внизу дверь, гудит на дороге машина – это уже доярки отправляются на ферму на утреннюю дойку. В сумеречном свете расплзаемся «докемаривать» – впереди еще целая суббота для общения. Но тут тихонько скрипит открывающаяся дверь, из-за низкого занавеса белой простыни появляются чьи-то маленькие, пухлые и чуть косолапящие ножки. И – ни звука больше.

Шло время. Таких поездок было много. В государстве менялся социальный строй, в семье – количество детей, в доме – интерьер, но неизменны оставались радушный прием, уютный УАЗик, вкусные ужины-обеда, желание отдать студентке всё свое самое лучшее, нагрузить обратную тяжелую сумку деревенским хАрчем и сунуть на прощание в мой карман последнюю в семейном бюджете десятку... А еще подрастали ножки... Они, как и прежде, ранним утром шлепали по полу и замирали у двери.

С течением времени вместе со своим обладателем ножки незаметно превратились в довольно устойчивые, я бы даже сказала – фундаментальные – ноги, и разными, в том числе иногда извилистыми путями, исправно несли по жизни своего хозяина. Сначала они петляли подростка в кроссовках «Аидас» по домашним тропинкам, а потом уже юношу в «Мартенсах» – через Орёл, Балашов и палящее солнце стадиона – привели в Москву. Дважды чеканным шагом гордыми берцами промаршировали по исторической брусчатке Красной площади, и, не замедляя ход, рванули марафоном на Восток по местам столь отдаленным и глухим, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Бывало, покоряя амурские сопки, они уставали и ломались, с благодарностью принимали помощь других – более целых на тот момент – конечностей из ближнего окружения. По пути в госпиталь вместе с гипсовым сапогом и парой костылей вскарабкивались на вторую боковую полочку плацкартного вагона, уступив своё законное нижнее место другим, еще совсем несмышлёным розовым пяточкам. И непременно возвращались

в строй. Вытаскивали они своего хозяина из тяжких передряг, приводили к чуждым красотам, взбирались на горы, истоптали многие версты приграничных китайских дорог.

И вот уже не юношу, а зрелого мужа и отца понесли эти слегка подуставшие ноги на Запад, в холёные европы. Крутили там педали велосипеда, гоняли по брусчатым улочкам, отмеряя уже заморские мили всяких там копенгагенов, лондонов, стокгольмов, ослов, римов, праг, парижев и прочей кучи всяких мест. Где только не отпечатались их кедовые следы... Далее топтали пыль прикубанских переулков, давили на газ (а иногда и на тормоз) своей автоканарейки, облазили побережье Понта Эвксинского и прилегающие к нему разные возвышенности. А сейчас вот добрались до дальних южных пределов, оставляя четкие следы в раскалённых краснозёмах. Куда же еще приведут эти неутомные ноги своего обладателя? В принципе – это не столь важно.

Главное, что везде оставляют они ровные, чистые, светлые отпечатки добра и радости. А всё потому, что управляет ими мудрая голова, доброе сердце и чистая душа.

Шагай дальше, дорогой наш человек! К широким горизонтам, высоким вершинам, голубым далям и краям неизведанным. И пусть в одном строю с тобой таким же уверенным шагом идут твои Ангелы-Хранители.

Виктор Волков

*г. Сасово, Рязанская область
(1941-2014)*

МАТЬ

Наверно, все такие матери,
С таким же сердцем, как моя.
Я к кораблю иду на катере,
Свою романтику тая.
И мать волнуется, бессонница
Одолевает по ночам...
То к сердцу вдруг рукой притронется,
То на дом вызовет врача.
Оно угрюмое и нежное,
Порой опасное, как чёрт.
Но синева и даль безбрежная
Кончаются у входа в порт.
О кораблях мечтают пристани,
У нас работа – день-деньской...
А мама в море смотрит пристальной,
Глаза чуть-чуть прикрыв рукой.
Она волнуется, тревожная,
То писем ждёт, то телеграмм...
Нет, жизнь у нас совсем не сложная,
Она сложна у наших мам.

Надежда Казакова

г. Химки, Московская область

ВОТ И СВИДЕЛИСЬ...

Памяти Василия Михайловича Платонова

Издалека он шёл. Как ни встань, как ни повернись – не видать отсюда того места.

Не щebetали жаворонки, несмотря на ранний рассветный час, не танцевали в глубокой дали атласного неба, не спешили с лёту на секунду-другую прильнуть к земле, отдохнуть и снова выпорхнуть в высь недосыгаемую прямо из-под ног. Последний месяц лета.

И кукушки ремесло своё забросили, не ворожат, не предсказывают, не сулят долгих дорог и многих рассветов. Август. Второе число.

Старые люди говорят, каким бы ясным ни было утро, после обеда всегда набежит откуда-то облачко, через сито сбрызнет землю, прибьёт пыль, а то и ливень с громом и молнией землю накроет. Ильин день.

А сейчас – благодать. Ветерок причёсывает ниву. Косы из колосьев хочет заплести, а они уворачиваются, не даются. Свернул с тропинки, снял с левого плеча палочку, на конце которой матерчатая сумка висела, сложил на землю у своих ног, протянул руку к крупному ржаному колосу, сорвал, не спеша растёр между ладонями. Крупными ровными каплями солнце сошло в загорелые его пригоршни.

Май с июнем погодой не баловали, дождями да ветрами каждый день отмечался, а июль сухой, тёплый выдался, вот и уродился хлеб. Центнеров по сорок на круг соберут.

И снова палочку с сумкой – на левое лечо, а в правом кулаке противоположный конец крепко держит. Золотистая рубашка в бирюзовую и розовую клетку мелькает в хлебном поле, серые брюки из простой ткани в рубчик заправлены

в кирзовые сапоги, припудренные пылью. Под кожаной чёрной кепкой – тяжёлое серебро седины.

Вот поле и закончилось. Теперь через барский сад надо пройти. Нет уже сто лет барыни, и барский дом, где после революции размещалась школа, раскатали в ноябре сорок первого по брёвнышку и построили в срочном порядке мост через речку Мутёнку.

Да, исторический мост построили. На нём встретила в надвигающихся сумерках наша сорокапятка танки Гудериана. Сделала выстрел, потом ещё и ещё, ошеломила врага, поставила в тупик. Утром, как водится у дисциплинированных немцев, предполагал противник разведать обстановку и спланировать дальнейшие действия, но той же ночью гвардейцы генерала Белова погнали фашистов прочь, всё дальше и дальше от Москвы.

Школу не восстановили, и деревенские ребяташки от мала до велика учиться ходили в соседний посёлок по три километра в одну сторону и столько же обратно. А потом возмужавшие школьники уехали в города, обзавелись семьями, их дети родились там, и в школе нужды уже не было.

...Нет и старой бани, и липовых аллей с оранжереями, и качелей с каруселями, а название «барский сад» осталось. По самой кромке косогора, где прежде он был разбит, густой орешник растёт. Минуешь его – и увидишь, как от подножия другого косогора избы вверх по улице карабкаются. Жена родом отсюда. Прикипел к потаённой среди лесов и оврагов деревушке за много лет.

Около сотни дворов, говорят, в ней было. В тридцатые годы объединились крестьяне в колхоз «Пламя». Лошадей, овец, коров, поросят, кур да гусей сообща кормили, выхаживали. Ещё хлеб сеяли, горох, гречиху; на окской пойме (до неё километров пять пешком) овощеводческая бригада капусту, лук, помидоры и огурцы выращивала. Мельница была своя, скотные дворы и, между прочим, детские ясли, и даже изба-читальня. Шефы из Московской консерватории каждое лето приезжали и концерты устраивали.

Давным-давно нет ничего из того, что было прежде. Силосную башню из известняка, которая белой поминальной свечой стояла ещё лет пятнадцать после разорения скотного двора, и ту со временем разобрали. Дармовой стройматериал в основном пришлые люди использовали, кто как мог и хотел. И дорожки мостили на участках, и сараи ставили, и даже фундаменты под свои хоромы заливали.

Свой домик, почитай, лет тридцать пять назад на месте обветшалого родового гнезда жены строить начали. Ладный, уютный получился домик, под высокой крышей. Комната просторная о трёх окнах и кухня. Террасу позже пристроили, покрасили в лазоревый цвет. Издалека видно.

Зимой – в городской квартире, а с ранней весны до глубокой осени – здесь, на земле. Летом и в выходные деревня оживает. Поразъехались-поразбежались люди, когда в колхозе за трудодень платили чуть больше копейки, а налогом облагался каждый улей, каждая курица и яблоня. В городах заработали пенсию, оставили станки и кульманы, вот тогда их деревня и нагнала, позвала вновь к себе. Бывшие колхозники стали дачниками.

...Сад получился отменный: сохранили груши старые, посадили яблони, вишни, смородину, крыжовник. Внуки выросли здесь. Пока в школу не пошли, по полгода на даче проводили. Свои грядочки у них были, лук сажали, помидоры, картошку. Всего по десять штук. Поливали родниковой водой. Коромысла им сделал маленькие, на них воду в литровых жестяных ведёрках и носили. Ни капельки, бывало, не расплескают, хоть неблизкий путь от родника до дома, метров восемьсот, а то и весь километр.

До речки несprehом дошёл. Отсюда пруд виден как на ладони. Куртинки ольхи к самой кромке подступили. Вода – что зеркало – гладкая и холодная (ключей много бьёт) даже в палящий зной, бодрит. Внучков тут плавать учил. Дал каждому по два оструганных чурбачка, зажали их под мышками и давай ногами работать! Теперь плавают так, что не догонишь.

Искупаться бы, освежиться, отдохнуть на бережку, да времени в обрез.

Перебраться по лаве на другой берег надобно. Всё в гору потом, всё в гору.

Не бежит по дорожке никто наперегонки, не встречает: выросли внуки, по два высших образования получили, на хороших должностях в столице работают.

Сам к ним приду, может, и застану на даче, если отпуск не кончился. Вот и свидимся. Недалеко осталось: Ивановых дом, Прониных, Титовых. Вот и наш.

Штакетник всё тот же, да он и неплохой, крепкий. Надо было, как и террасу, в лазоревый покрасить: и в ненастный день глаз бы радовался, за него ухватившись.

Во дворе, рядом с домом, стройматериал аккуратно уложен. Вагонка, доска половая шпунтованная, бруски. «Архангельский лес» на упаковках написано. Дорогой товар, но качественный, сухой, видно по всему. Ремонт затеяли. И правильно. Пора.

Гляди-ко, рамы уже поменяли, без подсказки и подмоги.

Оконные переплёты прочные, по уму сделанные, не то что в девяностые. Тогда многие себя краснодеревщиками считали, а на деле-то и умели всего рамы из тонюсеньких планочек гвоздями сбивать на скорую руку. Эти добротные, красивые. Ясенем пахнут. И двери новые установили. Тоже из ясеня. Люкс-прима!

Погладил ладонью бережно, с любовью узоры на тёплой древесине, постучал три раза, как было у них издавна условлено, а сам машинально на ручку нажал и дверь широко распахнул:

— Есть кто дома?

Шагнул через порог, кепку снял, поклонился слегка:

— Рано ещё. Что не спишь-то, Поддубный (так называл внука за высокий рост, косую сажень в плечах, силу и любовь к земле родной)? Это моё дело, стариковское, до рассвета вставать, чтоб везде успеть ко времени.

А сам сумку матерчатую снимает с палочки, что на левом его плече лежала, открывает, мягкую фланель аккуратно разворачивает и что-то протягивает:

— Рубанок тебе принёс. Шлифтик. Отец мой в сорок пятом из Германии привёз. Материал есть у тебя, обработай

как следует и скамеечку под восточным окошком почини. Давно обещал я бабушке, да не успел.

Красивый парнишка поднял от ноутбука глаза, вскочил стремглав, подбежал к тому, кто казался когда-то великаном, а теперь мог затылком упереться ему в плечо, захотел обнять со спины, обхватив под мышками, и закружить, закружить от радости:

– Дедúшк!

Собственный голос отозвался эхом в пустом доме и сердце. Сон как рукой сняло.

На электронных часах светилась надпись:

5:30

Пятница, 2 августа 2019 года

Двумя годами раньше, ровно в это время, седой загорелый старик сидел на скамеечке под окном на восток. Откинувшись на спинку и по гладким кленовым перекладинам распластав руки крестом, каждой клеточкой он вбирал тепло восходящего солнца, начинавшего свой путь по небосклону. Его же земной путь в тот день стремительно покатился к западу и завершился через пятнадцать часов и одну минуту...

Август 2019 года

Лариса Калюжная

г. Санкт-Петербург

ПСКОВСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Всё прошлое угаляется от нас и будто никнет в тумане.

Владимир Даль

Мне жаль упущенных возможностей в деле создания семейного архива. Ведь было время, когда ещё здорововали представители старшего поколения, с помощью которых можно было бы собрать уникальные сведения о своих корнях, составить родословную, заглянуть в прошлое. Казалось, это время будет длиться вечно...

Когда я спохватилась, последним свидетелем детства и юности моего отца Ильи Михайловича Ковалёва (1917 г.р.), осталась его младшая сестра Александра Михайловна Тарасенко (в девичестве Ковалёва, 1920 г.р.).

Я попросила тётю Шуру поделиться воспоминаниями и получила от неё три школьных тетрадки в клетку с записями о жизни в отчем доме.

До войны

«Наша семья жила в небольшой деревне Федосы на границе с Белоруссией, нас разделяла только речка Нища. В деревне насчитывалось всего десять дворов.

Кроме жилого дома в нашей усадьбе имелись баня, хлев с амбаром, сарай для сена, сарай для молотьбы, а неподалёку, через дорогу, – колодец с журавлём. Постройки располагались отдельно друг от друга. Все они были деревянными, крыши покрыты соломой.

В доме стояла русская печь, никаких перегородок не было, спальню отделяли занавески. Из мебели имелся шкаф для одежды, комод, столы, кровати деревянные и скамейки.

Нас у папы с мамой было восемь человек: четверо сыновей и четыре дочери (ещё один наш братец Семён умер в младенчестве).

В нашей семье царило спокойствие, взаимное уважение и послушание – слово родителей было законом для нас, и мы его выполняли.

Никто – ни отец, ни братья – не употреблял спиртного, не выражался нецензурной бранью.

Мои родители, братья и сёстры были верующими, молились дома, ходили в церковь. Самой твёрдой в вере была старшая из сестёр, Мария. Она приучала нас всех и своих деток к вере в Бога. Сёстры Антонина и Евдокия были менее верующими, они реже посещали церковь, молились дома. Братья тоже особо не отличались религиозностью. Мне кажется, вера в Бога в нашей семье была слабоватой.

Всё это я наблюдала, когда подросла, а что происходило до моего ока, как веровали в Бога наши предки, мне неизвестно. В нашем доме религиозной литературы не было, были только иконы, которые сгорели вместе с домом.

Помню, как мы с Ильюшей, самые младшие, по наставлению родителей посещали церковь, исповедовались и причащались.

Позже в отношении веры сыграла роль другая власть, другая жизнь. Примерно в 1930 году церковь закрыли, все кресты и колокола сбросили, внутреннее убранство сняли. Церковь превратили в клуб, куда мы ходили на танцы – как тогда называли, игрища. На этих вечерах случались драки, не только кулачные, но и с ножами, совершались убийства. Когда мы собирались на танцы, отец говаривал: «Идите, идите, детки, на игрища, там зовут вас: «В церковь, в церковь, с ножиком, с ножиком»». Сначала и нам неприятно было идти на танцы в церковь, а потом привыкли.

Родители возмущались таким поворотом в жизни страны – отторжением религии, вступлением в колхоз, обобществлением «лишнего» скота, ну а мы, детки, этого ещё недопонимали. Советская власть нам нравилась потому, что был всеобуч, все дети должны были учиться в школе.

Я и мой брат Ильюша, с которым мы были очень дружны, отклонились от веры в Бога, так нас учили в школе.

А когда мы с ним начали и сами работать в школе учителями, то уже были противниками религии, считали кощунством, чтобы учить детей в школе не верить в Бога, а дома перевоплощаться в верующих.

Но вообще-то я в настоящее время верю, что есть невидимая сила, которая управляет делами нашими земными, всеми живыми существами и всеми процессами, происходящими на земле. И когда в жизни приходится туго, то наши первые слова – «Господи Боже мой, помоги мне!» И, кажется, помогает, на душе становится легче.

Наше поколение уже трудно приучить к вере в Бога, а вот молодое поколение, дошкольники, быстро впитают в себя духовное воспитание.

Мои родители относились к классу крестьян-средняков. В своём хозяйстве мы имели две лошади, четыре коровы, поросят, овец, гусей и кур. Мы были обеспечены хлебом, мясом, молоком, овощами. В больших бочках засаливали на зиму огурцы, капусту. Столовую свёклу зимой хранили в погребах, а весной замачивали в бочках, и получался вкусный полезный напиток для лета. Были яблони, нам хватало своих яблок.

Кроме того, отец занимался рыболовством, и зимой и летом у нас была свежая рыба. Ловили её сетями, нарóтами, черплáми, бродникáми, сачкáми.

Большим подспорьем было то, что мы ежегодно заготавливали на зиму много ягод и грибов.

Но вот белого хлеба мы и в глаза не видели, так как пшеницу в поле не сеяли. Не кушали мы никаких сладостей: ни сахара, ни конфет, – потому что денег у нас было очень мало. Братья и сёстры зарабатывали деньги на временных работах, весной убирали делянки после вырубki леса.

Мама и старшие сёстры в зимний период день и ночь пряли пряжу и ткали полотно: надо было обеспечить одеждой большую семью.

Во время коллективизации вся моя семья вступила в колхоз. Одну лошадь и трёх коров пришлось сдать.

Примерно в 1925 году старший брат Афанасий уехал в Ленинград. Позже уехал в Ленинград и Николай. Мария, Антонина и Евдокия вышли замуж. Александр работал в колхозе. В 1930 году уехали в Ленинград с мужьями Антонина и Евдокия, где и проживали до начала войны. Я и Ильюша закончили Идрицкое педучилище. Илья работал учителем в Ляховской семилетней школе, откуда был в феврале 1940 года призван в ряды Советской Армии. Там его и застала война. Я до войны работала учительницей в Клёсинской школе.

Самыми радостными у нас были дни, когда Афанасий приезжал домой в отпуск и привозил нам продукты: вкусную селёдку, колбасу, конфеты, сушки и т.д. и разные промтовары. Я до сих пор помню расцветки тех ярких тканей, платьев, красивую обувь, мы примеряли всё это на себя несколько раз в день, что доставляло нам большую радость и удовольствие.

Из верхней одежды носили шубы из овчин домашней выделки, назывались они кожары. Из своего самодельного сукна носили армяки, куртки, сермяги. Нательное бельё было грубое, из домотканых льняных тканей. В фабричное бельё наряжались только в праздничные дни, на ярмарку. Правда, перед началом войны мы стали побогаче: Ильюша уже работал учителем в школе, а в 1938 году я начала свою трудовую деятельность. Помню, когда я ещё училась, Ильюша со своей зарплатой купил мне зимнее пальто серо-зелёного цвета, моей радости не было предела, пальто подошло мне по размеру, лёгкое, красивое.

Ильюша и для себя купил всё необходимое: одежду, обувь, костюм светлого цвета и даже велосипед. Отправляясь в армию, велосипед подарил мне, я на нём каталась и до войны, и в войну до появления партизан, а потом велосипед взяли партизаны.

Александр работал в колхозе трактористом, а дома был сапожник, музыкант: он играл на гармошке, а мы с Ильюшей танцевали под его музыку, за что получали очередную похвалу. Александр шил для нас обувь из кожи самодельной выработки, она была для нас драгоценной, мы её обували только

в школу, дома же всё лето ходили босиком, а в поле – пасти коров – надевали лозовые лапти. Зачастую и зимой бегали по снегу раздетыми, разутыми, без штанишек и без чулок, только в длинных холщовых рубашонках. Вот, наверное, потому мы и оказались закалёнными.

Электричества у нас в ту пору ещё не было, освещались керосиновыми лампами. Но керосин не всегда поступал в продажу, да и денег зачастую не было, поэтому выручала лучина, которую зажимали в специальное железное приспособление, называемое светец, высотой в полтора метра. За ночь нагорала большая куча углей, все потолки и стены от копоти были коричневого цвета. Один раз в год, к Пасхе, мы начисто вымывали потолки и стенки мочалками из полевого хвоща, да ещё с песочком, тогда у нас в доме всё блестело.

Крестьянская жизнь – тяжёлый труд, особенно в весенне-летнюю пору, когда пахали, сеяли, убирали с полей хлеба, овощи, заготавливали корм скоту.

Уборка хлеба – длительный и трудный процесс. Рожь и ячмень жали серпами, всё сжатое связывали в снопы, снопы для сушки составляли в бабки. Через две-три недели (при хорошей погоде), когда снопы подсыхали, их отвозили на тока (ток – это сарай с глиняным полом), где их укладывали в стопку, как дрова. Затем проводили вторую сушку в специальных помещениях с печкой, называемых осётями. Наверху, отступив примерно полметра от потолка, прикрепляли жёрдочки, на которые насаживались снопы. Чтобы высушить снопы окончательно, надо было истопить печь два-три раза, после чего можно было начинать молотьбу. Молотили на току: на глиняный пол размещали снопы вкруговую и начинался очень интересный процесс молотьбы специальными цепями. На обыкновенную палку-рукоятку привязывали тонким ремнём, продетым через просверленную дыру, вторую отточенную палочку, длиной 35–40 см, называемую цепок. Когда начинали цепами ударять по снопам, то маленький цепок принимал вращательное движение, и сухое зерно отделялось от соломы. По количеству ударов цепами можно было определить, сколько человек принимало участие

в молотье. От очередных ударов в такт получался очень красивый звук.

После молотьи солому убирали, потряхивая её деревянными вилами, а зерно с мякиной оставалось. Затем зерно сгребали в кучу и начинали веять вручную. Отец усаживался на колодочку и деревянным совком разбрасывал зерно по всему току, в результате чего зерно отлетало далеко, а мякина оставалась почти на месте, зерно сгребалось в кучи и измерялось четвериком – это деревянная кадочка чуть побольше обыкновенного ведра.

Хранили зерно в специальном помещении, называемом клеть. Вся площадь этого помещения была разделена на несколько отдельных засеков, в которых хранились рожь, ячмень, горох, бобы, конопля и т.д.

Заготовка сена проходила полегче, простым обычным способом: косьба, сушка, уборка.

Вот так, упорным кропотливым трудом всей нашей семьи, и в первую очередь родителей, мы обеспечивали себя продуктами питания, одеждой и даже обувью.

В зимний период дети учились в школе, которая находилась в деревне Долосцы, это в трёх километрах от нас. Мужчины заготавливали дрова, ухаживали за скотом, плели корзины из сосновой лучины и лапти из верёвок. Женщины пряли пряжу, ткали льняное полотно, шили вручную из полотна бельё и постельные принадлежности. Кроме того, женщины обрабатывали льнотресту на примитивном станке под названием «мялка». Это очень кропотливая и трудоёмкая работа, но почему-то её выполняли женщины. Надо было затратить много сил и времени, чтобы обработать одну прядь льна и получить из неё «повесьмо», которое можно было прядь на прялке. Эту прядь надо было хорошо перемять в мялке, затем трепать трепачкой (это такая тоненькая дощечка формы совка), пока не выбьешь всю костру. Одной рукой держишь повесьмо, а другой – трепачку, которой бьёшь по повесьму изо всех сил. И только примерно в 1935 году были созданы льнозаводы, оснащённые машинами для обработки льнотресты, что облегчило труд колхозников.

Дети пасли в поле лошадей, коров, овец, гусей. Лошадей отправляли на пастбище в ночь, так называемый «ночлег». Их тоже надо было пасти, чтобы уберечь от нападения волков и воров, а чтобы лошади далеко не уходили, их ноги спутывали верёвками – путами, да ещё на шею привязывали колокольчики. Гуси, около двадцати штук, паслись на лугах, плавали, купались в речке. Если упустишь их из виду, то убегут и заберутся в поле, где растут зерновые культуры – ячмень, овёс, и оставят их с голыми стебельками... Тогда, пастушок, жди выволочку от родителей или от соседей.

В воскресные дни и религиозные праздники мы все, вместе со взрослыми, отправлялись в лес собирать грибы и ягоды. Это было тем хорошо, что на примерах старших младшие детки приучались к труду, не бездельничали.

Были у нас и дни отдыха. В жаркую погоду мы целыми днями загорали и купались на берегах речки. Поешь, попьёшь – и опять в воду. Учились плавать на тростниковых плавниках, не боялись самых глубоких мест, так называемых «виров бездонных», в которых не было заметно течения воды – вода кружилась на одном месте, как в тарелке.

Мы любили кататься на всевозможных качелях, было много и других интересных спортивных забав, таких, как прыжки в длину, высоту, лазание по деревьям, катание верхом на лошадях и т.д. Распевали песни и частушки народного творчества.

С большим интересом мы в детстве занимались рыбной ловлей. В нашей речке водилось много рыбных мальков, они скапливались у берегов реки на песчаных отмелях большими косяками, ловили их сачками и даже обыкновенными головными платками.

А ещё нам очень нравилось ловить рыбу силками, но так ловилась только щука. Незабываемое зрелище, когда в тихий солнечный денёчек мы шагали по извилистым берегам речки и искали свою добычу. Вода прозрачна и просвечивается на метр-полтора в глубину. И вдруг замечаем щуку! Замаскировавшаяся, еле различимая с травой, она греется на солнышке.

Осторожно приближаемся к ней, чтобы не спугнуть, накидываем на голову силок, тащим за рукоятку, петля затягивается – и щука поймана! Сколько радостей!

Ильюша изготавливал для нас, малых деток всей деревни, разного рода поделки из дерева, сосновой коры – кораблики, лесенки, посудку, свистки, даже выстругивал куколок, что очень радовало девочек. Мы тогда шили одежду для кукол и мало когда расставались с этими игрушками: носили их в сумочках с собою и при благоприятных обстоятельствах располагались поиграть, будь то дома или в поле, присматривая за скотом. А вот настоящих магазинных игрушек у нас в детстве не было, их даже и в наших магазинах не продавали.

Ильюша в детстве любил кататься верхом на лошадях. Мне понравилось это занятие, и я тоже решила попробовать, мне тогда было семь лет. Тайком взяла спокойную лошадь по кличке Картель, кое-как по забору забралась на неё, уселась верхом, уцепившись ручонками за гриву, и помчалась по дороге вдоль деревни, раскрыв свою «мялицу» от удовольствия. День был жаркий, лошадь мотала голову вверх-вниз, отбиваясь от слепней, заодно смахнула и меня, я перекувыркнулась через лошадиную гриву и упала на землю вниз головой. Хорошо, что лошадь умная была, перешагнула через меня и побежала вперёд. Ну а со мной ничего серьёзного не случилось, шея выдержала, не сломалась, только что получила сотрясение мозга, а это быстро прошло. Потом я научилась кататься на лошади нормально.

Самым любимым и уважаемым из всех моих братьев и сестёр, направляющим мою судьбу, был мой дорогой братец Ильюша, с добрым мягким характером. Он последний рубль делил со мною пополам, помогал в жизни советами, делами, в детстве спасал меня от всякого рода несчастий и казался мне всемогущим.

Помню, как Ильюша отлавливал меня, утопающую в речке во время купания; вытащил из воды, когда я в свином корыте отправилась в плавание по луже и опрокинулась вместе с корытом.

Детство наше прошло вместе, оно казалось нам прекрасным, самым весёлым незабываемым временем, хотя мы тогда не понимали всей тяжести нашей жизни, не замечали её недостатков.

Примерно в 1930 году мы впервые увидели трактор. Весь народ собрался в поле и шёл за трактором, удивляясь, как быстро эта чудо-машина его вспахала. В это же время мы впервые смотрели немое кино, что доставляло нам большое удовольствие, хотя мы в нём ничего не понимали, только что видели движения действующих лиц.

Интересны были названия наших деревенских блюд, на вкус они нам нравились: комы́, дра́ники, стульцы́, солоду́ха, маслёнка, крупёня, по́левка, гу́ща, ботви́нья и т.д. В настоящее время таких блюд нигде и не встретишь, разве что в Белоруссии, так как белорусы были нашими соседями.

Самым любимым блюдом в нашей семье были комы, готовить их трудно, но кушать приятно. Сырой картофель надо натереть на мелкой тёрке, откинуть на сито, дать стечь жидкости, добавить муку, сырое яйцо, соль по вкусу и всё это замесить. Для начинки берут сырое мясо, пропускают его через мясорубку или мелко нарезают, добавляют соль, чёрный перец, нарезанный репчатый лук и всё слегка обжаривают. Из картофельного теста надо скатать небольшие комочки, размять их в лепёшки, положить мясную начинку и скатать ком. В кипящую воду побросать комы, минут через десять осторожно перемешать ложкой и варить тридцать минут, затем слить воду – и комы готовы. Кушают их с молоком, маслом, сметаной. Комы вкусны и сытны, а если скушаешь десяток штук, то будешь сыт три дня. «Комы-уроды» – так их называют в народе, так как после отваривания они имеют не очень форменный вид.

Стульцы готовили из гороховой муки, густоты каши, кушали их с растительным маслом. Пекли и гороховые блинчики. Горох по калорийности – заменитель мяса-говядины, это самое подходящее постное блюдо.

Солодуха готовилась из муки проросшей ржи, которую специально проращивали, затем просушивали и мололи в жер-

новах. Заваривали её до густоты киселя, заквашивали, и получался приятный, очень полезный кисло-сладкий напиток.

Маслёнка – зёрна конопли толкли в ступке толкачом, затем добавляли чёрный хлеб без корок и снова толкли, получалась такая масса типа халвы, и мы с удовольствием её кушали.

Думаю, что такой кухонный инвентарь, как ухват, кочерга, сковородник, всем знаком, а вот киселёвка, колотóвка, помелó, может, и не знаком. Киселёвка изготавливалась из подходящего природного материала, когда ствол дерева и корень были расположены перпендикулярно друг к другу и одинаковой толщины. Применялась киселёвка для помешивания киселя в русской печи, чтобы не вынимать из неё посуды, в которой он варился.

Помелó – это наподобие метлы, только вместо берёзовых веточек к рукоятке привязывали сосновые ветки. Применялось помелó при выпечке хлеба в русской печи. Когда в ней догорят дрова, то угли отгребают кочергой, а помелом подметают золу и на очищенное место сажают хлеб на деревянной лопатке, подложив под комочек теста капустный лист или соломку, можно подсыпать и горсточку муки.

Колотóвка применялась для заваривания колотушки, она по форме типа зонтика с короткой рукояткой, сделанная из крепких веточек сосны. Вертишь рукоятку, как юлу, между ладошками, и комочки расколачиваются.

Бабушку и дедушку, как по линии матери, так и по линии отца, я не застала, они умерли. По рассказам родных дедушка Венедикт был кузнецом, в то время эта профессия была почётной и нужной. Он вёл разумный образ жизни, сумел сохранить себя до преклонных лет. Однажды он вёз сено, свалился с воза на землю, немного поболел и умер, ему было тогда 104 года.

Мама моя, Ковалёва Елена Ивановна, была трудолюбивая, правдивая, скромная, среднего роста, худощавого телосложения, глаза голубые, волос чёрный, даже в последние годы её жизни седина не тронула её волос. Младшего ребёнка, меня, мама родила, когда ей было пятьдесят лет.

Отец, Ковалёв Михаил Венедиктович, был преданный, справедливый, уступчивый, крепкого телосложения, умеренной

солидности, с румянцем во всю щёку, седыми волосами. Зимую по снежку в баню ходил босиком, любил пить воду только со льдинками.

Родители учили нас ни с кем не сводить счёты. Отец всё время твердил нам: «Отрежь от своего пальто кусочек полы и отдай, только бы обошлось всё хорошо».

Низкий земной поклон праху наших предков за трудолюбие и добронравие. Пусть они простят нас за то, что мы не всегда поминали их в назначенные церковным календарём дни. Но они всегда живут в наших сердцах и памяти.

Война

В начале лета, перед войной, я приехала домой в отпуск, к отцу. Мама к тому времени уже умерла, это случилось в марте 1941 года. А 22 июня к нам прибыла из Ленинграда Анна Ивановна Ковалёва – жена брата Николая – с пятилетним сыночком Толенькой. Вот нас четверых вместе и застала война.

Эвакуироваться в тыл мы не смогли, потому что отец был болен. Очень быстро, примерно через три недели, немцы оккупировали наш район. Шоссейная дорога находилась от нашей деревни в трёх километрах, поэтому немцы заглядывали к нам редко. Но запомнилось на всю жизнь, как они требовали шпик, масло, яйца, ловили кур, гоняясь за ними по огородам. Трудно нам жилось в немецком тылу и страшно. Молодёжь угоняли в Германию. Но нас Бог помиловал.

В первый год войны семью поддержала своя коровушка, а потом её забрали партизаны и мы остались ни с чем. Всеми силами мы старались вырастить что-то на своём огороде.

В 1942 году в нашей местности появились уже партизанские отряды, число их с каждым днём увеличивалось. Со временем они поселились в нашей деревушке на постоянное местожительство.

Немцы, с целью уничтожения партизан и населения, начали устраивать частые карательные экспедиции. Вместе с партизанами мы уходили в лес, где прятались в болотах, не находя себе

места даже под корягами и мхом. Те мирные жители, которые во время немецкой экспедиции оставались в деревнях, были сожжены заживо вместе с постройками.

В 1943 году умер отец. Зная такие злодеяния фашистов, мы с Анной Ивановной и Толей в октябре ушли в лес, в партизанскую зону. Все запасы зерна, картофеля, одежду мы зарыли в землю. Пока было тепло, жили под открытым небом, согревались у костра, а с наступлением холодов перешли в бункера, покинутые партизанами. Жизнь в лесу была невыносимой: голод, холод, без бани, все переболели сыпным тифом. По ночам ходили в свою деревню, за двадцать километров, на заготовку продуктов питания, приносили в мешках зерно, картофель, добытые в поле из погребов, это была наша основная пища, и притом без соли. Хорошо то, что мы не видели и не попадали сами в настоящие военные бои, но временами пули проносились около наших ушей.

В одну из немецких карательных экспедиций была сожжена наша деревня, но в ней в это время не было ни одного человека.

Находясь в глубоком немецком тылу, мы не верили в то, что наша местность навсегда останется оккупированной, и наше желание стало действительностью.

Трудно выразить словами, как мы были рады приходу нашей Красной Армии! 17 июля 1944 года мы с Анной Ивановной и Толей со слезами на глазах вышли из леса, нам навстречу шли машины с нашими воинами, мы от всей души, как только могли, приветствовали их, кричали: «Ура!» Этот день был самым радостным в моей жизни!

Возвратились мы на своё пепелище и не знаем, за что нам встать. Начали собирать кое-какие доски, построили крышу над головой. Питались кое-как, голодовали, кушали щавель, ботву свекольную, были рады прошлогодним клубням картофеля, которые находили в поле и в погребах, где он хранился. Ямы, в которые мы зарывали зерно, оказались пустыми, фашисты обнаружили их, зерно увезли. Одежда, зарытая в землю, пришла в негодность. И нам пришлось начинать свою жизнь с нуля.

Немного придя в себя, я отправилась в Себеж, где подыскала комнату и устроилась на работу в РОНО инспектором по политпросветработе. Немного позже устроила на работу и Анну Ивановну, поваром в детский дом.

Ильюша с фронта прислал мне письмецо и одновременно – в сельский совет, с просьбой сообщить о моей судьбе, так завязалась наша переписка.

Долго ещё после войны нас сопровождали разруха и голод, но было легко от мысли, что война окончена и постепенно мы обрели человеческий образ жизни».

После войны из восьми братьев и сестёр в живых осталось пятеро. Старший – воин Афанасий – умер в госпитале от ран и голода в блокадном Ленинграде. Рядовой Александр пропал без вести в сентябре 1942 года. Евдокия пропала в блокадном Ленинграде. Николай и Антонина пережили ленинградскую блокаду, всё это время они не знали о судьбе сыновей, которых 21 июня 1941 года отправили на лето к родне в псковскую деревню. Мария и Александра оказались на оккупированной территории и спаслись, укрываясь в лесах. Илья прошёл всю войну без единого ранения, участвовал в Сталинградской битве, день Победы встретил в Австрии, демобилизовался в звании капитана.

Тверская деревня

Передо мной лежит толстая старая тетрадь, исписанная летящим маминым почерком, со вклеенными в неё пожелтевшими фотографиями и карандашными зарисовками. Мама исполнила мою давнюю просьбу: написала о своей жизни, о родных, которых знала сама или о которых ей рассказывали родители, составила родословную. Мне всегда хотелось побольше узнать о моих дедах и прадедах, об их жизни; и ещё я поняла, что это необходимо сделать для моей подрастающей дочери.

И вот я перелистываю тетрадку с воспоминаниями, и во мне медленно переворачиваются все мои школьные представления

о прежних временах. Я начинаю понимать, почему мама ничего не рассказывала о своём детстве и юности, почему мой отец-фронтовик не любил вспоминать военные годы и, к моему великому удивлению, никогда не ходил смотреть фильмы «про войну», и ещё многое-многое другое... В чертах повседневной жизни моих родных, о которых сохранилась семейная память, неожиданно проступает нечто большее – ход истории. Вот только исторические сведения, почерпнутые мною ранее из различных источников, не увязываются с маминым рассказом, достоверность которого для меня очевидна. Даже мелкие подробности быта и событий, о которых упоминает мама, а может быть, именно они, очень убедительны своей бесхитростной простотой. От этих трогательных мелочей душа моя плачет и радуется, обретает способность различать добро и зло, и потихоньку тают в ней нагромождения ложных убеждений и понятий, так долго и тщательно нам внушаемых.

Мама родилась в крестьянской семье и первые десять лет своей жизни, с 1921 по 1931 год, прожила в родительском доме. Дом жил степенной нехлопотливой жизнью, каким-то чудом сохраняя уклад и порядок прежних, дореволюционных, времён. Всё в нём было устроено просто, но вместе с тем удобно и красиво. Внешние устои отражали внутреннюю суть обитателей дома: всё было строго подчинено их трудовым и духовным нуждам.

Удивительной для меня новостью оказалось то, что бедности и нужды в доме не было, крестьянская семья жила в достатке, трудом добывая всё необходимое для жизни. Из поколения в поколение передавались навыки ведения крестьянского хозяйства, секреты ремёсел, которыми занимались в зимнее время.

Труд был привычкой, необходимостью и радостью. Но и забота о хлебе насущном не была самоцелью. Сутью всего строя жизни в семье была вера православная, и это проявлялось в устройстве дома, во взаимоотношениях между членами семьи, в труде и в беде. Из маминых воспоминаний я выбираю странички о её жизни в отчем доме.

ДОМ

Дом:
– строение для жилья
– семейство, семья, хозяева с домочадцами
– род, поколение

(«Толковый словарь живого
великорусского языка», В. И. Даль)

«Моё детство прошло в Тверской деревне Притыкино, приткнувшейся на берегу реки Волги. Это никогда не забываемая пора, дорогая память на всю жизнь. Мой папа – Чичигин Василий Иванович и моя мама – Чичигина Ирина Ивановна были очень религиозные, держались православной веры. Летом они занимались крестьянским трудом, зимой папа шил обувь и возил её продавать в Тверь и в Москву.

У нас был твёрдый уклад семейной жизни, в основе которой лежал труд. Но в большей степени, как я теперь понимаю, глубинным, невидимым стержнем жизни нашей семьи были вера, молитва и любовь.

Нас у папы с мамой было трое: мой старший брат Коля, моя младшая сестра Лида и я. Мы с раннего детства были приучены к порядку: в одно время вставали, ложились спать, отдыхали, играли. Все наши вещи лежали, стояли, висели на своих местах. Для детей папа сделал маленькие грабли, цеп, ворошилки, но не для игры, а чтобы удобно было работать. И мы с радостью, как большие, помогали взрослым сушить сено, жать рожь, овёс, копать картофель, даже молотили цепами снопы.

Наша семья жила в двухэтажном бревенчатом доме, обшитом тёсом и покрытом железной крышей. Крыша и дом были выкрашены в тёмно-красный цвет, а резные наличники – в белый. Двухэтажные дома в нашей деревне не были редкостью. Прямо напротив нас стояли два двухэтажных дома, один – обшитый тёсом и выкрашенный в зелёный цвет, другой – просто из новых брёвен с крашеными голубыми наличниками. Только несколько семей по разным причинам жили бедно. Хозяин одной из них, я помню, целыми днями сидел на завалинке

и играл на гармошке. А некоторые семьи ещё не успели встать на ноги, потому что у них было много маленьких детей.

В нашем доме было три входа: один – парадный, с двустворчатыми дверями, с широкой лестницей, ведущей в коридор второго этажа, второй – с противоположной стороны с такой же лестницей. Перила на лестницах поддерживались фигурными столбиками. Я хорошо помню эти столбики, потому что мне часто приходилось их мыть. Третий вход был через голдарейку, так называли большую открытую веранду под общей крышей дома.

Второй этаж делился на две половины: летнюю и зимнюю. Комнаты наверху считались парадными, там стояли изразцовые печи с синим рисунком, отдушины на них закрывались медными крышечками, которые тут же и висели на цепочках. Начищены они были до блеска. В летних комнатах стены были просто деревянные, вытесанные, жёлтые; остальные комнаты – внизу и наверху – аккуратно оклеены светлыми обоями с золотыми разводами. В летней половине висели тюлевые занавески на карнизах, а в зимней – белые с кисточками. Столы наверху были покрыты белыми скатертями. Комнаты внизу содержались попроще, столы накрывали клеёнкой, тёмные занавески спускались на всю высоту окна. На первом этаже принимали странников и нищих, им стелили свежую солому, давали домотканые простыни, одеяла, подушки.

Во всех комнатах на божницах стояли иконы в киотах, украшенные восковыми цветами, белыми льняными полотенцами с вышивкой и кружевом. Перед иконами горели лампы. В зале висела большая, очень красивая фотография Иоанна Кронштадтского в раме под стеклом, а также три картины, объединённые одним евангельским сюжетом: Голгофа.

В доме были книги, больше религиозные: Библия, Евангелие на русском и церковнославянском языках, Закон Божий, большая книга о Страшном суде, жития святых, молитвословы, календари церковные, святцы. Помню книгу об Иоанне Кронштадтском с красивыми портретами и цветными иллюстрациями. Были географические книги с картинками, мы с сестрой

любили их рассматривать. Папа с мамой читали книги по праздникам, а иногда и рано утром и вечером.

У нас с сестрой был деревянный сундучок с игрой: выточенные из дерева посеребрённые и позолоченные человеческие фигурки, церковь, ворота, ограда, колокольня. Из них можно было составить целый церковный приход.

Лишних вещей в доме не было, но в буфете стояла фарфоровая посуда для гостей, а на столе – большой самовар на красивом подносе. В праздники на стол ставили медную полоскательницу для рук. На колени гостям подавали льняные вышитые полотенца. В будни ели из общей, чаще всего глиняной, посуды. Бывало, едим суп, а мясо никто не вылавливает до тех пор, пока папа не стукнет по краю миски и не скажет: «Таскать!»

К коридору первого этажа примыкал хлев во всю длину дома. Туда можно было пройти, не выходя на улицу. В хлеву стояли лошадь, корова, там же размещались овчарня и курятник. Свиной не держали. Зимой для новорождённого телёнка разбирали несколько половиц в углу прихожей, и он там жил в тепле первое время.

Дом строили хорошие мастера, нигде ничего не протекало, не перекашивалось, не хлябало, не скрипело; всё плотно прилегало, закрывалось на крюпочки и щеколдочки.

Дом содержался в чистоте и порядке. Мама вставала рано утром, кормила животных, доила корову, топила русскую печь, готовила завтрак, обед и что-то на ужин. Когда мы вставали, у мамы уже всё было готово. Я и сейчас удивляюсь, как только мама успевала всё сделать?

Перед домом находился палисадник, огороженный штакетником с резным верхом, тоже выкрашенным в тёмно-красный цвет. В палисаднике росли рябины, сосны, кусты сирени и две берёзы, между которыми висели качели для детей. До сих пор любимый запах для меня – запах сирени из детства.

За домом стояли баня с двумя предбанниками и дровяник, дальше начинался сад. Между яблонями размещались ульи и домик, где находилось всё необходимое для ухода за пчёлами: рамки, вощина, сетки, дымарь. В одном из уголков сада

между двумя соснами были посажены лесные ягоды: брусника, черника, земляника, клюква, малина. Мы, дети, очень любили этот уголок. За садом находились сарай, амбар и житница.

Был у нас хороший погреб для хранения летом продуктов: молока, мяса, масла. В конце зимы его заполняли кусками льда. Погреб был с крышей, дверью, вниз вела лестница. Покрашен он был в тот же цвет, что и дом.

Папа умел пахать, косить, делать сани, плести корзины и лапти. Но главное ремесло, которым папа владел в совершенстве и которое кормило семью, было сапожное дело. Для того чтобы сшить хорошие сапоги, говорил папа, сапожник должен знать девяносто девять операций. Вопреки расхожему мнению, что «сапожник ходит без сапог», все члены нашей семьи имели удобную красивую обувь, которую шил папа, каждому по мерке. Слова «пъёт как сапожник» тоже были не про папу и всегда вызывали у меня удивление. В деревне папу уважали, звали по имени-отчеству, он был церковным старостой. Папа умел слушать собеседника, понимал шутку, был умным, немногословным, трудолюбивым. В доме никогда не употребляли бранных выражений, не говорили даже слов «дурак» и «чёрт». Если была необходимость, то вместо слова «чёрт» говорили «чеканяшка».

Мама была хорошей хозяйкой: готовила, вязала, вышивала, косила, помогала папе в сапожном деле, обшивала всю семью. Папе и моему старшему брату она шила рубашки и штаны, нам с сестрой – платья, бельё и даже пальто. А папе с мамой пальто шили настоящие портные. Они у нас жили и всё шили, а потом шли обшивать соседей и жили уже у них.

Конечно, пока мы были маленькие, маме трудно было управляться одной, поэтому на лето брали работницу. Всю работу она делала вместе с мамой, ели мы за одним столом, жили как одна семья. Я помню двух таких женщин-карелочек, Шуру и Лену, работавших у нас в разное время. Когда они приезжали на заработки, то старались попасть именно в наш дом.

А ещё мама любила читать. Хорошо знала Библию. В праздничные дни она рассказывала соседкам разные истории

из Священного Писания, из житий святых. Рассказывала как сказительница, немножко протяжным голосом. Мы очень любили её слушать. Мама знала много сказок и стихов, помнила наизусть молитвы и нас учила запоминать их.

В церковь мама ходила не к заутрене, а к обедне, а мы, стоя на службе с утра, только и ждали, когда мама придёт и принесёт нам испечённые рано утром пирожки или ватрушку.

Папа очень жалел и берёг маму. Они жили в большом согласии и были для нас идеальным примером семейной жизни. Мы очень любили своих родителей и слушались их с одного слова.

В 1931 году, когда мне было десять лет, нас раскулачили: отобрали полдома, описали вещи, они теперь стали не наши, папу лишили голоса, и всех нас стали звать «лишенцами». Опись проводили самые большие деревенские лодыри, один из них был нашим дальним родственником. Вещи увезли на нашей же лошади, по дороге уронили столбовую швейную машинку для шитья обуви и разбили. Наше хозяйство обложили «твёрдым заданием», стали присылать повестки, чтобы мы вывезли хлеб на приёмный пункт. Бывало, папа не вернулся ещё из одной поездки, как уже приносят новую повестку. Так вывезли последнее, даже оставленное для фуража, зерно. И уже нечего стало вывозить.

Ту половину дома, которую у нас отобрали, занял сельсовет. Через перегородку было слышно, как решали нашу судьбу: выслать или оставить. Мама была из бедной семьи, и её решили не трогать. Папу вскоре арестовали и отправили на год в ссылку, а потом в тюрьму, но он успел отвезти нас в Кимры, потому что мама боялась оставаться в деревне после всего, что случилось. Как чувствовала: потом многих, кто ходил в храм, выслали. В городе людей тоже брали. Мама нам всем собрала узелочки, сказала, какой чей на случай, если нас выслать будут...

В город мы приехали с тем, что уместилось на телеге. Нас приютила семья маминой сестры. Спасибо тёте Даше и дяденьке Илье за то, что они разрешили нам пожить внизу на кухне, ведь у них самих было четверо детей.

Теперь мы вчетвером, без папы, жили в восьмиметровой комнате под лестницей, посредине которой стояла русская печь. Места для сна всем не хватало. Вечером я шла на второй этаж, где спала на полатах вместе с тётюдашиными детьми. С ними мы жили очень дружно, придумывали разные игры, бегали купаться на Волгу. Ничем дельным я теперь заняться не могла: ни огорода, ни скотины, ни сада у нас больше не было.

Есть было нечего. Мама ходила на базар и выменивала на еду те немногие вещи, которые у нас остались: то блузку свою на хлеб выменяет, то ножи, то вилки, то тарелки... Что ни даст нам тётя Даша, мы в одну минуту съедали. Помню, мы с сестрой всё перебирали и грызли пыльные сухари, которые она сняла нам с чердака. За какое-то количество муки мама отдала тётю Даше маленькие часики, которые берегла для меня.

В школе я сидела за одной партой с Капой – тётюдашиной дочкой. Капа очень хорошо одевалась, ей часто покупали новые платья, красивые шапочки с шарфиками. В то время она уже носила на руке часики, те самые, которые мама берегла для меня. И хотя в глубине души, по-детски, мне это было неприятно, я не завидовала Капе. Мы смирились со своей судьбой и рады были, что нам ничего не угрожает. А с Капой мы дружили, она была моей лучшей подружкой.

Года через два, когда папа, уже больной, вернулся из заключения, нам стало полегче, он поступил на работу в артель обувщиков, и мы переехали на другую квартиру.

Конечно, у папы с мамой болела душа о детях, и они делали для нас всё, что могли. Бывало, встанем утром, а папа уж всю нашу обувь с вечера отремонтировал, начистил до блеска и поставил в рядок перед входом. Моей подруге-евреечке, которая заходила за мной по дороге в школу, очень нравилось, как заботится обо мне моя мама. Она говорила, что её родители так о детях не беспокоятся.

Я думаю, что папа с мамой верно понимали многое из происходящего и стойко переносили выпавшие им испытания. Помню, мы с мамой пошли на отобранную половину нашего дома, нам разрешили забрать часть мягких вещей, а там уже устроили

«красный уголок» и повесили большой портрет Ленина во весь рост. Мама плюнула в его сторону и сказала: «Антихрист!»

В то страшное время многие поколебались в вере, но мама говорила: «Хоть режьте меня, а всё равно скажу, что Бог есть!»

А однажды мама сказала мне: «Если наступит такое время, когда нельзя будет носить крест на шее, то ты себе хотя бы пуговицы на платье пришивай крестиком».

Каждое воскресенье и в праздники мы все, как и раньше, обязательно шли в церковь. Папа с мамой не отступили от этого правила до самой своей смерти.

Спустя некоторое время после нашего переезда в город до нас дошла весть, что осиротевший без хозяина наш дом сгорел.

Но хотя мы теперь были бездомные, скитались по чужим углам и голодали, я не помню, чтобы папа с мамой жаловались на свою судьбу. Мы благодарили Бога за то, что мы все вместе, живы и здоровы».

Я переворачиваю ещё страничку. С семейной фотографии на меня смотрят строгие и спокойные глаза бабушки и немного печальные – бабушкины. Их не привычные к праздности руки неприкаянно лежат на коленях. У меня сжимается сердце: никто из них не знает того, что знаю я: семье ещё предстоит принести огромную жертву. В 1939 году бабушка похоронит своего мужа, моего дедушку. А в конце войны она получит коротенькое извещение о том, что её любимый единственный сын Коля, служивший в танковых войсках действующей армии, пропал без вести (в базе данных ВОВ – 08.43 г. на Курской Дуге). Последнее письмо от него датировано августом 41-го. Оно пронизано любовью к маме и сёстрам. С первых дней войны он верил в победу.

Я вглядываюсь в фотографию, и мне кажется, что я должна дать ответ на вопрошающий взгляд этих дорогих мне людей. Я понимаю, что этот взгляд – не с мёртвой фотографии, он уже – из Вечности. Вот только – что я отвечу?

Эпилог

Два воспоминания о двух разных семьях из двух разных областей стоят рядом не случайно: в псковской деревне родился и жил мой отец, в тверской – мама.

Познакомились они так. После окончания Кимрского педучилища в 1944 году маму прислали на работу в Кицковскую школу, в только что освобождённый от немцев Идрицкий район. В 1946 году отца назначили в эту же школу директором. Когда он прибыл к месту работы, мамы там не было, она уехала к себе на родину в отпуск.

Невест в деревне насчитывалось много: и местные девушки, и учительницы. Молодой симпатичный фронтовик с открытой доброй улыбкой был у них в большом почёте. Но папе шепнули, чтобы он не торопился с выбором, что скоро из отпуска придет ещё одна девушка. Лучше всех!

У моей мамы на родине тоже были равнодушные к ней молодые люди. Но её мама советовала дочери выйти замуж за человека одной с ней профессии, за учителя. Наверное, моя мудрая, крепкая в вере бабушка усердно молилась за неё.

И папа дождался! Через две недели после знакомства он предложил маме пожениться.

Позже моя бабушка скажет дочери: «У тебя муж – золотой!» Люди говорят, что счастливые браки – это вымоленные браки. Они совершаются на Небесах.

БАБУШКИНО НАСЛЕДСТВО

Когда мне было десять лет, умерла мамина мама, моя бабушка. Мама приехала с похорон и привезла мне от неё наследство: медный нательный крестик, маленькую иконку Николая Чудотворца, домотканое льняное полотенце с кружевами и чёрную шёлковую вязёнку – так называлась длинная кружевная накидка на голову. Много позже я узнала от мамы, что эти вещи были в числе того немногого, что удалось вывезти из дома моего дедушки, когда его раскулачивали.

Но и до маминого рассказа, хотя мой ум отмечал некоторую бесполезность и архаичность этих вещей, они были для меня дорогой семейной реликвией, памятью о доброй, любимой бабушке. И когда я уезжала из родного дома учиться в город, то положила на дно чемодана и крестик, и иконочку, и даже бабушкину вязёнку...

Впервые я достала чёрную накидку и повязала её на голову через пятнадцать лет после смерти бабушки, когда умер мой отец. Но прошло ещё много лет, прежде чем я сознательно надела на себя медный нательный крестик, с которым, как выяснилось, бабушка крестила меня во младенчестве, тайком от моих родителей. Вскоре я повесила на стену в своей комнате иконку Николая Чудотворца, для молитвы. Точно такую же я с изумлением увидела как-то за стеклом витрины в Новгородском музее. Белоснежное льняное полотенце с кружевами украшает теперь большую икону Пресвятой Богородицы «Иверская». Во время поста я заменяю его на чёрную вязёнку и всякий раз удивляюсь, какое во всех отношениях необходимое наследство оставила мне моя бабушка. Через эти предметы протянулась невидимая ниточка, таинственно связавшая меня с моими православными предками. Может быть даже, этот дар любви был той спасительной соломинкой, которая не дала мне утонуть в болоте безбожия. Кто знает, от скольких бед спас меня святой Николай Чудотворец, чей образ я, пусть тогда ещё не по вере, но по любви к своей бабушке неизменно укладывала в чемодан, отправляясь в дальнюю дорогу!

Верующая бабушка воспитывала нас с братом в условиях, когда о вере говорить было опасно. Теперь-то я знаю, как тяжело ей было смотреть на двух своих внуков, ничего не ведающих о Боге. Сколько терпения, смирения, любви и надежды угадываю я в бабушкином подарке! Она верила, что когда-нибудь я это пойму.

СТАРИК И ИНТЕРНЕТ

I

К шестидесяти годам он уже вырастил сына и дочь, построил два дома, а деревья, которые он посадил, могли бы образовать приличный сквер. Так долго жить, помнится, он вообще не собирался. В далёкие уже семнадцать лет, как и все юнцы, не верил, глядя на стариков, что когда-нибудь тоже станет таким некрасивым, ссутулившимся и угрюмым. Нет, он, чемпион и староста городской секции бокса, не намерен никогда в жизни ни пить, ни курить, а занятия любимым спортом не дадут ему состариться, это-то просто и понятно. Думал ли он тогда, что его безотказное, выносливое и полное здоровья тело станет мешать жить, будет источником постоянного беспокойства и проблем. С усмешкой вспоминал он расхожую фразу: «Как быстро юность пролетела, и вот уж дух сильнее тела...». Сегодня она точно описывала его материально-духовный баланс. Но оказалось, что и в этом положении человеку не только хочется жить, но и есть чему радоваться.

Во-первых, дети. Даром, как и ему самому, им в жизни ничего не досталось, и тем не менее досталось очень немало. При этом они не замарались, не стали ни хищниками, ни завистниками, а спокойно довольствовались тем, что смогли себя обеспечить в соответствии с образованием и талантами. Завели семьи, попутешествовали, посмотрели мир и трудились теперь с таким упорством, что Старик, сам всю жизнь считавший труд мерилom человеческой личности, опасался порой, что трудоголизм детей станет хроническим и неизлечимым.

Во-вторых, внучка и внук! Ещё пару раз ему посчастливилось целовать розовые пяточки, мелькающие в колыбели, и вдыхать перехватывающий дыхание невыразимой нежно-

стью запах родных распашонок и обросшей льняным пухом головёнки.

Наконец, он обнаружил, что свободный от карьерной суеты и борьбы за достаток пенсионер, живущий в загородном доме, видит мир гораздо объёмней, чётче, глубже. А мир его интересовал всегда! Чем более этот мир был частью его сознания, тем острее он ощущал себя частью этого мира...

– Вот, папа, этот компьютер будет твой, – сын был щедрым тридцатилетним мальчиком и не уставал дарить ему новые дорогие «игрушки». Благодаря сыну в новом загородном доме появилось спутниковое и цифровое телевидение, видеотека, хорошая цифровая фототехника и всё, чего только можно пожелать. Сын не забыл, что когда-то отец, руководивший в своё время вычислительным центром геологического объединения, сделал его владельцем персонального компьютера одним из первых в городе. Оба имели высшее техническое образование, и подобные «игрушки» всегда занимали почётное место в их жизни.

– А вот это модем для доступа в интернет. Я покажу, как его программа устанавливается... – Сын с видимым удовольствием принял его растроганную благодарность и уселся, как нынче все молодые выражаются, за комп.

Комп как комп, средних возможностей. Старик вспомнил последнюю ЭВМ советского периода, что работала в их вычислительном центре. Она занимала 120 квадратов кондиционированной площади и имела мощность, равную ничтожной доле мощности этого компа, скромно заполнившего со всей периферией и «прибамбасами» специальный маленький стол.

«Всего-то 20 лет назад, – подумал он. – И самое обидное, что не мы сделали этот прорыв, это чудо... Американцы, японцы...» Любопытно, что нынешние молодые спецы, вскрыв недавно из любопытства микропроцессор компа, заявили, что не верят, что это изделие рук человеческих. Мир уже был наполнен полуфантастическим бредом о зловещей роли пришельцев в истории цивилизации.

Старик был счастливо женат. Они давно пережили с супругой все предсказываемые мудрецами от психологии семейные

кризисы и спокойно встречали старость, будучи вполне удовлетворены друг другом. Жена Старика ещё находила удовольствие в работе на самих себя в небольшом, организованном предприимчивым сыном, цехе, где население получает услуги по преодолению бюрократических требований при оформлении деловой, платёжной, паспортно-визовой и учебной документации. Старик уже давно ограничивался только технической поддержкой используемого цехом оборудования, благо руки горного инженера-геофизика годились на всё. Хлеб был честный и, соответственно, не слишком обильный. Но двум «осколкам советской геологии», воспитанным в романтическую эпоху «поисков и наук», вполне хватало.

– Ты завтра за мной приедешь? – спрашивала по мобильной связи каждый четверг жена, и всегда в её голосе была лёгкая неуверенность, как будто она приглашала его на свидание.

– Да нужна ты мне... – шутил он иногда, и она смеялась, а он считал дни и часы до встречи.

Загородный дом по своему проекту они построили прямо в лесу, в двадцати семи километрах от городской квартиры. Земля была в их собственности, и на ней кроме красивого кирпичного дома возведены были очень уютная чистая баня, бунгало и тепличное хозяйство. Небольшая «зона плодородия» позволяла обеспечивать дом овощами сверх потребностей. В этой идиллии было только одно скверное обстоятельство – жизнь стремительно шла на закат.

Ему было чем занять и заполнить этот комп. Когда страну рывком и за волосы оторвали от коммунистической идеологии, предложив лукаво: «А давайте просто – жить!» – он добросовестно, «задрав штаны», пошёл за этим лозунгом, окунувшись в дикий рынок. Кооператорствовал, управлял филиалом банка, создавал ГУП – государственное унитарное предприятие для областной администрации. Однако освоить тот уровень аморальности, который был необходим для работы во всей этой новой «экономике», ему не удалось. Спокойно и сознательно отойдя от дел, он стал активно помогать сыну, зарегистрировавшему своё маленькое частное предприятие.

Дело пошло. Но идеологический вакуум делал жизнь невыносимо зоологической, и он ударился в философию. Теоретический базис был умещён на трёх десятках страниц и тщательно отрабатывался уже не первый год. Жизнь страны и планеты приносила всё новые факты и явления, которые только упрочняли этот базис. А ещё он писал стихи и прозу... Он знал, что для дилетанта пишет неплохо, потому что пишет искренне, не для коммерции, только чтобы излить избыток мучающих эмоций. И, странное дело, он стал замечать, что отсутствие перспективы в будущем перевело его внимание и интересы на прошедшую жизнь, она стала источником и вдохновения, и осмысления, и понимания тонкостей бытия, и источником радости от воспоминаний. А вспомнить было что...

Старик зарегистрировался в социальных сетях ещё несколько лет назад, используя один из офисных компьютеров, и сразу пережил шок. На его страницу немедленно зашла женщина, которую он любил когда-то, но потерял с ней связь на долгие двадцать лет. Сейчас её интересовал чисто житейский вопрос – её взрослая дочь желала встретиться со своим отцом, проживавшим в этом же городе, и искала его новый адрес. Старик знал её отца и знал также, что тот давно умер от алкоголизма, о чём и вынужден был сообщить в Санкт-Петербург, далёкой в пространстве и времени бывшей своей романтической подруге Ирине. Тема была исчерпана, а переписка в сети осталась...

А когда один за другим на сайте появились его сокурсники и даже одноклассники из далёкого прошлого, когда на личных фотографиях проявились ещё узнаваемые лица женщин, когда-то волновавших его, он понял, что непредсказуемая кудесница Жизнь, закрывая полутьмой перспективу, ярко и резко высвечивает для него прожитые полвека и приглашает его ещё раз погрузиться в тот бесконечно дорогой и бесконечно далёкий, теперь уже виртуальный, мир. Спустя год этот мир стал географически безразмерным, его собеседники проживали в Австралии, Италии, Германии, Молдавии, Украине, Казахстане и по всей России от Владивостока и Чукотки до Питера и Мурманска.

...Старик легко позавтракал и принял лекарства. Лекарств было много: кардиология, урология, эндокринология... Похоже, что он ещё доживёт и до проблем с позвоночником. Сидя за компом, он уже давно ощущал дискомфорт в спине, а под вечер порой и боли. В последнее время он воспринимал такие новости довольно равнодушно, смирившись с тем фактом, что на седьмом десятке здоровым быть ему уже не светит – из старого нового не сделаешь, а ему требовалась лишь минимальная работоспособность и не замутнённая болью или депрессией голова.

Старик включил компьютер, вошёл в интернет и проверил свою страницу на сайте. Сообщения были. Ирина писала почти ежедневно, как тогда, когда ему было тридцать два, а ей двадцать четыре. До сих пор он тайком от всех хранит её письма, рука не поднимается сжечь такое безумное количество нежных и тёплых слов, надежд и заверений в любви...

Их свела Москва, куда советская инженерия регулярно слеталась на курсы повышения квалификации. В этот раз им предстояло изучать основы программирования, на дворе стоял век автоматизированных систем управления, и все, кто имел отношение к компьютерной обработке данных, проходили это горнило технологической революции. Когда они все перезнакомились, он уловил на себе любопытный взгляд молодой ленинградки, а позже, за коктейлем в кафе «Шоколадница», узнал, что она молодым специалистом работала в НИИ, в его регионе, и кончилось это банально – в родной Ленинград она вернулась, «принеся в подоле». Они разговорились, и оказалось, что отца её дочурки он знает. Конечно, для сближения это был не повод, но когда он заглянул в её, с азиатским разрезом, зелёные глаза, когда окунулся в стынущую в них бездонную и безнадёжную тоску сломанной жизни и обманувшего счастья, в его сердце неисправимого романтика вошла игла острой жалости. Равнодушие и равновесие быстро сменились взаимной приятностью. Однажды они скрылись от дождливого осеннего дня всё в той же «Шоколаднице», и он, сидя напротив неё за столиком, молча разглядывал её влажную короткую стрижку и капли до-

ждя на усталом и покорном лице, он понял, что влюбился... Вот тогда и зазвучали в его душе пронзительные строки Окуджавы:

*...И утончённые, как соловьи,
Гордые, как гренадеры,
Что же надёжные руки свои
Прячут твои кавалеры...*

Эта песня, «Прощанье с новогодней елью», прошла с ним через всю их любовь... Её струнно-звучные строки до сих пор волнуют его.

*Ель моя, ель, словно Спас-на-Крови
Твой силуэт отдалённый.
Будто бы след удивлённой любви,
Вспыхнувшей, неуголённой...*

Москва пылала осенней листвой и рябинами. Мокрый асфальт Ленинского проспекта, усыпанный листьями, студенческий образ жизни в столице, жадное прикосновение к величию родной и мировой культуры (посещения Загорска, Алмазного фонда, Пушкинского музея) – всё рождало высокое звучание жизни и поднимало эмоции на критическую высоту. Накануне празднования Дня Великой Октябрьской революции у метро «Октябрьская» сквозь шум вечно запруженного транспортом проспекта он прямо и серьёзно сказал ей, что любит и хочет её. Она казалась просто задумчивой... Если б только он мог тогда представить себе, чем им обоим придётся платить за эту вольность... За семь с половиной тысяч километров от столицы, далеко на Востоке, его ждали любимая жена, сынишка и дочурка.

Старик вздохнул, затуманившимся взором долго смотрел на обрамлённый кусочек осеннего леса, начинавшегося сразу за его окном, на первый и неожиданно обильный снег, на голубую сороку на нём и загрузил страницу Ирины.

Он открыл её коллекцию фотографий и в который уж раз стал придирчиво их изучать. В последнее время Ирина часто

и разнообразно болела и перестала пополнять свои личные фотографии. Но предыдущие фото, снятые в различных популярных у туристов уголках мира, были интересными. Она неплохо сохранилась для своих лет и выглядела, на его взгляд, привлекательной, моложавой и ухоженной. В отпуск она почти всегда уезжала из Санкт-Петербурга, которым стал Ленинград, в экзотические страны. Она бывала на Родосе, Тенерифе, в Марокко, объездила Европу. Фото были чудесными, она везде была в лёгких красивых, открытых платьях или джинсах и блузке, подчёркивающих стройную от природы фигуру, всегда коротко стриженная, что ей очень шло, почти всегда с лёгкой улыбкой, в свободной позе. Старик со смешанным чувством ревнивого любопытства пытался догадаться, кто делает снимок, что за фотограф сопровождает её в турне, он понимал, что она путешествует не одна, но в конечном итоге приходил к мысли, что это и хорошо, что она не одна. Короткое замужество не подарило ей счастья, мужчины вообще были в тяжёлом долгу перед ней... И он тоже.

В те московские дни к нему вернулась потребность писать стихи...

*Зеленоватый свет усталых глаз,
Ещё способных отравить любовной мукой,
За что прожитое плеснуло в вас
Холодную и злою скукой?*

*Лет ожидания след запечатлённый —
Не уходящая из сердца тень.
В осенний ворох улетает с клёнов
Ещё один не давший счастья день.*

*Спокойно роль поднадоевшую играешь,
Отбросив мысли что-нибудь сберечь,
И, не колеблясь больше, выбираешь
Усмешку горькую случайных встреч.*

*Я в пустоте дежурного веселья
Слежу, волнуясь, не мелькнёт ли вновь
Сквозь сигаретный дым и муть коктейля
Живой огонь – твоя степная кровь.*

*Нет, никогда, играя, не решить,
Кто же из нас друг другу больше нужен.
Ты слишком женщина, чтоб был я равнодушен,
И слишком умница, чтобы всерьёз любить.*

*Так, в день, когда мечте к лицу седой парик
И от судьбы уж некуда нам деться,
Вдруг растревожит стынувшее сердце
В высоком небе одинокий крик...*

Тогда, в по-ярмарочному шумной предпраздничной столице, он совершил почти невозможное – нашёл свободную однокомнатную квартиру в районе Чертаново. Они провели там три праздничных дня в уединении. И ночь, и день они были заняты друг другом, а по вечерам выезжали в Театр на Таганке и наслаждались фантазмагориями Булгакова, еврейским юмором героев рассказов Бабеля, бытовым психологизмом Трифонова. Окончание этого невыразимо счастливого праздника он воспринял как тяжёлый стресс. Будучи в состоянии одурения, вечером, после расставания, бродил по улицам, стрелял закурить у прохожих, магазины были уже все закрыты, а у него закончились сигареты. Первый раз в жизни он ощущал непреодолимую потребность курить. А наутро начал понимать, что без этой новой любви он жить уже не сможет...

Это потом, через годы, он сделает для себя суховато-вдумчивый вывод: *любовь – это природный способ временно нейтрализовать разум в интересах воспроизводства путём нарушения равновесия между мыслительной и эмоциональной сферой.* А тогда он ощущал невероятный подъём всех душевных и физических сил, и это было великолепно!

Они разъехались в декабре, перед новогодними праздниками, отрывая друг друга от сердца со слезами, болью и кровью.

Что будет с ними дальше – они не знали, знали только, что при малейшей возможности встретятся снова.

В день её отъезда в Ленинград он написал и подарил ей стихи, ставшие для него песней, с мучительным постоянством звучащей в его взорванной душе.

Любимая, где ты?

*Ноябрь висит над Москвою,
рябины горят.*

Любимая, где ты?

*Как холодно море людское,
тонет в нём взгляд.*

Пустые глаза,

равнодушием сжатые рты...

Любимая, где ты?

Осенние капли

*лицо мне ласкают,
в ресницах дрожат.*

Последние листья,

*как жизнь, улетают,
ничто не вернётся назад.*

Прощай, моя осень,

не яркий, но милый цветок.

Любимая, я вечно там, где восток.

Нежданный мой спутник,

*всегда буду помнить
тепло твоих рук.*

И в праздник, и в будни

*не убежать от тебя,
от мечты и от мук.*

Последним дыханьем

шепнут тебе русские ветры:

«Любимая, где ты?..»

Старик вспомнил, как он трепетал когда-то от этих простых и незамысловатых строк, каким смыслом и чувством наполняли они его, как вдохновляли и мучили...

Чуть заметная грустная усмешка скользнула по его лицу. Тогда он ещё не знал, что ждёт его после того, как он сойдёт с трапа самолёта под зимнее небо Восточной Сибири. Не знал, что такое пытка собственной ложью, муки Иуды, предавшего самое любимое, самое дорогое и родное, муки изменившего своей семье зрелого мужчины, устремившегося за призраком новой любви и вечного счастья. Письма... Они писали друг другу почти каждый день, и эти полные любви и тоски письма поддерживали в нём огонь высоких чувств. Он давал ему потрясающее ощущение полноты и осмысленности жизни, удесятерил физические и духовные силы, очищал душу и звал к благородству и самоотречению. Этот огонь раздирающих противоречий чуть не сжёг его окончательно.

«Немая», психогенная, двухмиллиметровая язвочка на луковице двенадцатиперстной кишки «прогрызла» кровеносный сосуд, и он, пережив два коллапса, попал на стол к хирургу. Ему повезло, хирург только что вернулся из США, где освоил современные методы оперативного лечения, не калечащие пациента резекцией желудка. Похудевший на десять килограммов, он выписался через две недели и снова ринулся в водоворот страстей. Жизнь была в нём ключом, он не верил в смерть и, даже лёжа в реанимации, не расставался с учебником по программированию. А через три месяца они с Ириной встретились в Улан-Удэ на островах великолепной дельты Селенги, на даче её родственников. Потом начались командировки в Ленинград.

Старик с содроганием и ужасом вспоминал свою двойную жизнь, которая вскоре перестала быть секретом для жены. Самое странное, что он продолжал любить жену и, глядя на её безумства, вызванные душевными страданиями, терзался жалостью к ней и детям. А когда Ирина осторожно начала говорить о разводе и его переезде в Ленинград, он понял, что оставить своих детей не сможет. Более того, он видел, как боролась за их брак жена, и отчаянная душевная сила, которую она проявляла,

окончательно сломала в нём уверенность, что «любовь всегда права». Он оступел, успокоился. Роман, длившийся полтора года, стал быстро остывать. В момент, когда он получил от Ирины письмо с сообщением, что она выходит замуж, понял, что у неё был и запасной вариант. Вот тогда он пришёл в себя окончательно. И только память, тревожимая то песнями безумного синеглазого грека Демиса Руссоса, то всплывающими в сознании стихами любимых лириков или собственными поэтическими порывами, возвращала ему пережитые ощущения любовного угара и тоски, что сродни тоске птицы, сытой и ухоженной, но лишённой свободного полёта...

И вот теперь они снова встретились через 25 лет в интернете и снова пишут друг другу. Шестым чувством он определил, как она стала суше, рациональнее и скупее на эмоции. Сказались жизненные передрыги и давний развод со спившимся мужем. Добавил к её страданиям и крах советской социальной системы, который сделал её, мать двоих детей, незащищённой. Теперь она была уже бабушкой. Жизнь в мегаполисе походила на изнурительную гонку за призраком материального благополучия. Определилась и стала навязчивой цель – достижение крепкого состояния, при котором ей было бы хоть немного легче жить в самом прямом смысле. Это угнетало Старика, мечтавшего когда-то сделать эту женщину счастливой... Совесть бередила его душу, и он старался в свои письма-посты вложить как можно больше тепла и участия...

Тяжёлая, брыластая голова осторожно легла Старика на колени, выведя его из грустной задумчивости. Карие, совершенно человеческие глаза любимца, пятилетнего ротвейлера Ареса, смотрели прямо в глаза Старика, смотрели, как всегда, пытливо, без просительной приниженности. Арес требовал контакта, по реакции Старика он уточнял для себя настроение и состояние хозяина. Старик погладил большую тёплую голову собаки, поскрёб за ухом, пощупал влажный нос, похлопал по спине, давая понять, что всё в порядке. Покрутившись на месте, Арес с шумным вздохом лёг у ног хозяина, положив голову на передние лапы, и, кажется, тоже погрузился в раздумья.

Собаки всегда были для Старика одушевлёнными существами, его страстью. Они, сменяя друг друга, сопровождали его через всю долгую жизнь, никогда не давая ему почувствовать себя ни одиноким, ни беспечным. Даже в своём забываемом студенчестве он некоторое время умудрялся держать собаку. Привёз однажды щенка с летней студенческой практики. Ради этого щенка он ушёл из общежития и снимал частное жильё. Разведением и селекцией он никогда не занимался, хотя и вырастил однажды чемпиона – великолепного ризена – собаку неповторимой красоты и интеллекта. Собаки помогали им с женой воспитывать в своих детях доброту, делать их чуткими и заботливыми к любому живому существу. Все в его семье любили собак, они же платили им самоотверженной привязанностью. Окончив свой короткий век, они уходили из их жизни, вырывая и унося с собой куски души и сердца, оставляя людям память о счастливой дружбе и очищение слезами.

Каждому из своих любимцев после смерти Старик посвящал стихи, просто не мог иначе успокоить память сердца. Только выплеснув в строки всю боль, всю любовь к ушедшему другу, он смирялся и начинал думать о том, чтобы ввести в свою жизнь следующее мохнатое чудо и заполнить зияющий провал в вечно тоскующей по искренности и бескорыстной преданности душе.

Левую щёку Старика пригрел солнечный лучик, проскользнувший в разрезы оконных жалюзи. Старик снова посмотрел в окно: снег в рощице начал подтаивать, с крыши закапало. Зима не торопилась, уверенная в своей неотвратимости. Зимы Старик любил, но они с годами давались ему всё тяжелее. Впрочем, и лето, всегда долгожданное, не приносило теперь той безотчётной радости бытия, когда тепло, свет, цвет, запахи – всё вокруг – будоражат в тебе ещё тлеющие жизненные силы и дарят ощущение единства с буйством ожившей для цветения природы. Рощица за окном летом превращалась в настоящие зелёные джунгли, полные стрекота и щебетания. Но даже эта знойная и яркая фаза очередного года навеивала грусть. Старик, глядя

через оконное стекло на рощу, написал в прошедшее лето несколько строф:

*Вскипает лето за окном, бушует,
Мир снова зелен, свеж, пахуч, целебен...
И только души стариков тоскуют –
Уже чужие здесь, ещё чужие Небу...*

Компьютер негромко «квакнул», выведя его из состояния созерцания припорошенного снежком леса...

Сообщение пришло из далёкого Приднестровья, от Кати...

«Однако рано она встаёт. В Приднестровье сейчас 6 утра... Бессонница?» – промелькнуло в мыслях. Когда он пару лет назад нашёл Катю в сети (а он искал её долго и с пристрастием), он просто захлебнулся от эмоций. Это была встреча более чем через сорок лет с первой своей любовью, школьным романом, счастьем юности. Он до мельчайших подробностей помнил Катю-семиклассницу, в аккуратный затылок которой с пробором и двумя бодро торчащими косичками он затаённо смотрел на уроках; и Катю – студентку Республиканского техникума физической культуры – уже повзрослевшую, стройную и необыкновенно женственную. Она выполнила к тому времени нормативы мастера спорта по художественной гимнастике, а он стал старостой городской секции бокса. И это сближало их. В Катю были влюблены все мальчишки их класса. Она была лучшей ученицей, умницей и свободной от каких-либо комплексов. Её дружелюбие и доброта многих привлекали и давали надежду... Их роман мог бы развиваться от самых первых лет знакомства, но так уж получилось, что его друг (ласковая кличка Рыжик) был влюблён в Катю безнадежно и не скрывал этого. Рыжик был куда более созревшим и развитым, чем он тогда, но с литературными способностями ещё не определился. Рыжик обращался к нему с просьбами помочь написать Кате очередное признательное письмо. Всё это могло кончиться и кончилось только одним – возник любовный треугольник. В этом треугольнике

они с Катей оказались утаивавшими свои чувства за спиной у Рыжика, и это было плохо, неправильно. А значит, должно было быть ото всех сокрыто.

Старик пару раз кликнул манипулятором и открыл папку «ФОТО», где нашёл единственную сохранившуюся у него чёрно-белую фотографию Рыжика. Красивый моряк в чёрном бушлате и «мице» (морская фуражка – сленг) с кокардой, смотрел куда-то вдаль, где ему виделось счастливое будущее. В чистых глазах искорками светилась надежда, губы чуть трогала горделивая улыбка. Фото Рыжик прислал ему из Ленинграда, где он жил с 70-х годов. К тому времени он уже обретался в торговом флоте, ходил на сухогрузах в загранку и вряд ли вспоминал свой школьный любовный дебют.

У Рыжика была прочная репутация человека больше физического развития, чем умственного. Этому способствовала слабая успеваемость в сочетании с агрессивностью по отношению к насмешникам. Его побаивались, никто не мог похвастаться такими спортивными данными, как у Рыжика. При этом Рыжик обладал на изумление для всех тонким музыкальным слухом и легко воспроизводил напевы с одного прослушивания, любую популярную вещь. Они оба тогда поклонялись ливерпульской четвёрке. Мир в шестидесятых сходил с ума от «Битлз», и никакая ревнивая цензура или брюзгливый консерватизм не могли сдержать напор этого мощного интернационального творчества молодых и талантливых музыкантов-романтиков...

Старик открыл папку «Музыка» и запустил свой любимый концерт группы «Битлз» из шестидесятых прошедшего века... Как будто сработал пусковой механизм памяти: поплыли воспоминания, картины прошлого, лица одноклассников и друзей, жизнь под эти песни... Он помнил, как знакомился с каждой из этих песен при разных обстоятельствах, и все они превратились в страницы альбома памяти. Ему давно так чётко не виделись эти страницы... Было грустно почему-то листать их сегодня. Даже больно. Тоска по ушедшему миру, где они, мальчишки и девчонки Страны Советов, видели свет и добро, учились с мечтами о великом будущем для человечества. Не возраст уг-

нетал – это уже воспринимается с философской покорностью, а именно потеря той перспективы...

«*Элеонора Регби*»... Эта вещь вызывала видение летнего берега лимана, пляж, дощатый, нагретый причал, и они, стайка дочерна иссушенных солнцем шестнадцатилеток, валяются на этом причале, откуда им уже видна вся страна. Их страна. Скоро они продолжают её дело своей жизнью... На север, на запад, на юг, на восток...

«*Мишел*». Тихая, тоскующая нежность этой песни всегда вводила в трепет душу... Она звучала редко по радио, на частоте вкрадчивого «Голоса Америки». Эта песня вызывала ассоциации тёплого летнего вечера на бульваре южного городка энергетиков. Они юные, в аромате цветущих роз и «граммофончиков», как могли модно одетые по тем годам, совершали многочасовые променажи группками и парами, говоря, говоря, говоря друг с другом о разных мечтательных глупостях и восторженных пустяках... Домой расходились во втором часу ночи... Бояться в те времена было нечего и некого.

Теперь-то можно долго, очень долго перебирать эти страницы. Сегодня всё это наследие доступно и существует в самом качественном звучании на множестве носителей. А в те, шестидесятые, годы они их слушали только тогда, когда радио им подпевало или кто-то привозил рентгеновскую плёнку из портового города. Тогда эти песни и ритмы могли звучать даже на танцплощадках, там часто звучала песня «Вчера». Все, кто присутствовал в танцзале, ждали её, чтобы пригласить «на танго» свою девочку, желая под это танго робко прикоснуться к волнующему тебя прекрасному существу...

Потом в его жизнь войдут ещё целые сонмы авторов и песен, шедевров и просто популярных, но свою последнюю «битловку» (пиджак без воротника) он доносит только на втором курсе политеха...

...Старик снова загрузил фото Рыжика. Не так давно брат Рыжика поведал о том, что в конце восьмидесятых Рыжик окончательно спился. Следствием стали потеря семьи, уход из торгового флота в слесари, а затем переход в дворники при

питерском «ПАССАЖЕ» (ради комнатки для проживания). Умер школьный товарищ в нищете и одиночестве.

А тогда, юные, загорелые, спортивные, они мечтали о том, какими они станут и какую полную приключений и путешествий жизнь будут вести. И уж это точно обеспечит им признание девочек из их класса, лучше которых, конечно же, никого на свете нет.

Старик вдруг обнаружил, что грустно улыбается, и, потянувшись за мышью, открыл страницу Кати...

Пусть на время, но она выбрала его. У неё были тёплые и нежные губы. Целое лето они провели встречаясь вечерами на бульваре и прощаясь к полуночи у подъезда. Она подарила ему первый настоящий поцелуй, тот, что даёт мужчине понять больше, чем тысячи слов признаний. Детская влюблённость, школьный роман свободно и логично переходили в новую, взрослую, но всё ещё романтическую и восторженную любовь молодых людей.

Правду говорят, что школьная любовь навсегда остаётся в школе... Он быстро понял, что Катя, будучи его ровесницей, взрослее, опытнее, умнее его. Перепрыгнуть через этот факт было невозможно, и чувство несоответствия стало мучить его, лишая встречи радости, а общение открытости. Стесняться самого себя он не привык и, переступив через уже возникшую привязанность к Кате, переключился на воплощение своих планов на будущее. Вскоре Ту-104 умчал его в родную Сибирь, где политех принял его в своё горнило. Связь с Катей прервалась на четыре десятилетия.

Старик нашёл современное фото Кати и с глубоким сочувствием к своему увядающему поколению смотрел на полную пожилую женщину, лицо которой всё ещё украшали яркие серо-голубые глаза, исполненные ума и чувства. Жизнь не пощадила их обоих, но женщина с возрастом всегда теряет больше.

Катя уже давно работала в школе, преподавая русский язык и литературу, предметы, которые Старик обожал. И она тоже писала стихи. Когда он начал регулярно отправлять ей через интернет послания, полные глубокой благодарности за добрую

память о его неумелой влюблённости, она прислала ему свои стихи, и среди них были такие:

*Закружила вьюга, не видать пути...
Как в тот год далёкий тропочку найти?
Как пройти сквозь время, годы возвратить?
Как бы беззаветно стала я любить.
И душою чуткой угадала б я –
Человек мой славный, ты – судьба моя.*

Ах, как ласкали его память и душу эти строки! Иногда он задумывался: что было бы, если бы они иначе распорядились своей судьбой? Случилось бы остаться им вместе и провести всю жизнь в «городе детства»? И не получалось представить ничего ясного: без своего прошлого и настоящего, без студенческого братства, без своей бесконечно интересной профессии геолога, без многих лет полевых и тематических исследовательских работ, без друзей, без того счастья, которое ему дарили и дарят жена и дети.

В судьбе Кати не всё было просто. Первое замужество воплотилось в чудесную дочь, но, увы, закончилось разводом. Её муж (Старик знал его) после развода снова уехал в долгие командировки за границу. Позже работал в энергетическом ведомстве России у ненавидимого прошедшей приватизацию страной рыжего дьявола Чубайса. Супруг переехал в Москву, где рано умер. Второй брак не дал детей, но, как догадывался Старик, был мирным, спокойным и счастливым.

Сегодня у них с Катей оставались только общие воспоминания, но Старик очень дорожил этой ниточкой в далёкую юность и всячески поддерживал переписку, как будто стремился всё время держаться за руки с теми, кто вместе с ним принимал неотвратимость старости и неизбежность ухода.

Старик ещё какое-то время рассматривал фотографии своего 9 «Б» класса. Без труда узнавал тех, с кем не виделся почти полвека, так же легко узнавал он и учителей. Благодарность к своим наставникам прошла с ним через всю его жизнь – они

научили его учиться. И это сделало жизнь устойчивой ко многим поворотам судьбы. Полюбовался на красавицу ГРЭС на берегу Кучурганского лимана, её строили и его, ныне покойные, родители. Затем вышел из интернета. Надо было приниматься за домашние дела и готовиться к ежедневной прогулке по лесу с собаками.

II

Обед был на скорую руку и максимально прост. Старик не любил разносолы в будние дни и довольствовался простой русской кухней – хлеб, уха, щи, пельмени, каша. Праздник с пирожками, салатами, деликатесами и рюмочкой наступал по приезду жены, в выходные. Старик хлебал пельменный бульон и поглядывал на две собачьи морды своих балованных любимцев – Ареса и его подружки Афины. Собаки томно и выразительно поглядывали на блюдо с нарезанной колбасой типа «За что боролись» и на вазу с конфетами. Не угостить было нельзя – это было бы расценено как лишение премиальных. Старик, греша, дал сладкой парочке по кусочку. Сам он таким же взглядом смотрел на хлеб, который любил с детства и в котором приходилось себя ограничивать. Чем больше он себя ограничивал, тем больше желал вкушать хлеб. «Хлебушко... Корм родимый!» – всплыли в памяти строки из книги, читанной ещё в начальных классах школы в дальнем сибирском селе. Сегодня в супермаркетах выбор хлеба был просто потрясающий, но ничто не могло сравниться с ржаными горячими треугольными лепёшками со сливочным маслом, что готовила в русской печи его бабушка. Вспоминая её, осенившую всё его неповторимое и счастливое детство, он вздыхал с невольной для атеиста мыслью: «Царствие тебе Небесное...» Старик не был верующим, его сознание формировалось образованием и наукой, фундаментом которой был материализм. Но именно научное мышление не позволяло ему безапелляционно утверждать, что Бога нет! Просто нет достаточных аргументов «за», но нет и абсолютно надёжных «против». Потому отношения с верой и верованиями у него были нейтральные. Хотя...

В его любимом универсале «Ниссан», справа, у головы, там, где козырёк от солнца, всегда висел маленький календарик с изображением Николая Чудотворца. Его привесил пригнавший эту машину из Владивостока некто Андрей, видимо, верующий. Старик, атеист, хотя и не воинствующий, не обращал на эту карточку с Чудотворцем внимания несколько лет. И вот однажды летом на шоссе он открыл боковое стекло, и ветер, вырвав карточку, унёс её с дороги. Подумаешь, потеря! Но через несколько секунд что-то на Старика нашло... Ему показалось, что все удачные годы за рулём этой машины, которая его не подводила, безаварийность и отсутствие конфликтов с автоинспекцией – всё это следствие чего-то непонятного, ему неизвестного. Эта карточка, эта мелочь, возможно, играет роль маленькой, но необходимой опоры, отсутствие которой может разрушить всё! Это пронеслось в голове в одно мгновение...

Он тогда тормознул, остановился, вылез из машины и побегал искать карточку с Николаем Чудотворцем. Искал, нашёл и вернулся на прежнее место...

В его семье, в семьях дочери и сына, как и у большинства в нынешнее время, машина теперь была у каждого взрослого. Старик за свою водительскую жизнь на чём только не поездил, но эту машину не продавал, ведь она принесла им всем так много пользы! Эта старая уже машина – универсал – верно и надёжно служит до сих пор, и поблекшая за годы карточка с Николаем Чудотворцем так и висит на своём месте.

В положенное время дня обе собаки подошли к Старика, занятому мытьём посуды, и сели рядышком неподалёку, наблюдая за хозяином. Приближался священный час прогулки. Старик не спешил, он любил мытьё посуды – неторопливые и простые действия, руки в тёплой воде успокаивали и расслабляли.

Сообразительный Арес, видя, что Старик взял дорожную сумочку, не дожидаясь команды, принёс ошейники – свой и Афины. Через несколько минут вся компания уже топтала первый снежок на лесной дороге, радуясь свежести обновлённого пейзажа. Примерно через километр дорога поворачивала направо и пересекала неглубокий ручей, где собаки пили, бродили,

а летом плескались и что-то отыскивали на каменистом дне. Затем дорога уходила в крутую сопку и разветвлялась на три направления – можно было выбирать маршрут – то ли взобраться на вершину и увидеть сверху необъятный простор речной долины, где в дымке и смоге угадывались громады каменных джунглей города, то ли углубиться в глухомань соснового бора. Но можно было просто побродить по лесовозной трассе, где по брошенному мусору, обрывкам троса, пустым бутылкам, а порой и остову сгоревшей машины можно было угадывать драму лесов, попавших под безжалостный интерес браконьеров.

Опередившие Старика на подъёме собаки вдруг залаяли и остановились. Старик удивился: для пикничка вроде бы уже не сезон. Хотя... Мало ли какой интерес мог привести людей в лес. Афина внезапно повернула и вернулась к запыхавшемуся Старику, но Арес, стоя на одном месте, продолжал кого-то басисто облаивать. Старик поднялся до перевала и вдруг увидел метрах в пятнадцати от дороги, в высокой высохшей траве, чёрного медвежонка. Он сидел смиренно на первом снегу и мотал головой, как человек, отрицающий всё и всех на этом свете. Старик остановился как вкопанный. Вспыхнувшее в первый момент любопытство сменилось ледяным страхом, он понял, что медведка не мог быть здесь один. Скорее всего, мамаша-медведица, услышав собак и не успев увести и спрятать детёныша, залегла неподалёку и наблюдает за происходящим. Старик развернулся, резко скомандовал собакам: «Ко мне!» Втроём они живо спустились с сопки и резвым аллюром поспешили домой. Только дома, успокоившись, Старик смог поразмышлять о встрече с медвежонком: почему медведица ещё не залегла на зимнюю спячку? И какие у них теперь перспективы в отношении лесных прогулок? Если зверь не уйдёт, он будет всю зиму шерстить дачные посёлки. Ему было жалко зверьё, в судьбы которого безжалостно вмешивались беспутные «цари природы». Люди были жестоки даже друг с другом, но многие, как и Старик, любили природу и жизнь во всех её проявлениях. Интернет был полон видеороликов, где, рискуя собой, люди спасали уто-

пающих в полыньях лосей, волков, попавших в капкан, лебедей, отставших от стаи, собак и кошек, попавших в беду в городских трущобах, дельфинов, оказавшихся на отмелях, морских птиц – жертв нефтяного пятна.

Были и другие видеосъёмки: львы, разрывающие в клетке служащего зоопарка, аллигаторы, утаскивающие зевак под воду, бродячие собаки, загрызающие прохожего. Но таких видео было меньше, и они не вызывали у Старика особого сочувствия. Он считал, что зачастую виноваты сами люди. И вообще – человечество в тяжком долгу перед живыми существами планеты. Старик пожалел, что чувство опасности, страх помешали ему сделать снимки медвежонка. Это было бы интересно всем, да и предупреждение для соседей стало бы веселее.

День Старика заканчивался, зато далеко на Западе он был в самом разгаре. Интернет-почта приходила весь день, начиная с порта Ванино. Письма-извещения поступали из Забайкалья, Западной Сибири, Урала, Москвы, Ростова, Одессы, Днестровска, Минска. Вот весточка из далёкой итальянской Солофры, что под Неаполем, у соломенноволосяй и синеглазой Тани давно уже тёплый средиземноморский день. Старик смотрел на фотографию своей почти ровесницы, Тани. Удивительно сохранившаяся, легко и красиво одетая в блузку и бриджи женщина типичной славянской внешности одиноко сидела на каменном бордюре возле жёлтых колонн и кованых решёток времён классицизма внутри залитого солнцем двора жилого пятиэтажного дома с балконами. Нежное русское чудо, затерянное в чужой стране... Глядя на фотографию Тани, он, как и в те далёкие годы, когда мог видеть Таню воочию, всегда испытывал лёгкий восторженный трепет, часто возникающий у человека, соприкасающегося с шедевром, с восхитительным творением человеческой природы.

Они учились в одной школе – он в 10-м, она в 8-м. Школа была только что построенной, вся сияла и пахла свежими красками, радовала современной мебелью, светлыми классами, просторным вестибюлем, большим спортзалом. Двор школы

был засажен цветами, а между яркими клумбами, по бетонным дорожкам, можно было прогуляться на перемене, и это был лучший способ отвлечься и отдохнуть от занудливой малоподвижности учебного процесса. Таня всегда была с подружкой. И он был с другом, с которым сидел за одной партой. Они просто шли по дорожке навстречу друг другу. И взгляды их встретились. Когда он окунулся на секунды в эту небесно-морскую синеву на юном лице девочки, которую заметил впервые, в душе у него что-то вспыхнуло, что-то прекрасное добавилось к его, несомненно, счастливому бытию. И он не хотел, чтобы это новое чудесное обретение исчезло и покинуло его. Он стал отныне спускаться во двор не просто для прогулок между уроками, а чтобы увидеть её. Она, кажется, поняла и почти всегда приходила на эти немые встречи. Он был старше на два года и, несмотря на свою незрелость, понимал, что отношения, даже невинные, дружеские, с восьмиклассницей просто невозможны. Так он считал...

В ажиотаже и треволнениях пронесли школьные экзамены, и наступило всегда долгожданное южное лето. Пляжи тёплого лимана запестрели яркими купальниками, зазвенели счастливым смехом и гомоном. По воде от яхт-клуба поплыли байдарки и каноэ. Он теперь видел Таню очень редко, однако скучать было некогда, надо было думать о дальнейшей учёбе, о выборе профессии. На склоне одного горячего дня, когда солнце, ветер и зелёные волны лимана заканчивали свою работу над загорелыми телами юных гребцов байдарок и каноэ, он вдруг увидел знакомую девичью фигурку на мостках гребного клуба и поспешил к причалу. Они говорили только глазами, обращёнными друг к другу. Она, как всегда, была с подругой, он – с напарником по байдарке-двойке.

Это оказалось их последним немым свиданием. Однако образ безупречной фигурки юной девушки, стоящей под голубым небом на причале, в лёгком сарафанчике, с косынкой на светловолосой голове, с пронзительно синими глазами на необыкновенно милом и нежном лице, запечатлелся в его памяти навечно.

Она уехала учиться в большой промышленный город Украины, он уехал в родную Сибирь и поступил в политех. Для грусти времени у студента просто не было. Учёба, спорт, летние практики в Хакасии, Туве, Забайкалье, подработка на стройках, турпоходы и просто весёлая гульба в общаге – всё это поглотило его полностью, уверенно и жёстко перековывая из вчерашнего школяра в сложившегося специалиста. Только изредка, когда где-то звучала песня «Ночной трамвай» (почему именно эта песня, он не мог объяснить), он вспоминал свою короткую тоску после исчезновения девочки Тани из его жизни.

Он уже дипломировал и упорно работал над своей темой, писал, считал, чертил, рисовал, раскрашивал, оформлял. И вдруг, в один из вечеров при настольной лампе, соседи по комнате передали ему большой конверт, пришедший на его имя. Он внимательно прочитал обратный адрес и испытал потрясение...

Внутри конверта оказалось письмо и три фотографии, где юная белокурая женщина Таня сидела в обществе молодого черноглазого парня в морской форме, на одной из фотографий она была с бокалом вина в руке, на другой – с ними рядом женщина средних лет в домашнем халате. Лицо у Тани было серьёзным и растерянным. В письме она признавалась в своей любви к нему в те чистые школьные годы и просила прощения, что вынуждена предать своё чувство – она выходит замуж и изменить что-либо уже нельзя. «Жаль, что ты меня не замечал тогда...» Письмо было с оттенком отчаяния и глубокой печали. Это было прощание с детством.

Он тогда чуть не сдурел. Все предыдущие его отношения с девушками показались ему ничтожными по сравнению со смыслом этого письма. Сердце его заметалось, и на какое-то время он потерял чувство реальности.

«Таня, Таня, что ты со мной делаешь?» – писал он ей, рассказывая о том, что она значила для него в той далёкой школьной жизни.

Она оказалась умницей. Она просто не ответила и больше не писала. Никогда.

Прошло сорок два года, и он нашёл её в социальной сети – красивую, светловолосую и синеглазую русскую женщину, одиноко сидящую во дворе какого-то жилого дома в далёкой Италии.

Она оказалась сильной и стойкой, физически и духовно здоровой, жизненные коллизии её не поколебали. Моряк увёз её на Север, в Мурманск, где она родила ему сына. Но жизнь не задалась, и она решительно порвала с мужем, уехала назад, к матери, где во всеобщей перестроечной драме Страны Советов переобучилась и заняла вполне достойное место в жизни. Одна подняла сына, который перенял её лучшие качества и сегодня стоял твёрдо на ногах, успешно занимаясь в столице строительным бизнесом. У неё уже подрос внук, которого ей привозили летом, чтобы вместе поплескаться в Средиземном море у итальянских берегов. Старик восхищался её неутомимостью – она почти каждый год путешествовала. Её итальянский муж Антонио обеспечивал ей возможность жить так, как она хотела. Наверное, поэтому годы её почти не трогали, и она легко успевала и в Москву, к семье сына, и в Тирасполь – к состарившейся маме, и в Париж, и в Мадрид, и в Шанхай. Общалась она охотно, хотя и не тратила время на пространные сентенции. Зато после каждого путешествия выставляла по его просьбе фотографии, даже прислала альбом с видами Флоренции. В ответ он выслал ей образец редкого поделочного камня – чаройта. Старик всегда радовался, когда она сообщала о своём намерении посетить тот или иной уголок планеты, радовался её энергии и жизнелюбию. Между их судьбами лежали полвека времени и десять тысяч километров пространства, но это было уже несущественно...

III

«Это было лето, это было мгновение, это было давно, мы были дети.

Мы с ней учились сперва в деревенской начальной школе, затем в рядом расположенном посёлке, где окончили школу-восьмилетку. Нам было 14–15 лет.

Деревня стояла на плато (елани), к которому подходили сопки, у одной было название – Ключевская. Родник, выбегающий из её подножия, уходил в рядом расположенные кусты (ерники) и дальше, к реке, которая протекала по долине и убежала в северном направлении, чтобы там влиться в более крупные реки, и так далее, до самого Тихого океана...»

Наконец-то Пашка сбросил на электронную почту давно обещанный свой рассказ! Старик с жадным любопытством принялся поглощать абзац за абзацем. Впитавший за свой век сотни книг прославленных мастеров литературы, Старик просто наслаждался свежим и самобытным творчеством Пашки – своего ровесника, настоящего забайкальского гурана. Родился и вырос он в крохотном старательском посёлке Жарча, а нынче проживал вместе с семьёй в Санкт-Петербурге.

«Родник был небольшой, вода чистая и холодная. В кустах ерников была небольшая прогалина, из земли торчали большие валуны, среди этих валунов было углубление, где вода собиралась в небольшое озерко, там и набирали воду. В этом месте брали воду в основном для приготовления пищи. А вот ниже этого места, на открытой со всех сторон террасе, ручеёк становился больше и рядом, возле дороги, перехватывался небольшой дамбочкой, и вода, собравшаяся в водоёме, вытекала по трубе. Сюда жители деревни приходили за водой для хозяйственных нужд: стирки, поливки огородных грядок...»

Старик хорошо помнил Жарчу, полуразвалюхи, в которых жили семьи лесников и канавщиков, и место, которое описывал Пашка...

С Пашкой он познакомился просто – молодому специалисту-геофизику, коим был в те далёкие годы Старик, дали шофёра на геофизическую станцию. Им и был Пашка. Парень только что вернулся со службы в морфлоте. Они сдружились сразу, уж очень много было у Пашки достоинств, которые

Старик уважал в людях. Открытость и дружелюбие, спокойное усердие в работе и честность в отношениях, да ещё и весёлый (юморной) нрав – всё располагало к Пашке. И всех. Он одинаково легко и непринуждённо общался как с начальниками, так и с отпетыми бичами, не поднимаясь и не опускаясь ни на чей уровень. Он был Пашка, и его любили в их маленьком геологическом сообществе из полутора десятков человек. Однако дружбой своей Пашка одарил только его...

«...Рядом стоял телеграфный столб, на нём висело четыре провода, линия уходила на север, к расположенному там посёлку. Возле столба, на земле, лежали два валуна, на них доска. Было время сенокоса, и так получилось, что я оставался один дома, занимался присмотром за хозяйством, а также выполнением работ, которые мне поручались. Одна из этих работ – наносить бочку воды. Вечером, когда схлынет жара, ею мама поливала грядки.

Я приходил к этой трубе, ставил ведро под неё и ждал, когда наполнится. Стояла жара – ручеёк высыхал, и труба выдавала тоненькую струйку воды. Я садился на лавочку и, прислонившись спиной к столбу, смотрел на струйку воды. Со стороны. Я сидел, не торопился, времени ещё была уйма, немного донимал паут (овод), но нам, живущим в лесу, он был не помеха, точно так же, как комары, мошка и всякое другое насекомое. В какой-то момент я услышал звук. Закрыв глаза, этот звук шёл сверху, он был тихий – пели провода. Я собрался уже уходить, второе ведро уже переливалось через край, но услышал бряцанье вёдер. Девочка эта жила недалеко от этой трубы, собственно, это был крайний дом с этой стороны деревни. «Ну что ж, подождём, чего она мне сейчас набрякает здесь», – подумал про себя.

Мы с ней учились уже 7 лет в одном классе и, конечно, знали друг о друге всё. Это было что-то! Белобрысая, худенькая, всегда носила короткую стрижку. Она постоянно была в движении, очень много говорила, язык, что называется, без костей. Она даже голову держала не как все, а немного при-

поднимала её кверху, что создавало впечатление, будто она смотрит как бы поверх тебя.

И вот это чудо мчалось ко мне, гремя вёдрами. От реки доносились звуки работавшей драги. Она лязгала своими ковшами по грунту, скрипела, визжала, было видно, как машина дёргается, прикреплённая тросами к берегу...»

В памяти Старика всплыл зной июльской тайги, усиливающий жар в измерительном боксе станции. Она стояла на исследуемой скважине. Солярно-мазутный дух буровой, шум бешено работающих вентиляторов, писк электроники, вой генераторов, мигание ламп-индикаторов, щёлканье лентопротяжки регистратора и флуоресцирующие каракули контрольного осциллографа...

В этом летнем рабочем угаре они, молодые и выносливые, как лоси, могли работать по 24 часа в сутки. Прозрачная прохлада воды в речушке Жарча, куда они опускали в перерыве свои безотказные тела, была величайшей наградой и наслаждением...

Старик понимал, что Пашка не просто так с тоской и нежностью смотрел назад, в своё прошлое, в детство... Он метался. Полгода назад его бросила жена, изящная Маша, известная питерская поэтесса. Они прожили вместе 17 лет. Маша, как жена декабриста, уехала с ним, новоиспечённым горным инженером, из Ленинграда в далёкое Забайкалье, на золотой рудник, где они родили и вырастили двух сыновей. Крах Советов обесценил их романтическое служение недрам Сибири, и они вернулись в Питер. Устроились они неплохо. Пашка умел работать, он был универсал, сыновья пошли в него. Однако восторженный дух поэтессы Маши витал в куцах питерского бомонда и требовал немедленного понимания и признания. Она ушла к другому, тоже поэту, почти старику, не слишком продвинувшемуся на литературной ниве. Возможно, он давал Маше нечто большее, Пашке недоступное. В отчаянье Пашка сам начал писать стихи, а тоска по Маше разлилась до самого его забайкальского детства и вызвала странную рефлексию,

выплёскиваемую сейчас в самобытное литературное творчество.

А ведь Старик принимал друга в гости всего лишь год назад, когда всё ещё было у того в порядке. Пашка прилетал на малую родину, где уже давно не было ни его любимой Жарчи (даже место её существования уже заросло бурьяном), ни большей части сверстников, «не вписавшихся в рынок», ни Рудоуправления, где он был так востребован. Даже звонкая речка Жарча, весело гремевшая по галечнику, почти исчезла, взорванная дражными полигонами и заваленная конусами промытого грунта. Частным старательским бандам (компаниям) не было дела до природы и красоты местных пейзажей.

Они сидели у камина за ужином и рюмочкой и разговаривали так, будто не было прошедших тридцати трёх лет. Погрузневший, среброголовый Пашка счастливо и заразительно, как всегда, смеялся и рассказывал о ещё живом брате, племянниках и о девочке, с которой учился в школе и которую хотел найти...

«...Я принял позу – откинулся от столба, нога на ногу, правую руку локтём на колено, ладонь в подбородок. Эта поза у меня пожизненная, я всегда так сижу, если не заняты руки.

Она была одета в безрукавное, коротенькое платьице зеленоватого цвета, с жёлтыми цветочками по нему. На ногах сандалии на босу ногу.

Прибежала, шустро скинула коромысло и вёдра. Убрала моё ведро, поставила своё под трубу, при этом зыркнув на меня. Подошла ко мне.

– Чего сидишь, чего выжидаешь, у тебя уже вёдра налиты!

Я молчал, ждал, чего она мне ещё напоят здесь.

Подошла, толкнула своим коленом.

– Чего молчишь, как пенёк?

Надо было что-то отвечать, иначе забодает, поскольку я знал, на что она способна.

— Я? Я... слушаю,— ответил ей.

— Где, чего, с кем ты тут здесь?— посыпалось из неё. Начала озираться.

— Говори! — повелительно потребовала она.

Я большим пальцем ткнул вверх, не поднимая головы. Она посмотрела вверх, затем, с недоумением, на меня. Надо было что-то отвечать, иначе мог запросто пинка получить.

— Я слушаю провода, по ним разговаривают люди,— быстро ответил я.

— Так, так, так...— многозначительно произнесла она. Два раза обошла вокруг столба, а заодно и меня. Затем бухнулась возле меня. Я сидел, не меняя позы. Затем краем глаза заметил, что в удалении показалась женщина с вёдрами, это заставило меня быстро покинуть своё место. Если бы она подошла ближе и увидела нас рядом сидящих, то начала бы: «Ой, как бравенько сидите-то, как голубки!»— и так далее, что-то в этом роде. Потом бы понесла свои вёдра, а идти ей нужно было чуть ли не через всю деревню, и всем бы встречным рассказывала, как мы тут бравенько сидим. Я знал, что она рассказывала бы всем это без всякого умысла, и я на неё не обиделся бы, но «голубком» в то время я не хотел быть. Чудо осталось молчаливо сидеть...»

Старик в тот вечер смотрел на гостя и с умилением вспоминал, что это он, Пашка, принёс ему телеграмму о рождении сына. Они со своей таёжной базы приехали на почту в рудник, но визит слегка осложнился. Старик тогда стоял возле горняцкой столовой и готовился дать в морду молодому, здоровенному и неприлично пьяному с утра горняку, а тот, само собой, собирался дать в морду ему и задибался как мог, выдумывая повод. Когда Пашка подал телеграмму и он уловил её смысл, он отключился от всего внешнего, задохнувшись от счастья. Пашка взял за грудки пьяного задиру и как мальчишку отбуксировал его на расстояние, где что-то сказал ему такое, отчего молодец потух и пошёл искать приключений в другое место. А они пошли покупать коньяк.

А ещё они вспоминали, как в один летний воскресный день Пашка, видя, что он дуреет от тоски по жене, работавшей в другой бригаде геофизиков на дальнем таёжном участке, пригнал свой мотоцикл ИЖ и сказал кратко: «Садись!» И повёз его на встречу с женой по дорогам, по которым и бульдозер не всегда мог проползти. Никогда не забудет Старик счастья этой короткой, но такой желанной встречи с любимой...

В последнее время Пашка молчит, почти не отвечает, наверное, опять в командировке...

*«...Заглянул в бочку – надо было ещё делать три рейса.
Повесив на плечо коромысло с ведрами, поллёлся на трубу.
Издали увидел, что чудо находится на лавочке у столба.
Подумал: чего это она, не уходила, что ли?*

Я подошёл – ноль внимания. Так же, как и она до этого, заменил наполнившееся ведро на пустое. Подошёл к ней. Она сидела, откинувшись спиной на столб, затылок прислонила к столбу, вытянутые руки лежали на коленях, глаза слегка прикрыты, лицо серьёзное. Одним словом – египетская статуя.

– Ну, и чего? – произнёс я.

– Слушаю... – ответила она.

– Ну и как?

– Да вот, говорят, приходит какой-то пенёк и подслушивает нас.

– Так я же никому ничего не рассказываю!

– Ну и что, всё равно нечего подслушивать. А ты чего испугался-то, побежал и про меня даже забыл?

Затем подскочила и заливисто засмеялась. Я тоже изобразил подобие улыбки.

– Давай посидим ещё, – предложила она.

– Давай...

Сели.

– Я тоже одна и воду ношу для полива. А хочешь, я тебе морковку и гороху принесу?

Я: нет, нет, у нас всё есть, даже брюква...

- А тебе много воды ещё носить? – спросила она.
- Сейчас унесу и ещё два раза надо, – ответил я.
- А давай я свою воду тебе отнесу? – предложила она...

Я аж от неё шарахнулся и чуть ли не заорал: «Нет, нет!» – запросто могла потащить эту воду в мою бочку. Затем, согнувшись и обхватив руками ноги, положила голову на колени, при этом повернула лицо в мою сторону. По лицу её блуждала ехидная улыбка. Я ждал подвоха.

Состроив из личика что-то неотразимое, закатив глазки под лоб и нараспев: «А ты сегодня придёшь на “точок”?» «Приду, приду...» – быстро ответил я, чтобы скорее отвязаться от неё. Она принимала участие в школьных спектаклях и, видимо, нахваталась там всяких приёмов и ужимок.

– Ну тогда иди, – царственным тоном произнесла она, при этом сделала соответствующий жест рукой. И я пошёл, вернее, как очумелый помчался с этого места, расплёскивая воду. Про себя думал: «Что бы она сделала, если бы я не согласился прийти на “точок”?»»

Рассказ нравился Старику. Он чувствовал вместе с Пашкой, он видел эту странную девочку – Пашкино «чудо», он понимал безнадежную и глухую тоску друга по невозвратному... Рассказ был прочитан Стариком взахлёб и заканчивался неожиданно мощно, талантливо, хотя это был первый Пашкин опыт.

«...Вернувшись с армейской службы в конце мая, через неделю уже вышел на работу. Как-то, придя с работы, прилёг отдохнуть и тут услышал бряцанье вёдер. Я соскочил с дивана, мама собиралась идти за водой. Я забрал у неё вёдра, коромысло и пошёл той же дорогой, к той же трубе, как и в то далёкое лето.

Издали увидел: столба нет. В её доме жили другие люди. Я подошёл: труба была, вода бежала, лавочки не было, вместо столба – пенёк.

Я поставил ведро под трубу и сел на пенёк, провода надо мной уже не пели.

Я сидел и думал: «Где же та девочка?»

Мне представилось, что в то время над нами пролетела птица любви и обронила свои пёрышки, и одно из них попало девочке в сердце, а в меня ничего не попало. Потому так всё и получилось. Я думал, что спутники этой любви – перелётные птицы. Они, прилетая к нам весной, разбрасывают нам щедро эти перья, и люди с радостью подставляют себя под них. Мир становится красочней, и природа в унисон этим чувствам покрывает землю ковром цветов, чтобы эти чувства были такие же красивые, как и они сами. Я не рву эти цветы, может, ещё и поэтому.

Когда птицы улетают осенью, мы всегда с грустью смотрим им вслед, провожая их взглядом и слушая их прощальные крики. Но мы знаем, что они вновь вернуться к нам, и это нас успокаивает, и даёт надежду тем, на кого не упало перо любви в этот раз.

Человек ждёт: где же эта птица любви, когда же она подарит ему своё пёрышко? Верю: наверное, человек, обретя его, сам превращается в цветок, который даёт радость людям.

Не рвите, люди, полевые цветы! Это цветы любви...

Когда я писал этот рассказ, я послал сообщение своей однокласснице. Она ответила: «Я ничего не знаю про неё, знаю только, что у неё сын, которого она назвала твоим именем, наверное, в честь тебя».

В своём рассказе я не указал ни одного имени, ни одного географического названия – осознанно. Потому как Сибирь жила одной жизнью, и сотни деревень, как и моя, сегодня исчезли с лица земли, и в каждой деревне были свои – чудо и чудачки. Верю, что подобные случаи, со своими нюансами, были в каждой деревне.

Телеграфных столбов – тысячи.

Добавлю: всё-таки я указал одно географическое место – Тихий океан, но в него столько впадает ручьёв, речушек, рек, что и не поймёшь, откуда и что притекло.

Ноябрь, С.-Петербург»

Рассказ так и назывался – «Телеграфный столб», интригуя своей двусмысленностью. Не себя ли Пашка имел в виду? Возможно, он сетовал на свои ещё не проснувшиеся в те годы чувства и сожалел о несостоявшемся повороте судьбы, обещавшей истинную верность женщины, а не такой непереносимый удар, какой нанесла ему романтическая Маша... Почему же к рассказу нет никаких комментариев? Старик зашёл на страницу младшего сына Пашки и сделал запрос – всё ли у них в порядке и как там папа?

Пришедший в тот же вечер ответ ошеломил Старика: «У папы рак. На днях будет оперироваться. Надеемся».

Пашка умер через несколько дней, так и не пожаловавшись ему ни разу, подарив только этот живой, пахнущий тайгой и речкой, пахнущий детством и их совместной молодостью, свой единственный рассказ...

IV

Поколение Старика уходило... Социальная сеть, связывавшая его со школьными друзьями, студенческим братством, коллегами, время от времени начинала волноваться, передавая друг другу тревожное сообщение о тяжёлом заболевании или смерти одного из них. Те, кто не обуздал свою страсть к выпивке, умерли ещё в 90-х, предоставивших каждому бывшему советскому человеку полную свободу выбора своей судьбы, или, попросту, бросивших этот народ на произвол всех греховных страстей, лишив его идеологии, нравственности и всех смыслов существования. Кто-то уехал в дальние страны, кто-то оказался в ближнем зарубежье, а кто-то как пахал, так и продолжил, стараясь не замечать ничего и не реагировать на «вызовы нового времени».

В далёкой Канаде умер от сердечного приступа студенческий друг и капитан их волейбольной команды Санька, только-только начавший ощущать себя счастливым. В Южном полушарии, в экзотической Австралии, умер школьный товарищ Никола, смуглый толстяк, ставший заядлым любителем морских походов на яхте и рыбной ловли в водах Тасмании. На юге Австралии,

в горах, летом лежали снега, и Никола, ностальгируя по родине, катался на лыжах и всем друзьям и подругам посылал в личной переписке немного грустные стихи-размышления...

С тяжёлым инсультом, беспомощный, лежал у детей в Санкт-Петербурге уже второй год фанат туризма, альпинизма и спелеологии, активист их студенческого клуба «АИДА» – Санников Саша, весёлый и сильный человек, душа компаний... С неиссякаемым оптимизмом и светлыми надеждами боролся с онкологией добряк и молчун Гриша... В депрессии переносил в Екатеринбурге такой же страшный диагноз верный друг и коллега Володя, с которым они делили несколько лет полевых исследований и экспедиционный быт... Их было уже немало, они уходили, провожаемые тоской и болью оставшихся. И эти оставшиеся долго ещё восклицали горестно в адрес друг друга и выставляли старые фото ушедших, на которых они были все вместе. Они были молоды, счастливы и исполнены романтических надежд... Крах взрастившей их системы катком прошёлся по их поколению, вдавливая всех неконформных в землю.

Старик любил Родину, полагая, что это, по сути, единственное, что превосходит по ценности жизнь любого из них, что Родина – главное, а для многих и единственное, что они имеют в жизни. Его всегдашнее увлечение философией и социальными теориями укрепляло в нём самоопределение русского патриота, сохранившего в дикости перестроечных реформ целостное сознание и высокие нравственные принципы. Интернет, превратившийся в квазицивилизацию бестелесных сущностей, бушевал форумами, будто в Преисподней души людей, лишённые физических оболочек. Они сталкивались в яростных национальных, идейных, религиозных, культурных противоречиях, интеллектуальных войнах, классовой ненависти и чудовищном злословии.

Форумы притягивали Старика. Его жизненный путь в двух социальных эпохах Великой Родины – России сделал его убеждённым сторонником левой идеи, и он вторгнулся на форумы, по его самого шутливой оценке, «на коне, в будёновке, и с шашкой наголо». На самом деле вместо коня у него было глубокое

понимание материалистической философии и неплохое знакомство с историей, будёновку заменяло глубокое уважение к деяниям предков – деда и отца – рядовых коммунистов и настоящих трудяг, а вместо острой шашки – логика, эрудиция и интеллект. «Сабельным блеском» выступали романтическая эмоциональность, преклонение перед родным языком и склонность к поэзии.

Но доставалось ему за его левизну по полной! Социальные сети кишели деморализованной публикой: маргиналами ещё от советских времён, новым поколением, ставшим жертвой «деидеологизированного» российского общества, эмигрантами, переживающими свой эмигрантский синдром, «троллями» от всех политических течений и просто одинокими стариками, лишёнными общения с живыми людьми. Бродило в сети очень много женщин, часто с отчётливой психопатией. Всё это виртуальное сообщество получило технические возможности публичных выступлений, за форму и содержание которых ответственность отсутствовала. Старик так и называл их – Общество Неограниченной Безответственности.

Какие здесь бушевали шторма! Антисемиты и антисоветчики, коммунисты и коммунистические ортодоксы, православные, иудеи и исламисты, атеисты и родноверы, левашовцы и фоменковцы, сторонники власти и её противники. Весь этот сонм, разобщённый не только идеологически, но и профессионально, разномастный по географии проживания и культурным основам, весь этот клубок противоречий кипел страстями, тужился в интеллектуальном творчестве, литературных порывах, во взаимных нападках. Здесь возникали коалиции и недолгие группировки для травли выскочек и белых ворон, а также возникали симпатии и галантные (кто как мог) речи между мужчинами и женщинами. Здесь лились проклятия и грязный мат на оппонентов и всех их родственников. Каждый рисовал свой виртуальный образ, при этом выставлял напоказ то, чем он гордился, и прятал в закрытых профилях свою несостоятельность. Темы, гарантирующие адреналин, существовали годами, другие замирали после пары фраз. Старик с горечью отмечал ра-

зорванность сознания своих соотечественников, плохое знание родной речи, отсутствие логики и знаний. Зато великоросского гонору, шапкозакидательства и агрессии было с избытком. Прощетал социальный идиотизм в форме верноподданничества. Было хорошим тоном проклинать коммунизм и социализм, а значит, и своё советское прошлое. Особенно в этом изощрялись эмигранты из России, которых всю оставшуюся жизнь мучила потребность доказывать себе самим и окружающим, что они не зря бросили Родину. Из Ада они уехали в Рай... Старик писал им зло и безжалостно:

*...Отечество, не надо лишних слов –
Пусть лижут пыль и грязь чужих порогов.
В России их не ждёт ни стол, ни кров,
Они для нас мертвы. И слава Богу!..*

Ему отвечали оскорблениями. Но ничто не могло изменить его отношения к беглецам, покинувшим Родину в трудный для неё час, повернувшим к мракобесию, объявившим ложными все науки и талдычащим про никому не известные «истинные Ведические знания», к животному антисемитизму, к нападкам на историю России и Революции, на тяжёлый, но героический путь СССР.

Старик не знал, что ненависть может так вдохновлять... Он бил их наотмашь:

*...А если пасть твоя, раззявась,
Извергнет на Россию грязь,
Без промедленья, не стесняясь,
Тебя на место ставлю, мразь!..*

Его поносили «совкодрочером» и зомбанутым. Ему ставили диагноз: «Злокачественная и неизлечимая форма красножопия головного мозга». Его обвиняли в хамстве, засухарившемся жиловстве и высокомерии... Особенно лютовали потомки белых и репрессированных. Некто поклонник «Белого Дела» Положа-

ев писал: «...Стоит ли вообще о чём-то говорить с этими моральными идиотами? На мой взгляд, это пустая трата времени и сил. Внушить этим двуногим скотам понимание того, что коммунизм есть объективное зло, можно лишь методами, принятыми в среде цирковых дрессировщиков. Если бы, к примеру, любому из них каждый раз, когда он заведёт свою шарманку про неземные блага советского строя – подразумеваемая при этом просто свои приятные воспоминания на этот счёт, – если бы при этом кто-нибудь немедля сапогом разбивал ему в кровь лицо, у него, поверьте, очень скоро отпала бы охота нахваливать совдепию. У него просто выработался бы нужный условный рефлекс: хвалить совдепию – больно...»

Старик отвечал им презрением:

*...Ощерившись, сжав кулаки от злости,
Самообъявленные «господа» и «дамы»
Под флагом чёрным, где белеют кости,
Орали нам в лицо: «Вы! Хам-м-мы!! Хам-м-м-мы!!!»
От ярости навывкате глаза
И лица, побелевшие от гнева...
Да только время не вернуть назад!
И не нужны – ни вы, ни ваше «ДЕЛО».*

Это была борьба, и он бросался в неё, как в родную стихию. Он не блокировался ни с кем, не поддакивал и не «подтанцовывал», и в конце концов с ним смирились и зауважали, хотя и не упускали случая кусануть в надежде поднять своё реноме.

Однако между вспышками «культурного насилия» в виртуальном Обществе Неограниченной Безответственности шёл процесс подавления маргиналов с их эзотерическими и иными закидонами. Так, на одной теме ему удалось поставить на место сторонников «Новой Хронологии» Фоменко – Носовского, для чего пришлось вникнуть в суть работ этих незаурядных учёных и их критиков. Он «нейтрализовал» левашовца из Владивостока едкой критикой сверхспособностей их Гуру. Тот уверял, что

силой мысли не раз спасал штат Флорида от тайфунов, штопал озоновые дыры, отводил от Земли астероиды и даже погасил реактор на Чернобыльской АЭС. Он доказал путём многодневного разбора на форуме материалов по истории арабо-израильского конфликта, что Израиль существует в своих границах вопреки международному праву. Его «специальностью» стала борьба с ложью, и пока она ему удавалась. А лжи в сетях было много, очень много...

V

Во лжи состязались целые государства, народы, режимы, «лидеры» и их окружение, созданные специально для лжи институты, пресса, телевидение, кино и псевдонауки. Их ложь в широком ассортименте размещалась во всём необъятном информационном пространстве мира, и в интернете этот ассортимент был наиболее богат. Погружающиеся регулярно в эти океаны сетевой лжи люди быстро разделялись по пристрастиям к тем или иным «идеям», «фактам», «открытиям», «пророчествам» и вступали между собой в жестокое интеллектуальное противоборство, отстаивая и защищая понравившееся своей хлесткостью, абсурдностью или национально-патриотическим духом учение или точку зрения. Доступность сетевой информации и не соответствующий этой доступности уровень подготовки (участников таких форумов порождали на фоне всеобщей безответственности дикие картины стоящих на четвереньках, с оскаленными зубами, существ, гордо именующих себя человеком). Царящая в России начала двадцать первого века безрадостная обстановка исторического провала, потери путей развития, немыслимой социальной несправедливости, коррупции и правового беспредела становилась почвой для многих мятущихся умов.

Старик уже давно пришёл к выводу, что из всех грехов человеческих ложь – самый фундаментальный, лежащий в основе всех остальных прегрешений и преступлений. Воспитанный в обществе, где лжец становился изгоем, он с глубокой скорбью наблюдал, как ложь захлестывает современный мир, становит-

ся универсальным инструментом достижения неблагоприятных целей, оружием, деморализует и дезориентирует людей, становится нормой и привычкой. Много лет Старик наблюдал этот странный парадокс: чем мощнее становились технические информационные возможности человечества, тем меньше правды, то есть действительной информации, человек получал. Как и на все достижения научно-технического прогресса, на информационные технологии первыми наложили лапы военщина и грязные политики, и следствие не заставило себя ждать. Разобщение людей, лишённых устойчивых нравственных принципов и роющихся в информационных помойках с целью наскрести эпатажной «инфы», шло в «деидеологизированной» России полным ходом.

Люди искали духовную опору и просветление, надежду и веру, но часто находили разрывающую сознание и менталитет ложь.

Уже за полночь Старик выключил компьютер и прилёг на свой любимый, подаренный детьми и женой, диван-тахту. Включил другой подарок – телевизор с более чем метровым экраном. Новости новизной не отличались. Страну готовили к очередному «прямому общению» с президентом (с фальшивой гордостью отмечалось, что поступило уже более миллиона предварительных вопросов от граждан). Привычно сообщалось о пожарах, катастрофах, числе погибших, арестах заворовавшихся крупных чиновников, происках американцев, британцев, украинских националистов, прибалтов, исламистов, и на закуску шли сведения о ценах на нефть, смешном курсе рубля... Прогноз погоды всегда был интересен, поскольку самочувствие Старика от погоды зависело почти напрямую.

Под утро Старик увидел сладкий сон... Он оказался в городе, где прошло его счастливое и бурное студенчество. Стояло лето. С полиэтиленовой сумкой в руке, в которой лежало несколько книг, он зашёл в квартиру, где стояли, сидели, говорили, смеялись, ходили его однокурсники. Все молодые. Все живые. Проверенные дружбой и трудным, но таким одухотворённым, студенческим бытом. Он подходил к ребятам, они

пожимали друг другу руки... Они были в лёгких светлых рубашках... Особенно благоухал одеколоном чисто выбритый Юра Бондарев – самый старший из них. На диване сидело несколько ярких личностей – Лёша Маямсин (интеллектуал и отличник), Лёня Литвинов (спортсмен-борец и любитель собак), высокий Юра Хатеновский (прекрасный волейболист, само спокойствие и хладнокровие), изящный Володя Бесходарнов с огромными чёрными глазами (Ходарнов Бес, называл его сидящий рядом насмешник Володя Попов). Они были здесь все... Кореец Миша Ким и тувинец Миша Баталов о чём-то беседовали возле стола. Грузин Валера Домелашвили смотрел на Старика пронзительно синими глазами и слегка улыбался. Якут Гарий Томский упражнялся перед Светой Тарасовой в русской словесности... Кто-то взял у него из рук сумочку с книгами – посмотреть. Девушки (по-прежнему юные, не то что на сегодняшних аватарках в интернете) ушли в другую комнату, и он заметил, что они что-то быстренько готовят к столу, наверное, закуски. «Что у нас сегодня? А, за встречу...» – подумал Старик. Давно ему не было так хорошо и спокойно, он был среди своих. Они оставались вечно молодыми и прекрасными. Их общим счастливым отчим домом была вся страна, в которой они родились, выросли, получили образование и на благо которой трудились десятки лет. Он любил их всех, хотя и не со всеми тесно дружил. И не было между ними лжи. Он во сне наслаждался этим забытым чувством, воскресшим в нём через сорок пять лет...

Вдруг он вспомнил, что ему нужно срочно идти, чтобы успеть сдать книги в библиотеку. Он забрал свою сумочку и обнаружил, что там не хватает одной книги. Она уже пошла по рукам. «Ребята, книгу!» – попросил он, и ему её вернули. Это были «Дети капитана Гранта».

Старик хотел со всеми попрощаться, но внезапно проснулся. Афина лизала ему лицо...

г. Чита, Яблоновский, 2019 г.

Людмила Колбасова

г. Балашиха, Московская область

ЗЕМНОЙ РАЙ

*Снова я на Родине,
Верится – не верится.
Аромат смородины
Над землёю стелется.
На лесной опушке,
Там, где кроны сводами,
Звонкая кукушка
Награждает годами...*

М. Елютина

1.

Над широкой полноводной рекой стелился низкий туман, и вода с лёгким шумом волн бежала к небольшим порогам. Бурлила и пенилась, спускаясь на них, и прохладные брызги, попадая на лицо, приятно освежали его. Осторожно ступая по мокрым камням, Лена поскользнулась и, вздрогнув... проснулась.

Сразу надавили болью жара и духота. Сухие потрескавшиеся губы, казалось, прилипли к зубам, лицо было покрыто мелкими каплями пота. Ветер по-прежнему шумел в проводах, бился в стены и безжалостно гнул деревья. Она встала и, слегка приподняв деревянные жалюзи, выглянула в окно. Грустно вздохнула, увидев унылый нечёткий уличный пейзаж, покрытый пеленой пыли, что с большой скоростью кружилась и неслась, гонимая куда-то почти штормовым ветром, поднимая в воздух горы мусора. Сухой и горячий хамсин*, не останавливаясь ни на минуту, гулял над городом уже второй месяц. Мелкая розовая пустынная пыль как будто проникала в дом сквозь стены.

* Хамсин (араб. «пятьдесят») – сухой, изнуряюще жаркий местный ветер южных направлений на северо-востоке Африки. Температура воздуха нередко превышает +40°C при штормовой силе ветра.

Всё в нём – мебель, посуда, пол, постельное бельё и даже стены – приобрело розовый оттенок. Жара. Духота. Пыль и сушь. За окном ни души.

Жизнь в стране остановилась не только из-за жестокого изнуряющего пустынного ветра. Шёл священный месяц Рамадан, и отказ в дневное время не только от пищи, но и от воды истощал организм верующего. Тем более в такую погоду.

Лена ислам не приняла. Многочисленной родне мужа это не очень понравилось, но мир менялся, и приходилось мириться.

Родом она была из центральной части Восточно-Европейской равнины России, но капризная судьба занесла её, словно оторванный случайным ветром листок, далеко на другой континент, где она не жила, а маялась в далёкой североафриканской стране.

Накинув длинный халат, Лена покрыла голову платком и пошла на кухню. Там горел свет, а два узких окна, похожие на бойницы, были наглухо закрыты жалюзи. Вдоль стен на стеллажах стояли кастрюли огромных размеров, в высоких сервантах – горы сложенных тарелок и другой посуды. В углу – ящики с вялой петрушкой, кинзой, фруктами и овощами. На краю большого резного деревянного стола на серебряном подносе лежат приготовленные на ифтар* ровные блестящие финики.

Женщины большой семьи кормили малых детей. Небрежно одетые, заспанные и уставшие от поста, они приведут себя в порядок ближе к вечеру, когда, совершив вечерние молитвы после захода солнца, им будет позволено пить и есть. В дневное время мусульмане молятся, читают Коран и отдыхают, а ночью большой город оживает: зажигаются огни, открываются магазины, лавки и кафе. Люди встречаются с родственниками и прогуливаются по городу. С каждым днём поста они становятся всё более уставшими, но, крепкие в вере, благодатно принимают все лишения ради духовного очищения. От рассвета и до заката некоторые даже отказываются от назначенных медицинских

* Ифтар – вечерний приём пищи во время Рамадана.

препаратов, не чистят зубы, чтобы случайно не проглотить воды, и не умываются. Отец старшей невестки Лутфии болен диабетом и не принимает жизненно важные лекарства. Семья очень переживает за его здоровье, но он молится, и Аллах даёт ему силы жить.

- Доброе утро, мама, – Лена слегка поклонилась свекрови.
- Доброе утро, Лутфия.
- Доброе утро, Ихтимам.
- Доброе утро, Зульфа.
- Доброе утро, Фаида.

И каждую спросила: «Как дела?»

По утрам она всегда здоровалась с ними на русском языке, затем повторяла всё это на арабском, и начинался новый день, ничем не отличающийся от предыдущих: в постоянной суете с многочисленными детьми. А было их в этом большом родительском доме от пяти сыновей – тридцать два. Лена не успевала запоминать их имена, как рождались следующие. Семья была большая, дружная, и установленная веками иерархия родственных отношений строго соблюдалась. Даже её приход – единственной иностранки в семье – был встречен хоть и насторожённо, но уважительно, так как была она сдержанна и не болтлива. А когда Лена родила сразу двух сыновей-близнецов, а затем по очереди двух дочек, то завоевала и любовь свекрови.

Младшенькая родилась всем на удивление светленькой, но с восточным разрезом больших тёмно-серых глаз. Лена упростила мужа назвать её в честь бабушки красивым славянским именем Бажена. Она ласково называла дочку «Баженок», «Баженочка», и душа печалью отзывалась на приятное слуху родное имя. Она будто устремлялась вырваться из тела и полететь к милым сердцу местам. Тоска по Родине стала неудержимой.

Сейчас она опять носила под сердцем ребёнка, но никто об этом не догадывался. Главное было скрыть от мужа, иначе бы он никогда не отпустил её в поездку домой. Не зная о беременности, он наконец-то позволил Лене съездить

на Родину, и все мысли её были подчинены сборам и приготовлениям к дороге.

Грусть по бабушке и родному краю переросла почти в болезнь. Как наваждение перед глазами всплывали бревенчатая изба с невысоким крыльцом, резные ставни, кусты жасмина и сирени в палисаднике, крыжовника и смородины... Крыжовник невысокий, усыпанный зелёными и бордовыми ягодами, заманчиво выглядывающими сквозь небольшие резные листья, а смородина, напротив, раскидистая, широкая; ягоды наливные, блестящие, крупные, точно вишни. Там, в более северных широтах, она необыкновенно душистая и сладкая. У плетня – калина, далее черёмуха да ряд уложенных почерневших брёвен, на которых собиралась босоногая ребятня и, болтая обо всём, мечтала о счастливом будущем.

А ещё вспоминала закадычных верных друзей детства...

* * *

– Будешь моей женой? – смеясь, спрашивал Вовка, почёсывая многочисленные комариные укусы на ногах. – Стану лётчиком и увезу тебя далеко-далеко.

– Да кто тебя в лётчики-то возьмёт? – Алёнка кидала на него смешливый, озорной взгляд. – Там орлы нужны, а ты – воробей.

Вовка не обижался:

– Так я ещё подрасти успею. Не в кого мне маленьким быть.

– А я всё равно за тебя замуж не пойду, – хитро прищурился и лукаво посмеиваясь, отвечала Алёнка, – за тебя не интересно.

– А какой тебе интерес нужен?

– Такой, чтобы за любимым на край света, – она мечтательно посмотрела в сторону и, что-то вспомнив, протяжно выдохнула: – Босиком, через всю вселенную, ни о чём не думая.

– Эх, какая ты бестолковая, – Вовка покачал головой, – мать говорит, что «не думая» только глупости делаются.

Они засмеялись и побежали на речку. Река глубокая, вода прохладная...

* * *

Лена, вспоминая, грустно улыбалась, и тянущая, острая душевная боль да беспросветная потаённая печаль настолько сильно сжимали сердце, вонзая в него, словно колючки, осмысление совершённых ошибок, что замирало дыхание от безысходности и иногда не хотелось жить...

Она немного посидела, слушая незамысловатую болтовню невесток и, справившись с лёгкими приступами тошноты, умылась, привела себя в порядок. Женщины, покормив детей, ушли, и теперь можно спокойно поесть, выпить кофе. После, приученная к порядку и чистоте, Лена надолго займётся уборкой на кухне. Она торопила время, приближая его к долгожданному отъезду, и всячески загружала себя работой.

Дети убежали играть в общую детскую, где старшие присматривали за младшими, лишь только трёхлетняя Бажена продолжала крутиться вокруг матери да песчаная буря, тоскливо завывая, гнала на север мелкую, словно пудра, розовую пыль, кружа её в закоулках древнего города.

2.

«А в родном краю, — натирая закопчённые кастрюли, представляла Лена, — ласковый июнь разогревается длинными тёплыми днями. По голубому чистому небосводу проплывают причудливые белёдые облака. Временами может неожиданно подняться ветер и вмиг нагонит клубящиеся грозовые тучи, которые, гремя и сверкая, прольются скорыми дождями, и после вновь выглянет нежное ласковое солнце. Обновилась, очистилась природа, и кружится голова от дурманящего аромата цветущих садов, цветов, трав. В окружении суетящихся мух, пчёл, комаров и прочих насекомых, прячась в тени густых листьев, зреют гроздья смородины. Немного травяной и терпкий запах ягод усиливается после дождя, и всё вокруг охвачено безмятежностью и покоем длинного летнего дня...»

За приятными воспоминаниями работа спорилась ловко, и на лице её блуждала счастливая улыбка.

Она как будто вживую видит на крыльце отчего дома бабушку в длинной юбке, цветастом переднике и белоснежном платочке.

– Ленка-лентяйка, – сердится она, – смородина уж давно поспела, пока не оберёшь, гулять не пущу.

– Ну бабушка, – капризничает внучка, – не люблю я собирать эту дурацкую смородину.

– А я не спрашиваю, любишь или нет, – бабушка ставит на крыльцо высокую, со сбитой зелёной эмалью, старую кастрюлю. – Только кто её зимой большими ложками есть будет?

Ягодка за ягодкой – медленно продвигается дело, но Лена знает точно, что глаза боятся, а руки делают, и к обеду работа будет выполнена. Уже и пальцы чёрные, и солнце высоко. Из кухни аппетитно пахнет пышками да смородиново-малиновым киселём...

– Ух и устала, – снимая с головы косынку и вытирая ею пот с лица, Лена гордо ставит доверху наполненную ягодами кастрюлю.

– Молодец! – улыбается бабушка. – Ну вот, один куст долой, осталось ещё двенадцать.

Алёнка недовольно морщится:

– Я эту смородину всю жизнь помнить буду!

– А как же! Разве можно забыть земной рай? – бабушка весело прищуривается, и лицо её покрывается добрыми родными морщинками.

* * *

– Мама, бабушка сказала, что ты скоро уедешь! – прервали приятные воспоминания дети.

– Я ненадолго, – Лена устало опустила на стул и обняла малышей.

– Бабушка говорит, что там очень холодно.

– А ты нам гостинцы привезёшь?

– Конечно привезу.

– А что?

– Игрушки, куклу Наташу, – смеётся она, – и смородину...

– Что это? Что это? – малыши жмутся к ней, в глаза заглядывают.

Лена рассказывает, и детвора всё больше задаёт вопросов про её страну. Она описывает им суровые снежные зимы, ледяные горки. Малыши смешно съёживаются, потирают себя руками, изображая, как им холодно, и всем весело. А ещё Лена говорит про высокие травы, густые леса, цветущие сады, быстрые реки, летние дожди и свежий ветер. Про ночные соловьиные песни, крики петухов по утрам да про тринадцать кустов смородины в бабушкином саду.

И в её голосе слышится такая щемящая вселенская грусть, что маленькая Марьям, заглядывая в лицо матери своими чёрными большими глазёнками, заплакала. «Мама, – сквозь слёзы и шмыгая носом спросила дочка, – а ты не останешься там?»

– Что ты, глупышка, – Лена даже испугалась, – куда же я теперь без вас, птенчики мои!

Незаметно в кухню вошёл муж Али. В длинной рубахе до щиколоток, в платке и с бородой, он совсем не походил на того современного парня, что вскружил голову студентке-первокурснице. Дети с радостными криками бросились к нему. Он каждого взял на руки, поцеловал, и глаза их засветились неподдельным детским счастьем. «Али хороший отец, – подумала Лена, – но почему здесь, в его стране, я совсем перестала его любить?»

Как она могла увлечься им настолько, что полностью потеряла голову, сейчас Лена не понимала. Первый встретившийся в жизни иностранец, смешно коверкая русские слова, показался таинственным, необычайно культурным и ласковым. Вовка, который всё-таки поступил в лётное училище, рядом с Али выглядел простым, словно пятак, деревенским парнем и не выдерживал в её понимании никакого сравнения с новым знакомым.

Высокий, стройный, черноволосый ливиец с выразительным взглядом больших чёрных глаз познакомился с Леной на теплоходе, где студенты отмечали окончание первого курса. Она – высокая, полногрудая, с длинной русой косой – приглянулась

Али. Не сразу он решился её пригласить танцевать, но когда осмелился, то больше не отпускал.

На теплоходе громко играла музыка, и в свете праздничных фонариков Али, нежно прижимая Лену к себе, шептал на ухо смешные непонятные слова. Восхищался её красотой и ласково заглядывал в доверчивые зелёные глаза. Он держал девушку за руки, нежно поглаживая ладони, а затем они долго целовались и расстались только на рассвете.

– Ты совсем дура! – кричала утром на неё подруга. – Хочешь, чтобы из института отчислили? Знаешь, что тебе может быть за связь с иностранцем?

Но Лена лишь счастливо улыбалась и рассказывала, что он называл её «Хабиба»*. Тайная связь с иностранным студентом тянулась почти год. Дорогие подарки из «Берёзки», дефицитные билеты на концерты и в театры, ювелирные украшения дарил влюблённый горячий парень и вскоре сделал ей предложение. Ни минуты не сомневаясь, она ответила «Да».

– Не пущу! – кричала бабушка. – Замуж в Африку собралась!

Она плакала, ругалась, опускалась перед внучкой на колени и едва осталась живой после случившегося гипертонического криза. «Мне теперь никак нельзя умирать, – слабым голосом говорила она после, – кто ж будет молиться за неразумное дитя? Пропадёт она на чужбине! Ой, пропадёт!»

Внучке она заменила и мать, и отца, трагически погибших в автомобильной аварии, когда девочке было всего пять лет. Незаметно пролетели годы, и вот она уже невеста, да только её бракосочетание кажется бабушке катастрофой.

Спустя некоторое время молодые расписались, отметились в ливийском посольстве и вскоре улетели через горы и моря в далёкую страну. Золотые кольца поставили жирную точку на счастливом будущем простой русской девушки с красивым именем Елена.

В большой семье, проживающей в незамысловатом, но огромном по площади четырёхэтажном доме с торчащей

* Хабиба – любимая (араб.).

вверх из крыши арматурой, с маленькими узкими окнами, за высоким забором с одинокой пальмой во дворе и пышной мимозой, что покрывала весной весь двор жёлтой пылью, Али, казалось, совсем охладил к молодой жене, и лишь только ночи напоминали об их былых чувствах. Любые способы предохранения, как и аборт, в стране запрещены Кораном, и Лена через девять месяцев родила близнецов-мальчиков. Через два года родилась Марьям, а ещё через два с половиной – Бажена. И вот она опять ждёт ребёнка.

Не принимала душа её чужой уклад жизни. Алёнку не обижали, приняли в большую семью по-доброму, но у себя на родине муж изменился до неузнаваемости и запер жизнерадостную жену в родительском доме. Главное предназначение женщины в этой стране – хранительница домашнего очага, праведная покорная и скромная супруга, с уважением и почтением относящаяся к мужу, который, в свою очередь, берёт на себя полную ответственность за материальное обеспечение семьи.

В брачном контракте оговариваются некоторые права жены, например, разрешение работать или носить европейскую одежду, но никогда муж не возьмёт с собой жену в кафе или кино-театр. Как игрушку её иногда вывозят на какие-либо семейные или дружеские встречи, предварительно определив даже, что ей надеть.

И жизнь Лены уныло протекала в быту и заботах о детях большей частью за высоким забором двора.

Специфическая кухня, где едят много риса, макарон и жареного мяса, привели к излишней полноте, а из-за постоянного заточения в доме она совсем потеряла интерес к жизни.

Часто была раздражена, недовольна и слёзно просила мужа отпустить её съездить домой.

Али видел мытарства жены, сочувствовал ей, но отпустить боялся, переживая, что не вернётся. И, разреши он ей уехать с детьми, она бы, возможно, так и поступила. Хотя вряд ли, ведь понимала, что не имеет права лишать детей отца.

Но хотелось свободы, самостоятельности и права принимать решения. Отвоевала она лишь одно позволение – это без сопровождения мужа посещать библиотеку, которая находилась в одном из районов на окраине города, где проживали советские военные специалисты.

Ни с кем не разговаривая, зная, что для всех это нежелательно, она, не поднимая глаз, медленно проходила через большой двор в квартиру, которую отдали под небольшую библиотеку. На высоких стеллажах хранили тайны потрёпанные книги, и приятно пахло свежими газетами и журналами.

Лена уже давно их все перечитала, но продолжала упорно раз в месяц приезжать. Она переходила от одной полки к другой и, делая вид, что выбирает, с наслаждением прислушивалась к разговорам, что вели посетители библиотеки, бросая тайные взгляды на неё. Лене было интересно всё на этом маленьком островке Родины. Во дворе из динамиков звучали до боли знакомые и новые песни. На доске объявлений был написан список фильмов на неделю, которые показывали вечером на большом экране, что находился посередине двора. Грустно и больно было слышать детскую русскую речь. Вызывали зависть и безутешную тоску свободные раскрепощённые советские женщины.

Ей так хотелось сдёрнуть с волос ненавистный платок, оторвать длинный подол платья и закричать, что она тоже русская и до самых глубин души любит свою родную страну. Она рассказала бы им про горькую печаль-тоску по бабушке, друзьям, милому сердцу селу и калине у плетня. И о том, с каким бы великим наслаждением она собрала сейчас ягоды смородины сразу со всех тринадцати кустов!

«Знаешь, бабушка, я эту смородину всю жизнь помнить буду!» – часто ворошила прошлое Лена и понимала, что рай на земле есть и забыть его действительно невозможно.

А ещё она думала, что, возможно, когда-нибудь в этот город придет её друг детства Вовка, чтобы учить ливийских лётчиков летать, и будет жить в этом дворе. И было скорбно от того, что вряд ли он узнает в ней – располневшей, в длинном бесформен-

ном платье и с покрытыми платком волосами – ту смешливую Алёнку, на которой собирался жениться...

К глазам подступали непрошенные слёзы, и неподъёмное горе тяжёлым грузом давило на сердце.

«Господи, что я наделала?» – немым криком вопрошала себя. И выхода не видела.

3.

С замужеством в чужой стране ей повезло намного больше, чем многим её соотечественницам. Девушки влюблялись и не задумываясь выходили замуж, абсолютно не интересуясь, чем и как живёт народ в этой стране. Не зная традиций, уклада жизни, условий проживания, они безрассудно и безоглядно отдавались во власть пылким чувствам к красивым таинственным арабам. Любовь, как цунами, смывая все преграды, уносила их далеко от родной земли, и когда отступала стихия сладострастия, наступало отрезвление бытом и буднями, а замужество оказывалось полным провалом в жизни.

Лена попала в богатую культурную и образованную семью. До революции 1 сентября 1969 года, когда в стране была свергнута монархия, отец Али владел гостиничным бизнесом, который приносил неплохой доход. Сейчас бывшими прежде в собственности отелями руководили сыновья. Они были директорами, и это была уважаемая в стране должность. Семья не бедствовала, лечилась и отдыхала за границей и была очень почитаемой.

Когда Лена переступила порог большого дома, который назывался здесь «вилла», она опешила. Красивая итальянская мебель из натурального дерева, в гостининых кондиционеры, о существовании которых она даже не знала. Не виданная доселе итальянская бытовая техника, дорогие ковры и у каждого – своя машина.

Она знала, что некоторые советские девушки попали в менее обеспеченные семьи и испытывали нужду. Кто-то принял ислам и до конца своих дней был обречён выходить на улицу замотанной, как в кокон, длинными отрезами тканей, оставляя

открытыми только глаза. Кому-то досталось приехать вторыми жёнами. Встречались и брошенные, что смирились и влачили жалкое существование на средства, которые платил отец на содержание детей. Ливия была страной закрытой, крайне религиозной и непредсказуемой.

Лене повезло. Но каждый раз, заходя в их увешанную дорогами коврами спальню с белой глянцевой мебелью, она закрывала глаза, стараясь воскресить в памяти свою девичью комнату: небольшой коврик с оленями на стене, железная кровать с подзором и горой подушек под капроновой накидкой. В углу этажерка с книгами да выжженный на дереве портрет Есенина, а за накрахмаленными белоснежными ажурными занавесками – разноцветная пышная герань на подоконнике. До слёз хотелось почувствовать её тёплый незамысловатый запах, вызывающий ощущение бабушкиного уюта, покоя и тишины.

Ей действительно пока везло, но никогда не отпускал страх, что Али женится второй раз на девушке-мусульманке. Вторые, третьи и даже четвёртые браки были не редкостью в Ливии. И никакой жене не нравится, когда у неё появляется соперница. Но если вдруг муж кому-либо из них уделяет меньше внимания, она имеет право пожаловаться мулле. А к кому обратиться в этой стране жене без роду, племени и веры? Когда по утрам Лену будит голос с минарета: «Аллах акбар», – она вспоминает утренние бабушкины молитвы: тихие, потаённые. Горит лампадка под образами, мерно тикают ходики, и пахнет ладаном.

Девчонкой всегда смеялась, как быстро и чётко бабушка произносила: «Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас...»

– Ну как ты можешь верить в Бога? – спрашивала Лена после и весело скороговоркой повторяла: – Свят, Свят, Свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас.

Бабушка, горестно покачивая головой, прижимала её к себе, вздыхая:

– Да разве можно прожить жизнь без веры? К кому обращаешь, кому заплачу, кто спасёт да пожалеет?

– На себя надо надеяться, – упрямо не соглашалась внучка...

А теперь она жила в стране, в которой религия была основным законом. «Вот и понадеялась на себя, – часто думала Лена, – своего Бога отвергла, зато теперь мои дети воспитываются в чужой вере».

До чего же душа просилась домой! Всё вокруг было не мило. И лаской, и с гневом просила она у Али разрешения проведать бабушку в родимом краю, но всегда получала один спокойно-равнодушный ответ: «Завтра, послезавтра, как даст Аллах».

– Али, – как-то заговорила с ним устало, спокойно, – скоро Рамадан – время стать лучшим для людей. Пусть я для тебя человек другой веры, но у нас союз обоюдный, скреплённый любовью и детьми. Так неужто ты позволишь мне – матери твоих сыновей и дочерей – угасать от тоски по родной земле? Я почти девять лет не видела бабушку. Ты же мне сам говорил, что рай находится под ногами матери, так неужто та, что заменила мне мать, обречена умереть, больше не встретившись со мною? И я навечно лишена счастья прижать её к сердцу?

И он согласился, но разрешил поехать пока без детей. И, как принято, стал покупать жене новые платья и украшения, дабы никто не смел подумать у неё на Родине, что он не способен достойно обеспечить свою жену.

Раннее утро дня отъезда. От изнуряющей жары, долгой бессонницы, утренней тошноты, что приходилось тщательно скрывать, Лена едва стояла на ногах и испытывала сильную головную боль. Она осунулась, подурнела. Возбуждённые её отъездом родственники не могли вспомнить, чтобы замужняя женщина самостоятельно уезжала в другую страну и так надолго оставляла детей. Они постоянно заглядывали к ней в комнату, задавали разные вопросы, предлагали помощь и давали советы. Тут же под ногами вертелась детвора, и свои родные дети постоянно обнимали, со страхом заглядывая в глаза матери, и плакали. Не бывало здесь такого.

И вот позади долгие слёзные прощания, и машина Али несётся с большой скоростью по ровному шоссе из Бенгази в Триполи. Он иногда поворачивается к Лене и долго грустно смотрит на неё. Она опускает глаза. Сердцу больно. Али давно понял, что

его страна не стала родной для жены, жизнь здесь ей тягостна. И оба они знают, что ничего изменить уже нельзя: Фаиль и Зияд, Марьям, Бажена и тот, кого она тщательно скрывает, связали их навеки.

Как в тумане она прощалась с мужем, поднималась по трапу Боинга 727 рейса Браззавиль – Триполи – Одесса – Москва, и только сейчас, пролетая над морями и горами, чужими странами и с каждой минутой приближаясь к Москве, она поняла всю глубину горестной разлуки с милой сердцу, родной стороной.

Когда Лена, влюблённая, не раздумывая полетела на чужбину, уверенная, что сможет полюбить эту удивительную, точно сказка, страну, Родина, словно любящая мать, видениями милых пейзажей приходила во сне и звала домой.

Лене казалось, что и родной земле без неё плохо. «Откуда такая связь?» – думала она и понимала, что впитала эту любовь не только с грудным молоком под протяжные колыбельные песни. Родимая земля тоже помнила её босые ножки, что бегали по траве. Черёмуха, горестно вздыхая под свежим ветром, тосковала по мягким детским ладошкам, что тянулись к терпким ягодам. Величавая берёза у скамейки на околице рассказывала, шумя ветками, про её первый поцелуй с Вовкой. Старая изба громко скрипела половицами под шаркающими старушечьими шагами, устав звать непокорную внучку, и смородина, которую давно никто не собирал, грустно осыпалась, тоскуя, в саду...

4.

Самолёт спокойно шёл на посадку в Одессе. Было за полночь. На время заправки пассажирам предложили выйти. Спускаясь по трапу, Лена полной грудью вдыхала свежий прохладный воздух и вмиг почувствовала, как проходит головная боль и клетки мозга наполняются кислородом. Лёгкий ветерок слегка шевелил берёзки, в свете фонарей её ветви причудливо сплетались, и шептание листвы казалось приветствием. Не заметила, как опустилась на колени и, поглаживая сырую землю, прошептала:

«Прости, родная, что бросила, не тебе родила сыновей и дочерей», – и беззвучно заплакала...

«Я должна вернуться», – думала Лена, подлетая к Москве.

– Я вернусь, – повторяла она под стук колёс поезда, который вёз её домой.

Города, посёлки, просеки пролетали мимо. В вагоне разговаривали, смеялись, читали, отдыхали. Убаюкивало мерное покачивание и звяканье ложечки в стакане. Но Лена не спала. Она не отрываясь смотрела в окно, не узнавая родимые места. На переездах стояло больше машин и серым полотном стелились, словно лентами, дороги. Новые мосты с высокими ажурными перилами как будто висели над реками. Ярче горели фонари на вокзалах и больше, чем прежде, проходило встречных поездов. И в каждом городке, как символ перемен, устремлялись ввысь многочисленные лёгкие силуэты башенных кранов. Страна строилась и развивалась.

Родной район и старый автобус ПАЗ. Вот и село... Ноги ватные – не идут, а сердце неровно и громко стучит, временами падая в груди, не хватая воздуха, и сильно кружится голова. «Дойти бы, – думает Лена, ступая по тропке к дому, а увидев его, удивляется: – Какой же он маленький!»

Знакомо скрипят ступени, дверь... Она заходит и, прислонившись к дверному косяку, медленно опускается на пол. Не заплакала – зарыдала всеми накопившимися слезами долгой жизни на чужбине. «Ну, будет, хватит, – бабушка испуганно вытирала ей слёзы подолом фартука, – радость-то какая: дожילה, свиделись». И они долго сидели, плача, обнявшись на полу.

Девять лет разлуки – это очень много. Тем более если каждый день ждёшь встречи. Когда не можешь забыть и смириться, всем сердцем чувствуя и понимая, что самый родной человек несчастлив. Сколько стенаний и молитв слышал этот старый деревянный дом. Сколько слёз видели они. Казалось, что горем расставания пропиталось всё вокруг.

Дом стал ниже, на печке облупилась штукатурка, немного пахло сыростью, и прежде белоснежные занавески запылились. Нет на подоконнике герани, и зарос палисад травой. «А чему

я удивляюсь», – вдруг ужаснулась Лена, осознавая, что бабушка уже перешагнула восьмидесятилетний рубеж. В стране Али женщина – мать и бабушка – этого возраста окружена любовью и заботой и ни одного дня не проведёт в одиночестве.

«Что я наделала?» – укоряла она себя каждый час, наводя порядок в доме. Как умела замазывала печь и белила её, красила оконные рамы, мыла окна, стирала занавески и всё больше не хотела возвращаться назад. Лена никогда не чувствовала себя дома на богатой вилле мужа. А здесь всё было её – родное, выстраданное, любимое.

– Я скрыла, что беременна, и только так смогла приехать, – рассказывала она бабушке.

Бабушка всплеснула руками: «Да ты с ума сошла! Уехала лёгкая, а вернёшься тяжёлая! А коль не поверит? Как была глупой, так глупой и осталась». Бабушка охала, вздыхая, и в сердцах укоряла, что всё в жизни Лена делает не думая. И она задумалась. Мысль избавиться от ребёнка вынашивала давно, а тут поняла: другого выхода и быть не может. Ведь если она вскоре родит, то на следующий год не сможет приехать. Не отпустит её муж в дорогу с грудным младенцем.

– Бабушка, как мне жить дальше? Не хочу я возвращаться к мужу, не люблю его.

– А ты теперь, голуба, не о себе должна думать, детей четверо. Сама говоришь, что Али хороший отец. Что ты делать-то умеешь? Как детей кормить будешь? Вон в стране какая-то заваруха начинается. В магазинах – шаром покати.

– Полы мыть пойду. Сколько я их в мужнином доме перемила... Да что угодно, лишь бы в родном краю.

Бабушка качала головой: «Легко говоришь, выживи попробуй».

– Выживу, – твердила опять упрямо.

От ребёнка она освободилась...

Встречи с бывшими друзьями не принесли радости. Лена для них стала чужой, и было неприятно от того, что ей даже зави-

довали. Дорогие золотые кольца, серьги, которые она привыкла носить не снимая, создавали видимость полнейшего благополучия и успеха. Она не разубеждала.

И с радостью чистила заросший сад, вспоминая былое, собирала смородину и варила ароматное варенье, чтобы привезти его, как обещала, своим детям.

Она успокоилась, набралась сил и в целом как будто зарядилась энергией. «Вернувшись в родимые сердцу места, – как-то подумала, – чувствуешь, словно прильнула к роднику, прижалась к надёжному тёплому плечу и радость бытия наполнила желанием жить».

5.

Время пролетело незаметно, но расставаться оказалось крайне тяжело.

Лену не покидало чувство, что она больше не увидит свою любимую бабушку, которая, собирая внучку в дорогу, бестолково суетилась и постоянно повторяла одно и то же: «Ладанку-то надела?»

Выцветшие старушечьи глаза постоянно слезились, и она, суетливо вытирая их косынкой, громко шмыгала носом. «Ладанку-то не забыла?» – в которой раз спрашивала и торопливо крестила...

Так и осталась у Лены в памяти маленькая сухонькая старушка в белом платке, что стояла, бессильно прислонившись к развесистой калине у плетня покосившегося от старости дома, и крестила, крестила вслед такси, что уносило единственную кровиночку к далёким африканским берегам... И Лена тоже горько плакала, прижимая к груди покрытую белым полотенцем корзинку с пирожками, что бабушка напекла правнукам.

Старое сердце не выдержало разлуки, и в зимний ненастный день бабушка ушла из жизни, не проснувшись. Соседи увидели, что из трубы не идёт дым. Похоронили скромно и долго гадали, как сообщить об этом Лене.

А Лена, вернувшись, поняла, как сильно соскучилась по детям и даже по мужу. Она привезла всем подарки и расстро-

илась, когда дети скривились от смородинового варенья: «Фу, кислое». Перед глазами встала бабушка у калины, что крестила вослед, и мучил стыд, что пирожки она раздала цыганским детям на вокзале. Не довезла бы она их в Ливию, а других подарков у бабушки и не было.

Не сразу заметила Лена холодок в отношении к ней не только Али, но и всех членов семьи. Думала, что не могут ей простить столь длительный отъезд, но вдруг узнала, что муж её покупает золотые украшения. Это могло значить только одно – вторая жена. В стране строго соблюдали предписания Суры четвёртой – «Ан-Ниса», что дословно переводится «Женщины», в которой говорится, что калым (махр) отдаётся будущей жене. Это её частная собственность, и никто не имеет права им воспользоваться. Размер определяется достатком семьи невесты и жениха, и в Ливии это обычно большая коробка с золотыми украшениями. Свои, местные, невесты арабам стоили дорого, в отличие от иностранок, что доставались в жёны абсолютно даром.

Лена, испугавшись, затаилась. Страх безрадостного будущего сковывал колючим холодом. Она решила быть хитрее. Стала очень послушна, уступчива мужу и всей его семье. Делала вид, что ничего не замечает, и только одна мысль кружилась в голове: «Как выехать вместе с детьми из страны?»

Через несколько месяцев, вдобавок ко всем её бедам, пришло известие о смерти бабушки. Мучительно и горько было осознание, что кровных родственников на Родине не осталось. Душа рвалась в опустевшее село к маленькому холмику на кладбище.

Своим уходом из жизни бабушка помогла решить Лене проблему с отъездом. Грустно, ласково, преданно глядя в глаза мужу, она говорила, что ей надо не только поклониться могилке и привести её в порядок, но также необходимо распорядиться и о продаже опустевшей усадьбы. Предприимчивый муж с этим согласился, а Лена нашёптывала детям про интересное путешествие в далёкую удивительную стра-

ну. «Папа, мы хотим полететь с мамой!» – приставали они к отцу.

– И правда, Али, – спокойно говорила Лена, – давай я возьму их с собой. Пусть мою Родину увидят, ведь больше мне не к кому будет ездить домой.

«А почему бы и нет? – подумал он. – Никто не будет мешать мне готовиться ко второму браку».

Вечером 14 апреля 1986 года Лена с детьми вылетела из Триполи в Москву, а после полуночи пятнадцатого числа американская авиация, обвиняя Ливию в международной террористической деятельности, нанесла авиаудары по военным объектам близ Триполи и Бенгази. Страна на долгое время подверглась экономической блокаде. Доходы семьи Али стали катастрофически падать, готовившаяся свадьба расстроилась, и он с нетерпением ждал возвращения жены и детей.

В родном материнском доме детям жить не понравилось. Изба им казалась тесной, пища невкусной, не хватало многочисленных двоюродных братьев и сестёр. Они скучали по бабушке Арьям, а главное – очень тосковали по родному отцу.

Да и Лена всё больше понимала, что вряд ли сможет выжить с малолетними детьми в родной стране, экономика которой словно летела в пропасть с обрыва, взяв курс на непонятную всем перестройку.

Она подолгу сидела у могилы бабушки и мысленно с ней беседовала.

«Как же мне жить дальше? Как поступить?»

«А ты теперь, голуба, не о себе должна думать, детей четверо», – вспоминала бабушкины слова и понимала всю ответственность перед своими малышами. Также помнила, как говорил Али, что рай находится под ногами матери. «В своей жизни я, своевольничая и никого не слушая, наворочала так, что нет мне уже дороги назад, – думала Лена, – но я – мать, и только самоотверженной всеобъемлющей любовью к своим детям сумею создать им рай на земле, как это сделала для меня бабушка».

Но сердце не мирилось, противилось, и опять она вспоминала бабушку: «Ты не спеши, дочка, утро-то вечера мудренее», – и Лена решила пережить лето в родном селе, а там – как сложится да как надобно. Тем более – авиарейсы в Ливию были закрыты на несколько месяцев...

Наша жизнь – это постоянный выбор пути. Сколько перед нами открыто больших дорог да узких тропинок, и мы, бывает, торопимся, мечемся, выбирая направление, и ошибаемся. Путаемся, блуждаем, уходя всё дальше, глубже, и снижаем, теряя опору и веру, но всегда надо помнить, что у каждого из нас есть родной угол, куда ведёт память. Память первого шага, первого слова, первого учебника, первого поцелуя. Ты уверен, что именно там для тебя шумят берёзы, поют соловьи и каждая тропинка ждёт встречи с тобой. И если оказался на перепутье – возвращайся. Вернись, чтобы спокойно посидеть и подумать, ведь в родном доме даже стены помогают. Слушай и вспоминай голоса твоих предков, близких, друзей; слушай своё сердце, что на Родине спокойней и уверенней бьётся, и, слушая, выбирай свой дальнейший путь.

07.07.2019

МЁРТВЫЙ ДОМ

1.

Поезд вздрогнул, дёрнулся и медленно поехал, прощаясь с небольшим российским городком долгим протяжным гудком. За окном всё быстрее мелькали пристанционные постройки, в вагоне проводники не спеша собирали билеты у пассажиров, а те, толкаясь и извиняясь, раскладывали вещи.

Моим соседом по нижней боковой полке оказался очень интересный мужчина средних лет.

На нём очень дорогая одежда. Небрежно брошенные на полку тонкие мягкие лайковые перчатки да дорожная кожаная сумка, поставленная под скамейку, стоили, видимо, дороже всех моих чемоданов, сумочек и кошельков, вместе взятых.

«С чего бы это вдруг такого щёголя занесло в плацкартный вагон, да ещё на боковую полку?» – подумала я. Но больше меня занимал другой вопрос – уступит ли он мне нижнюю полку, либо со страхом упасть я буду всю ночь мучиться на верхней?

Пассажиры, перекусив, стали укладываться спать.

Я в очередной раз глубоко вздохнула, привлекая этим к себе внимание моего молчаливого грустного попутчика.

– Простите, вы, наверное, хотите прилечь? – наконец спросил он и начал застилать постель на верхней полке, бросив на неё иностранный журнал.

– Это моё место. – Поездка в плацкартном вагоне меня всегда раздражала.

– Вы хотите спать наверху?

– Я вообще не хочу спать, но лежать предпочла бы на нижней, – и спохватилась, мило улыбнувшись: – Спасибо.

– Я тоже совсем не хочу спать, – он приятно улыбнулся в ответ и представился: – Пётр.

«Такой красавчик – и с таким простым именем», – разочаровалась я и представилась:

– Надежда, можно Надя.

Он так же с разочарованием посмотрел на меня:

– Так звали мою мать.

Лицо у Петра вмиг стало серьёзным, он отвёл в сторону печальные глаза и ловко запыркнул наверх.

На этом наше общение закончилось, и я, разложив и застелив нижнюю полку, с удовольствием вытянула уставшие ноги. В вагоне стихало, слышались кое-где негромкие разговоры, вздохи и с разных концов перекликались храпуны.

Затем погас свет, и храпунов стало больше.

Была глубокая ночь, когда мой попутчик, свесив голову, посмотрел на меня и, увидев, что я не сплю, вдруг спросил:

– А вы есть не хотите?

– Хочу, – обрадовалась я возможности скоротать ночь в разговоре, а не в утомительной долгой бессоннице в тесном душном вагоне.

Мы осторожно переходили из вагона в вагон по шатким площадкам над сцепкой, пока не добрались до вагона-ресторана. Несмотря на поздний час, его для нас открыли, и вежливые официанты сервировали вполне приличный стол и даже поставили бутылочку неплохого вина. Видимо, Пётр им хорошо заплатил.

– Я сегодня мать похоронил, вернее, вчера, – он залпом выпил, глубоко вздохнул и посмотрел в тёмное окно.

Я сразу и тонко восприняла грусть и страдание незнакомого мне человека, и вся моя душа прониклась сочувствием к красивому, уважаемому, но задумчивому и какому-то потерянному одинокому мужчине с простым именем. Возникло желание поддержать, подбодрить, успокоить.

– Расскажите, – как можно теплее я предложила ему выговориться. – Вашу маму звали Надежда, красивое имя – мне нравится. Почему вы так странно отреагировали на него?

– Не нравится мне оно, уж простите, – грустно усмехнулся, – а мать я и не помню, – тихо не спеша заговорил он, глядя куда-то вдаль сквозь меня, в далёкое прошлое, – я её не помню с тех пор, как она купила дом. Этот проклятый дом, в котором для нас не стало места.

И он начал рассказывать горькую историю его детства. Историю о том, как вещи вытесняли из дома живых. Они – вещи, как наводнение, заполняли собой шкафы, комоды, кладовки, комнаты, чердаки. Их берегли, холили и лелеяли. Им преклонялись, ими восхищались. Они главенствовали в доме и праздновали свою победу, нанося ущерб человеческим отношениям.

Когда Петру было восемь лет, брату – пять, Надежда после долгих хождений по инстанциям наконец-то сумела очень выгодно приобрести дом, который стоял на тихой улочке почти в центре городка и долгое время являлся памятником архитектуры. Это был дом приказчика известного в позапрошлом веке фабриканта; со стенами почти в полтора метра, на высоком крепком фундаменте, построенном на века, как умели в былые времена, с маленькими окошками и глубоким огромным круглым погребом, выложенным из узкого имен-

ного кирпича. Мальчишкам дом понравился, но тёмный сырой погреб напугал настолько, что они с трепетом обходили его крышку.

С воодушевлением взялась Надежда за перестройку, и вскоре крепкий, добротный, словно крепость, дом, очень выделялся и возвышался на улице среди ровного ряда уютных домиков с резными ставнями. При планировке дома сложилось так, что вход в погреб оказался не в кухне, как это было у приказчика, а в одной из пяти комнат. Эта тяжёлая квадратная крышка погреба с толстым холодным кольцом из чёрного металла вызывала у мальчиков необъяснимый подсознательный леденящий страх и была поводом для издёвок и шуток над ними.

– Я не видел погреб, я видел подземелье, полное тёмных тайн и мутных историй, видел колодец, полный кошмарных преступлений, – рассказывал Пётр, – я не был трусом, но свой страх объяснить не могу. Открывал крышку, заглядывал – и спина покрывалась мурашками, волосы, казалось, шевелились, и холод уже шёл не из погреба, а изнутри меня. Я возненавидел эту комнату.

Он надолго замолчал. «А потом и весь дом», – с такой безысходной грустью сказал, что захотелось обнять и, успокаивая, погладить, как ребёнка, по голове...

Быстро возведя роскошный по тому времени особняк, Надежда мечтала о нём ещё как о «доме – полная чаша». Она тщательно продумывала и составляла длинные списки необходимой мебели, ковров, посуды и других нужных, а большей частью ненужных вещей.

В период тотального дефицита для неё были открыты все двери. Надежда занимала большой пост в торговле, муж был председателем комитета народного контроля в районе. И жизнь закрутилась вокруг приобретения дефицитов и денег, которые множились благодаря спекулянтской деятельности супружеской четы.

Комнаты быстро обрастали мебелью, дорогими коврами. Серванты ломались от переливающейся посуды, книжные шкафы строго смотрели стройными рядами подписных изданий.

А кладовые пухли от рулонов ткани, одеял, обувных коробок и других товаров, которыми никто и никогда не пользовался.

Надежда была бережливой, аккуратной, и условия проживания в доме напоминали посещение музея: перед шерстяными ковровыми дорожками снимали тапочки и ходили по ним в носочках, на диване и в креслах нельзя было сидеть с ногами. Книжки разрешалось брать только вымытыми сейчас руками и только под строгим оком бдительной мамы. Из-за преклонения перед божками-вещами запретов было много, но самым неприятным оказалось то, что строго воспрещалось пользоваться полированными столами, дабы не поцарапать, и ни в коем случае не разрешалось водить в дом друзей.

– Через два года, как мать построила этот дом, наша жизнь в семье закончилась, и мы с братом напоминали беспризорников. Целыми днями шатались по улицам и по друзьям, возвращаясь обычно к ночи, чтобы переночевать. Мать это даже очень устраивало. Главное – чтобы в доме был порядок. И он был – мёртвый, музейный. Это было похоже на сумасшествие.

– Как-то, – продолжал он, – я тайно привёл в дом друзей, чтобы похвастаться перед ними отцовским ружьём. Увлёкшись, разложил его на полированном столе. Глупец, козырял перед ними, разбирая его. Закрыв глаза, собирал и... здорово поцарапал красивую полировку стола чешского производства. Маслом, которым было смазано ружьё, я умудрился испачкать обивку стула.

Пётр протяжно выдохнул, смешно надув щёки, вспоминая. Похоже, он так и не пережил те детские страдания. Помолчали. Выпили ещё по рюмочке вина.

– Ох уж это ружьё, – невесело усмехнулся он.

Когда мать с отцом увидели испорченный стол и испачканный стул, мальчишек жестоко наказали. Причём каждый родитель по отдельности и каждый за своё: отец за ружьё, что взял без спроса, а мать – за испорченные вещи. Пороли двоих, не разбираясь. Этого им показалось мало, и в воспитательных целях мальчиков на время заперли в тёмном погребе.

– Самым страшным было то, что и мать, и отец знали, какой ужас вселяет в нас эта холодная глубокая яма под полом! В крошечной тьме мы присели на какую-то полку, обнялись и, стуча зубами от страха и холода, клялись друг другу как можно быстрее покинуть этот дом и забыть его навсегда. В окружении бочек, банок, коробок, висячих окороков мы чувствовали себя на чужой враждебной планете.

Когда нас выпустили, я понял, что моя любовь к матери замёрзла там – в погребной яме. Васька всю ночь всхлипывал, вскрикивал и начал писаться. В десять лет моё детство закончилось, и я понял, что у нас нет родительского дома. Дома, где любят, где ждут и прощают, где принимают тебя любимым. В нашем доме властвовали и наслаждались жизнью только вещи, которые незаметно вытеснили нас – детей, а затем и отца.

– А что вас больше расстроило в этом? – история была неприятна, но захватила своей необычностью.

– Жестокость и предательство, – не задумываясь ответил он, – мать не может сознательно ударить в самое болезненное место. Случайно – да, а сознательно – это уже не мать... Она предала материнство. У нас как будто, не успев вырасти, обломались крылья, и мы с Васькой глубоко почувствовали, что, как неоперившихся ещё птенцов, нас беспощадно выпихнули из гнезда...

Родительский дом – это причал, это крепость, где ты чувствуешь себя в полной безопасности. Пётр долго и тяжело переживал унижение и испытание погребом. Пропал интерес к мальчишеским играм, учёбе. Всё лето он проводил во дворе, и любимым занятием стало выращивание цветов. Он полюбил их, и это – не мальчишеское – увлечение вызывало насмешки друзей, отчего Пётр замкнулся ещё больше и всё свободное время проводил в саду.

После восьмого класса он поступил в сельскохозяйственный техникум в соседнем районе и уехал из дома вопреки воле родителей, которые желали видеть сына экономистом или товароведом, чтобы передать ему опыт, связи и обеспечить себе этим старость. Уезжая, Пётр сгоряча сказал матери:

– Я никогда не вернусь в твой дом, подавись своим бархлом.

– Вернёшься, а я тебе напомню, – холодно ответила мать. Отец, слабый и безвольный, нервно курил в стороне.

После техникума – армия. В армии получил профессию шофёра и, отслужив, домой не вернулся. Устроился в автопарк и поступил на заочное отделение в Плодоовощной институт на факультет цветоводства.

Денег не просил. Домой не приезжал.

Пётр надолго замолчал.

– А дальше? Что было дальше? – торопила я, боясь не услышать окончание этой жуткой истории.

– В том-то и дело, что ничего не было.

Женился, родилась двойня. Жена не выдержала безденежья и моей болезни, – он усмехнулся, – простой язвы, которая изводила меня болями и сделала отвратительным характер. Забрала детей и навсегда уехала к маме в Сибирь.

Когда Васька по пьянке застрелил прохожего из того злополучного ружья и его посадили, а отец, не пережив, тихо умер во сне в летнем домике, куда он переселился после моего отъезда, я заехал к матери. Детские воспоминания как бы стёрлись и лежали глубоко в памяти под более свежими событиями в моей жизни. Осталась одна постаревшая мать в огромном пустом доме – это было главное. Её одиночество и приближающаяся старость заставляли сжиматься сердце, и душа, давно простив детские обиды, стремилась обнять, пожалеть. Тем более – подвернулась работа за рубежом. Думал ещё и попрощаться – мало ли чего.

2.

Дом уже не казался таким большим, как в детстве, но сама усадьба увеличилась: появился ещё один гигантский сарай.

Пётр закурил.

– Понимаете, ничего не изменилось! Ни-че-го, – сказал он, растягивая слова и нервно сжимая кулаки. – Дом продолжал задыхаться от вещей. Шкафы, казалось, распухли, посуда в сер-

ванте стояла плотнее, чем очередь за колбасой в голодные времена. Появились новые кладовые, а в сарае полки ломились от садового инвентаря, рабочих инструментов, банок и всяких размеров и мастей ящиков, коробок и баулов. Ей до сих пор всего было мало. Болезнь накопительства прогрессировала! А я, дурак, возьми и спроси денег в долг. Времена были тяжёлые. Хотел своим девчонкам в Сибирь послать перед отъездом. Вот тут-то она и вспомнила моё «Я никогда не вернусь в твой дом». Слово за слово, и такое началось!

– Денег он захотел! – кричала разгневанная мать. – А ты хоть копейчку в этот дом принёс?

Всё вспомнилось, даже подпорченный стол, который стоял по-прежнему на старом месте и царпины были накрыты вышитыми салфетками.

Вот и вся история.

Через некоторое время мать парализовало. Васька из тюрьмы не вернулся – убили в какой-то драке. Пётр жил в Европе и работал в посольстве садовником. Какая-то дальняя одинокая родственница согласилась за определённую плату и по праву наследования дома быть сиделкой. Через некоторое время мать Петра научилась немного вставать, но в силу непомерной гордыни из дома днём больше не выходила.

Изредка тёплыми летними ночами соседи наблюдали в саду дома старую женщину, что с трудом прохаживалась под руку с сиделкой. Она поднимала голову к звёздному небу и глубоко вдыхала свежий пряный воздух тёплого лета, как будто хотела заполнить впрок им свои лёгкие. Но по-прежнему главным для неё оставались вещи. Она могла часами смотреть в открытые дверцы шкафов, что-то невнятно бормотать при этом, вроде как пересчитывая, и на лице проступала гримаса, которой она выражала радость своего скопидомства. И гоняла несчастную родственницу за неаккуратность и беспорядок. Та мыла, чистила, скоблила, штопала, перешивала.

– Если бы я знала, что с ней так будет, никогда бы не согласилась, – жаловалась она на похоронах. – Жить два понедельника осталось, а старуха орёт на меня, что книжный

шкаф не закрыла и пыль погубит её книги, будь они неладны!

Пётр замолчал. Я почувствовала, что, выговорившись совсем незнакомому человеку, он испытал облегчение... Сработал известный психологический феномен «эффект случайного попутчика», когда излить большую душу совсем незнакомому человеку гораздо проще, чем близкому.

– Вы, Пётр, не держите зла на матушку, – осторожно сказала я, – кто знает, какие причины побудили её к этому, что послужило толчком к необузданной алчности. Вы полюбили цветы, что росли у вас в саду, а кто их сажал?

– Мать, – тихо ответил он.

– Вот видите, ваша матушка не только копила вещи, она выращивала и цветы на клумбах. А значит, что-то прекрасное было ей не чуждо.

Пётр устало кивнул головой. Сейчас он выглядел очень утомлённым от тягостных воспоминаний, постаревшим и поникшим.

– Не зовите её «мать», зовите «матушка». Она вам жизнь дала, и никто не обещает нам идеальных матерей, но скажите по-доброму – и воспоминания добрее будут. Ей они там нужны, а вам – здесь.

– Вы правы, вы бесконечно правы, – сказал он грустно, – спасибо вам. А теперь мы можем немного поспать.

Он благодарно посмотрел на меня, и мы молча проследовали в свой вагон.

Часто можно наблюдать, как совершенно незнакомые люди общаются друг с другом в поезде так, будто они давние друзья. Они рассказывают попутчикам тайны своей личной жизни, семейные проблемы и многое другое, что камнем лежит у них на душе. Почему же нас так тянет на откровенность с незнакомым человеком? Может быть, отсутствие боязни осуждения? Чужой выслушал и забыл, а человек проговорил свои проблемы, страхи, воспоминания, и ему уже легче?

Не знаю. Не знала я и того, что история этого дома и страшного погреба ещё раз меня коснётся.

3.

Спустя несколько месяцев судьба опять забросила меня в этот прекрасный городок. Квартиру мне сдала приятная женщина Нина лет сорока, которая, по её выражению, «удачно по случаю и очень выгодно» купила дом почти в центре города. «Продали недорого со всем барахлом, которого уйма», – она покачала головой.

– Меня смущает только то, что в нём умерла, говорят, очень неприятная женщина. Представляете – она много лет не выходила на улицу днём. Гуляла только ночами. И совсем «загнала за Можай» свою какую-то родственницу, что за ней ухаживала. В доме полки ломились от новых простыней, полотенец, а она заставляла штопать старые. Скупость, доведённая до помешательства, – она вздохнула. – Вам не нужны новые простыни? Или посуда? А то посмотрите.

Я отрицательно покачала головой.

Нина, возмущаясь, рассказывала о странной хозяйке, а я вспомнила красивое грустное лицо Петра в полутёмном вагоне ресторана и поняла, что слышу продолжение истории про хозяйку большого дома, душу которой вещи взяли в плен, или, напротив, про вещи, которые пленили.

И как-то в тёплый и пряный до головокружения майский вечер Нина пригласила меня в свой новый дом.

Я шла широкой улицей частных домов, что тянулась параллельно главной Советской улице, отгороженной садами, огородами и небольшой речушкой. Они заглушали звуки транспорта, городского шума и наполнялись радостным пением птиц. Традиционно невысокие заборчики палисадников в разноцветно-цветущей сирени и с тюльпанами вдоль забора создавали праздник для взора и души. И торжественно нарядно, в ряд, возвышаются пять стройных лиственниц. Нина открывает калитку, и я вижу большой прочный дом из белого кирпича с высоким крыльцом с торца.

По периметру участка с одной стороны стоят развесистые яблони в бело-розовом цвету, за ними невысокие вишни, также

осыпанные цветами, а с другой – плотной колючей изгородью растут малина и крыжовник. Участок большой, с высоким сараем, беседкой и современными качелями. Вокруг сарая кусты смородины, шиповника и пышное дерево боярышника. Слышно щебетание птиц, жужжание пчёл и шмелей, стрекот кузнечиков. Воздух сладкий, чистый. Ни ветерка. Кажется, что природа замерла, как оркестр перед дирижёрской палочкой, готовясь исполнить чудесную летнюю симфонию.

Нина с видом победителя смотрит на меня, ожидая моей похвалы. А у меня от восхищения на лице блуждает блаженная улыбка, и, не находя слов, я только покачиваю головой.

– Вот видите! – торжественно подводит итоги она и приглашает зайти в дом.

– Нина, а в погреб вы заглядывали? – почему-то испугавшись, даже вздрогнув, перешагивая порог, спрашиваю я.

– Жуткий! – Нина поёжилась. – А откуда вы про него знаете? И я рассказала о встрече в поезде.

– До чего же мир тесен! – удивилась хозяйка нового дома и немного погрустнела. – В саду легко, а в доме гнетуще как-то.

Если бы не высокий потолок и не резные двойные межкомнатные двери, дом действительно напоминал бы складские помещения. В каждой комнате кладовые с антресолями, шкафы, комоды. Хозяйка распахивает дверцы, выдвигает ящики, и аккуратно стопками смотрят на меня постельные принадлежности с пожелтевшими сухими бумажными ценниками, полотенца, одежда, одеяла. Стопка кожаных перчаток, смазанных каким-то маслом. Меха в синих мешках, присыпанные сухой пылью, и много-много других вещей.

– Одних новых тарелок двести пятьдесят штук, а ели из старых, надколотых. Спала на старых простынях, состроченных из двух. На полотенцах штопки, а от новых полки ломаются. Зачем ей одной столько, а? – не понимала Нина и продолжала показывать полные закрома замшелых вещей, что не отслужили своё предназначение, а пылились на полках, никому не нужные, и вытесняли своим количественным напором живых людей из прочного большого дома. Хотелось вырваться

на улицу, в сад из плена аккуратных стопок, рулонов, коробок, ящичков.

Из погреба тянуло сыростью, холодом и жутью. Что-то злое чудилось в этой огромной круглой яме, обложенной тёмным узким кирпичом, и вода на дне представляла его бездонным.

Допоздна мы сидели с Ниной на улице за настоящим самоваром на углях, отгоняли проснувшихся комаров и слушали соловьёв, что прочно обосновались на высоких кустах сирени в палисаде.

Всё лето Нина раздавала, выбрасывала вещи, жгла старую мебель. Злополучный полированный стол с царапинами от ружья тоже сгорел в костре...

Ломала кладовки, меняла планировку и настойчиво пыталась подогнать дом под себя.

Ломая очередную антресоль, нашла никому уже не нужные пачки советских рублей. Вспомнилось: «Денег он захотел, а ты хоть копеечку в этот дом принёс?»

Под крышей рабочие нашли трёхлитровую банку, доверху заполненную новыми золотыми ювелирными украшениями советского производства с ценниками и бирками.

Но когда рабочие обнаружили в стене погреба два замурованных скелета, Нина вдруг решила продать этот «склеп», как она назвала дом.

После она долго просиживала в читальном зале, листая подшивки старых пожелтевших газет, пытаясь узнать страшную тайну погреба. И чем больше читала, тем страшнее ей рисовалось прошлое. Эта местность была священной для скопцов, и в полной безнаказанности они совершали сектантские радения и оскпления ради наживы. «Оскопиться, чтобы скопить», – говорили русские скопцы и беспрепятственно творили страшные преступления, не гнушаясь убийствами. Скорее всего, именно жертвы неудачного оскпления либо убитые с целью барыша или свидетели совершённых преступлений и были замурованы в злополучном погребе.

– Не смогу жить в этом доме, – Нина, вздрагивая, нервно теребила платочек и обречённо вздыхала, – даже продавать стыдно и страшно.

Взгляд её замирал на крышке погребка, и страх морозным холодком пробегал по спине.

А моё воображение отказывалось помочь мне представить в этой страшной могильной яме в крошечной темноте двух маленьких мальчиков. Ужас охватил душу и животный удушающий страх сковал меня, когда я подумала про замурованные в стене скелеты.

Говорят, что дети многое чувствуют подсознательно, инстинктивно, как животные, в данном случае это было именно так. И разум отказывается объяснить причину изощрённой безмерной жестокости матери. В греховной страсти мшелоимства, скверноприбытчества, лихоимства, которые стали образом жизни, и в погоне за прибылью она забыла о любви к ближним. Эти страсти, овладев ею, разрушили мир вокруг, оставив даже в пустом доме тяжёлый дух разложения, ввергая его в царство тьмы.

Мы захламляем свои жилища ненужными или лишними вещами, не думая о том, что каждая вещь имеет свой смысл в жизни и предназначена для чего-то. Чем больше ненужных, лишних вещей в доме, тем меньше в нём остаётся места для людей. В каждом доме есть своё тепло, свой запах, и каждый по-своему дышит. Чем больше в доме добрых чувств – любви, заботы, взаимопомощи, гостеприимства, счастья, радости, тем теплее и свободней чувствуешь себя даже в совсем незнакомом жилище. Но если властвуют в семейном очаге неодошевлённые холодные предметы, если полированный стол дороже детского смеха и детских игр – тогда родной дом становится мёртвым.

Елена Лалаева (Айк Лалуни)

пос. Спутник, Свердловская область

ТАНДЫР

Светлой памяти моей прабабушки Куртанидзе Любы Ясоновны

Мы вновь в Беками*! Ура-ура!
Бабулин домик с резным крылечком,
Обширный двор. Посреди двора
Тонэ (тандыр), а по-русски – печка.

А печка – словно большой кувшин,
Зарытый кем-то по пояс в землю.
И там, на дне, притаился джинн
И до поры потихоньку дремлет.

Но только лишь заблестит заря,
Дырявя темень лучами солнца,
Джинн просыпается втихаря
И дымом светлым наружу рвётся.

И пляшет радостно там, на дне,
Лезгинку, берд**, шалахо***, картули****.
И принимает дары тонэ
Из рук любимой моей бабули.

И возвращает обратно ей
Лаваш, лепёшки, чурек и шоти***** –
Хлеб разных видов и всех мастей,
А мы с сестрёнкой стоим напротив.

* Беками – деревня в Грузии.

** Берд – армянский танец.

*** Шалахо – армянский и грузинский танец.

**** Картули – грузинский танец.

***** Шоти – грузинский хлеб.

И объедаемся им сполна,
Чему бабуля безмерно рада,
А от тандыра плывёт волна
Таких божественных ароматов.

И даже неба лазурный креп
Впитал в себя ароматы эти.
О, хлеб из детства! Бабулин хлеб...
Вкуснее нет ничего на свете.

И хлебный дух разнесут ветра
По всей подгорной окрестной шири.
А джинн уляжется до утра
И снова будет дремать в тандыре.

ЦИНАНДАЛИ

Здесь такие солнечные дали,
Словно золотистое вино!
Вот уже неделю в Цинандали
Мы гостим у дедушки Ваню.

И почти что всю неделю эту
Давим вместе с дедом виноград –
Драгоценный дар тепла и света
В новый превращается субстрат.

Дед твердит, чтоб больше винограда
Ели мы, чтоб наедались впрок.
Мы уже объелись до упаду,
Но ещё пытаемся чуток.

Липкий сок густеет под лучами,
Мы с братишкой в соке, как в броне,
Нас потом бабуля моет в чане,
Повторяя: «Шени чирн мэ»*.

* Шени чирн мэ – по-грузински «Твои беды мне».

У соседей рядом, сняв сандальки,
Давит гроздья сверстник наш Микел.
И во всех усадьбах Цинандали
Не сыскать пока важнее дел.

Бабушка Маро готовит ужин,
Ароматы будоражат нюх.
Ну а в них вплетается к тому же
Сладкий терпкий виноградный дух.

Этих яств не отыскать вкуснее,
Каждое из них небесный дар!
А в кувшинах «Цинандали» млеет –
Золотой божественный нектар.

К вечеру подтянутся соседи,
Ближняя и дальняя родня,
Чтобы окончание отметить
Долгого натруженного дня.

Но они обмолвятся едва ли
О трудах, уж так заведено.
Будь благословенно Цинандали –
Люди, и селенье, и вино!

ДОМ

Он даже внешне счастлив – этот дом,
Лучатся светом тёплые окошки,
А в доме запах хлеба и картошки
И всё идёт привычным чередом.

И источает радость самовар,
И пироги на стол плывут из печки,
И пар свивает лёгкие колечки
Над чашками, где пышет чайный жар.

И осенью, и летом, и зимой –
Всегда весна в чудесном доме этом,
Здесь столько доброты и столько света,
Что хватит на других ещё с лихвой.

Здесь есть ещё и кошка, и барбос,
И добрый дух взаимопониманья,
И ясных глаз лучистое сиянье,
Хотя забот по дому целый воз.

Вы скажете: какой-то странный дом.
Да где ж такие водятся, ответьте?
А есть ли в доме старики и дети?
Конечно, есть! Любимые причём!

А в общем, что ж тут странного, друзья?
Обычный дом, каких полно в глубинке,
Где проживают обе половинки
С названием обыденным – семья.

Где раздаётся ребятишек смех,
Где всё так ладно, справно, ясно, дружно.
А что ещё, друзья, для счастья нужно?
Попробуйте, получится у всех.

Попробуйте, здесь тайна только в том,
Что нужно приложить любовь и руки.
И скажут люди добрые в округе:
Он даже внешне счастлив – этот дом.

У БАБУЛИ

Мне пять. У родителей график такой,
Что сутками их не бывает порой –
Приём плюс дежурство ночное.
И я у бабули ночью опять,
И это так здорово, надо сказать,
Почаще б везенье такое!

И значит, что в садик не надо с утра,
Его прогуляем, сказав, что «ветра
И что-то морозно уж очень».
А сами скорее на горку махнём,
И тут нам морозы совсем нипочём,
И даже тепло, между прочим.

На горке веселье! Но вспомнится всё ж,
Что дом наш, конечно же, тоже хорош:
С борщом, с пирогами и с кашей.
И только лишь мы переступим порог,
Как вмиг подведётся обеду итог,
И чудо – с добавкой даже!

Хоть в садике «нет аппетита совсем»,
Я здесь, у бабули, сметаю меж тем
С тарелок с большим аппетитом.
И «страшный секрет» есть с бабулей у нас –
Давно отменили мы с ней тихий час,
Но это «и шито и крыто».

И вечер чудесный наступит опять,
И можно до ночи с бабулей играть
И сказки волшебные слушать.
И ёлку украсить, и стряпать калач,
Кота убедить, что он лучший циркач,
А я дрессировщик к тому же.

И снова просить рассказать что-нибудь,
И вдруг неожиданно взять и заснуть
В разгар интереснейшей сказки.
Во сне, испугавшись чего-то чуток,
К бабуле забраться под тёплый бочок
И снова уснуть без опаски.

Ах, сказки, ах, зимы, ах, бабушкин дом!
Как часто во сне мне являлась потом
Прошедшего детства отрада.
И я до сих пор в их незримом плену,
Нет-нет, да на улицу ту загляну,
Где бабушкин дом был когда-то.

АЛЯБУШКИ*

Подрумяненной алябушкой солнце в небе занялось.
И в окно ведёт поглядюшки – как там утро? Спит, небось...
Утро радостно протопало в кухню, сразу после сна
Босиком прошлёпав по полу. Ох, влетит ему сполна!

На сундук присело весело, рассмеялось от души,
И босые ноги свесило, и обуться не спешит.
У печи хлопочет бабушка, у неё всегда дела,
Вот уже она алябушек спозаранку напекла.

Ах, алябушки румяные – так и рвутся на зубок,
С молоком да со сметанюю. Чуть остынут, дайте срок.
Кот присел тихонько рядышком, знает тоже, обормот, –
Подрумяненных алябушек и ему перепадёт.

Утро дузит** сливки свежие, выпивает чуть не литр.
(И без обуви по-прежнему. Ох, от бабушки влетит!)
А бабуля: «Глянь-ко, чадушко, не видал ещё, небось,
Как румяною алябушкой солнце в небе занялось?»

* Алябушки – старинное уральское название оладий и блинчиков. Сейчас употребляется лишь стариками в отдалённых деревнях.

** Дузит – пьёт (уральский диалектизм).

САМЫЕ ВКУСНЫЕ ЯБЛОКИ

Что это были за яблоки! Словно янтарь на просвет!
Дед утверждал, что и в Африке лучше, наверное, нет.
Только ведь юности хочется странствий и дальних дорог,
Роза ветров – заговорщица, лишь бы увлечь за порог.

Там, на просторах галактики, столько чудесных вещей,
Даже обычные яблоки тысячекратно вкусней.
Вслед за ветрами свободными молодость ринулась в путь,
Верилось: за горизонтами жизни откроется суть.

Тропками, трактами, трассами пройдено было с лихвой.
Яблоки самые разные всюду отведаны мной.
Но постепенно я так-таки истину понял одну:
Самые вкусные яблоки в дедовом старом саду.

Вот они – сочные, нежные, словно янтарь на просвет!
Ну а в варенье, конечно же, просто нектар и щербет.
И вспоминается мама мне, как по субботам она
Булочки вкусные самые с этим вареньем пекла.

Иаков Липянский

г. Рига, Латвия

СТОИТ В ДЕРЕВНЕ МИЛЫЙ ДОМ...

Стоит в деревне милый дом –
Дом юных лет, полуразрушен,
Когда-то весел был, не скучен,
Струилась жизнь когда-то в нём.

Всё та же печь из кирпича
И деревянные полаты,
Всё тот же уголок, где матери
Молилась, тёплилась свеча.

В воспоминаниях моих:
Вкус хлеба, вкус хрустящей корки;
Дым едкий дедовой махорки;
Свет добрый детских лет былых.

Цветущий в тех же кущах сад:
Где груши, яблоньки и вишни,
Где прошлый отзвук еле слышный
Бьёт в колокольный свой набат.

Всё тех же слышен гомон птиц,
Луга всё те же заливные...
Места любимые, родные,
Пред вами припадаю ниц.

05.03.2016

ЗАПАХ РОДИНЫ

В поле – рожь, пшеница –
Кажется иль снится?..
Дом родной, волной река –
Ветерок подул слегка.

Сквозь живые ветки
Яркий луч, и детки
Бегают, смеются –
Голоса их льются.

Вот берёзки, обнял их –
Сердцем чувствую живых.
Рядом куст смородины –
Это запах Родины.

07.08.2018

ТИШИНОЮ РОЖДЁН...

Из деревни я родом, рождён у реки,
Рядом сосны, берёзки и ели.
Мать с отцом наставляли: «Сынок, береги
Отчий дом...» Соловьиные трели

Разносились с утра, лишь глаза приоткрыл;
Солнце в ярких лучах полыхало.
Как же дорог край этот, как сердцу он мил –
Край зарницы полоскою алой.

Деревенькой рождён в доме, что у реки –
На берегах у соснового бора.
Говорила мне мать: «Отчий дом береги», –
Провожая в слезах у забора.

Так стояла она, плача сыну вослед,
На прощанье платочком махая.
Возвратился домой, дома милого нет –
Память детства родимого края.

Тишиною рождён и уйду в тишину
По росе в предрассветном тумане.
В стоге сена младенцем, как в детстве, усну
Меж косых деревень – поле брани.

Мне приснится зима и полозья в снях,
В вихрях снежных как с горки летели.
И по толстому льду по реке на санях
Мчались, звонко смеясь, сквозь метели.

06.12.2018

ОСЕННЯЯ РОДИНА МОЯ

Конец сентября этой осенью выдался тёплый.

Бабушка моя живёт в старой русской деревне. Домик её стоит на небольшой горке, возле ветвистого могучего дуба, ему уж, поди, лет триста будет от роду. Так и обволакивает, радуется он своей любовью к жизни, теплом, своей могучестью и утешительным шелестом листьев, особенно если его обнять и прикоснуться к нему всем телом. В этот миг услышишь даже его дыхание.

Под горкой виднеется небольшой покосившийся сарай-дровяник, который стоит на берегу широкой и длинной реченьки, а за речкою той раскинулись чащи лесов, просторы полей, лугов, которым ни конца и ни края не видно, и такая красота вокруг открывается вдохновенная, что ни в сказке сказать, ни пером описать невозможно, только любоваться и любить можно.

С утра до вечера мы с бабушкой трудимся по хозяйству, а вечером, когда солнце начинает понемногу уходить за горизонт, я сажусь на краю нашей горки, возле доброго старого дуба,

и, приклонивши голову к его стволу, гляжу вдаль, наблюдая за золотисто-красным небом, его чудным отражением в реке, в которой оно – это цветное отражение – немного серебрится на играющих волнах от небольшого дуновения свежего вечернего ветерка. Любуюсь всей гаммой красок и полётом жёлтых, зелёных и красных листьев, осыпающих обильно нашу землю. Слушаю тихий шелест листьев на ветру и упоительное переливчатое вечернее пение ещё оставшихся в наших краях птиц. Подолгу могу так сидеть и любоваться осенней природой русской деревни, и от того переполняется сердце моё радостью и нежным чувством любви ко всему живому, что окружает меня, ко всему происходящему со мной в эти мгновения, в эти часы жизни. Все невзгоды, болезни уходят куда-то далеко-далеко. От общения с природой на вечерней заре всё во мне откликается на окружающую красоту и как по волшебству сливается с ней воедино. И чувствую я себя частицей малою этого русского мира, где тысячелетиями люди защищали свой род и кров, где умели работать, петь, плясать и играть на гармонии, балалайке, дудочке.

Над домиком нашим из кирпичной трубы стремится в небо тоненькая струйка серо-чёрного дыма – это бабушка затопила печку, чтобы тёпленько было ночью нам спать. Ведь ночи уже холодные. Она под мерцающий огарок свечи вяжет тёплые носочки, тихонько напевая давно забытую старую песенку, которую помнят лишь бабушки в глубинке России:

*В саду ягода-малина под закрытием росла,
А княгиня молодая с князем в тереме жила.
А у князя был Ванюша, Ванька-ключник молодой,
Ванька-ключник, злой разлучник, разлучил князя с женой.*

Полыхает за окнами осень золотая. Так же, как весна и лето в деревне у бабушки, она сказочно красива, и нету иного – более красивого края, чем звенящая золотом куполов, колосьев, берёзок Русь! Ибо Родина моя – это Дом Богородицы и мой дом навеки.

Светлана Маланко

г. Мурманск

СВЯТАЯ РУСЬ

Святая Русь, Святая Русь...
В свой отчий дом я вновь вернусь.

О, пыль истоптанных дорог,
И ключевой воды глоток,
И вновь читаю между строк:
Исток, листок, цветок, платок...

Святая Русь, Святая Русь.
К берёзе русской я прижмусь.

Воистину тобой горжусь –
Моя берёзовая Русь,
Восставшая из битв и бед,
Хранящая молитвы свет.

Святая Русь, Святая Русь...
О, рощ берёзовая грусть!

И чудится порою мне
В берёзах русских по весне –
Сквозь лёгкий утренний туман
Плывёт девичий тонкий стан.

Святая Русь, Святая Русь...
Травинке каждой поклонюсь.

Закат над тихою рекой,
Берёзки благостный покой;
И песня птицы в вышине
Струится прямо в душу мне.

Святая Русь, Святая Русь...
Я пред иконой помолюсь.

Утешь нас, русских, Божья Мать,
Чтоб в сердце влилась благодать,
Чтоб жить без бед, чтоб жить без гроз,
В краю берёз, в краю берёз...

Святая Русь, Святая Русь...
Я сердцем с Родиной срастусь.

Мне красота твоих полей
Дороже и всего милей,
И в травах тех, и в зорях тех
Звенит есенинский напев.

Святая Русь, Святая Русь...
С улыбкой тихой я проснусь.

Благословлю любимый край,
Где веруют в пресветлый рай,
Где любят русские до слёз
Задумчивость и свет берёз...

Святая Русь, Святая Русь...
Души пронзительная грусть!

Родные мамины глаза,
И набежавшая слеза,
И крик прощальный журавлей,
И купола твоих церквей;

Я никогда не откажусь:
Святая Русь, Святая Русь.

Андрей Пучков

г. Сосновоборск, Красноярский край

РОДНОГО ДОМА ПРИЗРАЧНАЯ ТЕНЬ...

Родного дома призрачная тень,
Неровный свет былых воспоминаний.
Невольный опыт горьких расставаний,
Как будто в зимний потускневший день
Из памяти уходят чьи-то лица,
И знаешь, что в извечной суете
Нам ни за что сюда не возвратиться.

Двадцатый век, проклятая стезя...
Скупой мотив казённых эпитафий.
Из плена постаревших фотографий
Нам никого вернуть уже нельзя.
В стране кривых бараков и домишек,
Среди зеркал обманчивых скользя,
Потерян след любимых в детстве мишек.

До основанья скрыты времена,
И новый мир, овеянный мечтами,
Мозолистыми, грубыми руками
Возводит вдохновлённая страна.
Прекрасный мир, и счастья хватит всем,
Но только ночь по-прежнему темна,
И холодок за воротом засел.

Один на всех нам был огромный дом
И вековой союз народов братских,
Пока за бусы, за тряпье и цацки
Не продан был воспрянувшим жульём
Без горечи и лишних сожалений.
И лёг живой истории разлом
Сквозь судьбы промолчавших поколений.

Ликует злое торжище чертей,
Отсыпав искушений полной мерой.
Но что с того? Мы вновь спасёмся верой.
Презрев наветы глупых новостей
И вспоминая свет мечты знакомой,
Мы снова строим, чтобы у детей
Была хотя бы тень родного дома.

СЫНУ

Привет, сынок, ты выглядишь устало,
Заездили насущные дела!
Давай за стол присядем для начала,
Уж мама пирожков нам напекла!

Ты взрослым стал и приезжаешь реже,
Ну что поделать, жизнь пошла своя.
А мы грустим немного и, как прежде,
Ждём дома с нетерпением тебя.

Ты у себя там будь поосторожней!
Шагай, сынок, по верному пути.
И если будет вдруг справиться сложно,
Ты за поддержкой в дом родной иди.

Ну вот, я вижу, ты душой оттаял
И наконец-то улыбаться стал.
А жизнь-река течёт, не замирая,
Меня давно ты в росте обогнал.

Гордимся мы успехами твоими,
Но все скучаем, Саня, даже кот.
Наш Кеша перебрался спать к Полине,
Её ведь младше он всего на год.

Как хорошо, что дружною семьёю
Мы все сегодня вместе собрались
И снова, Саня, свиделись с тобою,
Когда ты дома, то привычна жизнь.

Но ты дерзай и, Саня, будь уверен,
Что вскоре ты любовь свою найдёшь.
Останься всем мечтам и целям верен –
И непременно счастье обретёшь!

РОДИМЫЙ ДОМ

Есть дом с рябиной у калитки
И покосившейся трубой,
Где в детство с первой же попытки
Могу вернуться в час любой.

Вот я опять пацан вихрастый,
А рядом мама и отец,
Мы за столом, а дождик частый
Звучит как будто стук сердец.

Как взрослые, мы с папой про рыбалку
Ведём неспешный разговор,
А за окошком дождь, и жалко –
Пока не выйти мне во двор...

Дороже нет воспоминаний,
Чем те, где мал и весел я,
Где нет тревог и расставаний
И вместе крепкая семья.

Родимый дом мне помогает
Вернуться в прошлые года,
Он память детства охраняет
От хода времени всегда.

ЗАПАХ ДЕТСТВА

Первое упоминание о белой акации в Крыму появилось в начале девятнадцатого века. Директор Никитского ботанического сада Х. Стевен получил семена этого растения, родиной которого считается Америка, из Европы и вырастил первые саженцы в Крыму уже в 1813 году. Белая акация, пережившая страшные годы Первой и Второй обороны города в период Крымской войны, оккупации во время Великой Отечественной войны, — с характером таким же стойким, как защитники и жители осаждённого города, она стала настоящим символом послевоенного возрождённого Севастополя. Корни этого растения проникают в почву на глубину 20–25 метров, чтобы раздобыть влагу, зацвести и оставить потомство. Акация выживает в таких условиях, где другие растения гибнут.

В июне акация распускает свои белые гроздья, и этот тёплый густой аромат наполняет воздух, окутывает, завораживает, пленяет и ещё долго волнует вас...

Деревья дают прекрасную тень в летний зной, ласкают взор красотой причудливых гроздей, теперь уже не только белого цвета. И даже когда акация отцветает, она усыпает дорожки улиц чуть шуршащими белыми, жёлтыми, розовыми, сиреневыми коврами, сохраняющими пряный аромат цветов. Эти деревья живут чуть ли не век. И, между прочим, учат нас. Моя мама всегда знала, когда наконец наступит устойчивое тепло: белая акация, распуская свои пышные гроздья, притягивала к себе не только очарованных горожан, но и пчёл, шмелей, ос, привлечённых тёплым медовым ароматом. Они жужжали, кружились над деревьями, сменяя друг друга и насыщаясь нектаром несколько дней. Это и означало, что лето пришло.

Мы жили тогда на улице Константина* в маленьком двухэтажном доме. Наш дом и ещё два трёхэтажных, из жёлтого пористого ракушечника и белого инкерманского камня, были построены совсем недавно. Среди покосившихся от времени, ещё довоенных, восстановленных фактически из руин на скорую руку домишек, тесно прижимающихся один к другому, они выглядели как моряки, одетые в парадную форму, и, поблёскивая на солнце большими светлыми окнами, радовали глаз просторными балконами. Ничего, что улица была ещё не полностью благоустроена и заасфальтирована, здесь всегда находилось место деревцам, что вырастали из семян, которые случайно заносил сюда ветер. Акация росла во дворах и просто около калиток или домов. Кое-где деревья давно уже обогнали ростом человека, да и невысокое его жильё, и улица от этого казалась давно обжитой. Летом палящее солнце редко пробивалось сквозь густую листву деревьев.

В нашем доме жило всего четыре семьи. Наверху жила старая учительница с мужем, сыновья их давно уже выросли и приезжали погостить лишь летом. В квартире рядом с ними жил мой ровесник Саша. Его отец работал инженером на заводе, а мать была домохозяйкой. Саша учился в одном классе с нами и ещё в музыкальной школе. Там он учился играть на скрипке, его заученные гаммы аккуратно звучали каждый день после обеда. Внизу была квартира Тёмы – моего друга. В этом доме я была своим человеком: если не было дома сына, тётя Зина посылала меня в магазины за всякой мелочью, которая ей могла срочно понадобиться во время подготовки борща или починки одежды, а дядя Володя часто брал нас, ребятшек, на рыбалку.

Иногда мы всей семьёй ходили к ним на пироги, а вечером эта же компания плавно перемещалась к нам на чай. Праздники же встречали всем домом.

* Константин – подпольное прозвище Алексея Скрипника, руководителя Севастопольской военной организации большевиков в 1905 году. Улицы Константина и Парковая были объединены в одну под названием «улица Генерала Петрова» в 1966 году.

Мой отец был корреспондентом, бывал на военных кораблях. В день ВМФ после военно-морского парада он часто приводил в дом моряков – матросов срочной службы. Гостей усаживали за стол вместе с домочадцами и угощали всем, чем были богаты. Почему-то запомнился больше всего винегрет – он был сделан с маринованной свёклой (она продавалась в литровых банках, порезанная кусочками и залитая вкуснейшим маринадом). Ну и, конечно, была селёдка (я любила только хвост!), колбаска, картошка, иногда холодец...

Мама всегда пекла шаньги с картошкой, творогом. Мама была с Урала, так называли там ватрушки. Но самое интересное (вы сейчас меня убьёте!): всем, и детям тоже, в стопочки наливали вишнёвку... Вишня, в основном дичка, росла вокруг везде. Весной она наряжалась «невестушкой», а в июне–июле плоды собирались, из них варилось в медных тазах ароматное варенье, а тот, кто умел, делал ещё и эту густую наливку. Сразу забегу вперёд, чтобы успокоить: никто не спился!

Летом, или когда просто было тепло, выносили и накрывали столы во дворе, здесь же и танцевали, и пели песни. Мы с Тёмкой особенно любили такие дни. В эти вечера все жители нашего домика становились словно одной семьёй. За столом сидели близкие люди, и рассказы их, уже много раз слышанные, с интересом выслушивались заново и никогда не надоедали.

Порой Тёма сам вдохновлялся и начинал рассказывать мне свои необычные истории. Знал он их много, все они были ужасно длинные, но моего друга это не пугало. Даже тогда, когда его рассказ явно заканчивался, Тёмка оставлял его на завтра, а завтра продолжение было уже готово. Это напоминало Санта-Барбару, о которой в ту пору мы ничего не знали, но это несколько не умаляло достоинств рассказчика.

Иногда к нам присоединялся Саша. Он так же, как и я, слушал нашего друга с открытым ртом, но не всегда приходил на следующую серию, то есть на продолжение. Но Тёмке было достаточно и одного восхищённого слушателя – меня.

Тёма был слишком живой человек. Ему не свойственно было заниматься чем-то одним. Он быстро загорался чем-нибудь,

а через неделю был поглощён уже другим. Но старое занятие не было заброшено совсем, время от времени Тёмка отдавался и ему. Так было и в школе: он то увлекался алгеброй и не было в классе равного ему, то так же вдруг воодушевлялся историей и с упоением рассказывал на уроках что-то неизвестное нам.

Саша во всём был ровен. Он одинаково хорошо знал и математику, и литературу, и физику, и химию, и другие предметы. Но всё же единственным его увлечением была музыка, однако, когда говорили об этом, он всегда смущался.

Такие разные, ребята дружили между собой. И кто знает, не звуки ли музыки Саши, несущиеся из окон второго этажа, вдохновляли Тёму на сочинение новых фантастических историй? Или, быть может, Тёмкины рассказы зажгли в юном музыканте искру творческого начала?

Обычно на каникулах родители покупали нам с братом путёвки в пионерлагерь, но в этот раз, после окончания восьмого класса, они объявили только мне: «Ты едешь в Евпаторию!» В то время это был известный курорт, в том числе и детский, не только в Крыму, а и во всём Союзе. Я еду одна?! Ура! Мой брат был старше меня на два года, вышел уже из пионерского возраста и оставался в городе. Это было одно из первых моих самостоятельных путешествий по Крыму. Родители обещали приехать в Евпаторию всего один раз, в родительский день.

В лагере мне было тоскливо только в первый день, пока ещё не познакомилась с ребятами. Вожатыми у нас были студенты: девушка и парень. Подъём-отбой, утренние и вечерние пионерские линейки, массовки и через день кино по вечерам, походы на отрядное место, конкурсы, спортивные соревнования, в общем, вся жизнь по расписанию мне давно была знакома! Всё это очень сплачивает коллектив. Именно так мы и стали по-настоящему отрядом!

А поход, разве можно его забыть, даже стёртые в кровь пятки и «набитые» пальцы ног не в счёт! Лежать тёплой ночью под открытым небом, подложив под голову полупустой рюкзак и созерцать звёзды. Единственный и неповторимый раз в жизни: ни до, ни после я не видела такого необычного зрелища.

Звёзды были такие огромные, пушистые в чёрном бархатном небе! Близкие, казалось, можно рукой достать, и в то же время далёкие, вон как тот Млечный Путь, что рассыпался широкой и глубокой «звёздной пылью», миллиардом звёзд в неведомых галактиках! Я изучала астрономию на практике именно в том походе – наши вожатые рассказывали нам о звёздах, галактиках, космических полётах в недалёком будущем. Догорал костёр, разведённый для того, чтобы приготовить ужин. Кто-то из мальчишек снова взял в руки гитару и тихо стал перебирать струны. А я почувствовала внутри необходимость заговорить стихами близкого мне тогда по духу Лермонтова: «Чисто вечернее небо, Ясны далёкие звёзды, Ясны, как счастье ребёнка; О! для чего мне нельзя и подумать: Звёзды, вы ясны, как счастье моё!» И стихли шумные споры-разговоры, смех. Даже море приглушило свои гулкие раскаты волн... Была в те минуты только музыка, поэзия и звёздное небо. О-о-о. Вот это роскошно! А потом мы смотрели на небо и считали «падающие» звёзды, чтобы успеть загадать заветное желание.

Мы стали взрослее в том походе. Смена так быстро закончилась, я почти не вспоминала о доме, грустно было расставаться с ребятами, как оказалось, навсегда... Мы прощались, оставляя друг другу пожелания и автографы на шёлке алых пионерских галстуков.

Я вернулась в город ранним утром. Что-то сжалось в груди, когда поезд входил в череду гулких тоннелей, а затем в предрассветной серо-белесой дымке я увидела Севастопольскую бухту... И спокойную гладь моря вплоть до горизонта, окаймлённую городским пейзажем, таким родным и невыразимо щемлящим: дома по склонам гор, ангары, корабли, краны, причалы.

Мне показалось, наш дом постарел, стал ниже; а деревья, ещё месяц назад долговязые и неуклюжие, как подростки, раздались вширь, окрепли.

Я сразу же окунулась в жизнь нашего тихого домика, как будто никуда и не уезжала. Вот с открытого балкона на втором этаже слышались приятные моему слуху звуки, по которым я – себе-то могу признаться! – скучала вдали от дома. Это играл

Саша. Я прошла вглубь двора, туда, где любили сидеть мы с Тёмой. Теперь я слушала Сашу. Мне не нужны были слова. Рой воспоминаний, картинки из детства переполняли душу, делали меня опять счастливой...

Я слушала мелодию сердцем. О чём рассказывала Сашина музыкальная фантазия? Она, чувствовала я, понятна каждому. Тот, кто неспокоен и вечно что-то ищет, найдёт в ней проблеск загадочного, тайного, что волнует его с детства. Эта музыка – призыв для романтиков и мечтателей собраться в путь.

Для тех, кто нашёл себя, эта прекрасная музыка пропоёт о счастье, навеет сладкие воспоминания о былых исканиях и сбывшихся желаниях.

Иной человек, увидев ящик с красками, почувствует необыкновенное волнение, как в детстве, и захочет творить... Другой же, тихо задумавшись, отойдёт, так и не взяв кисти в руки.

Музыка всё лилась, всё тише и тише разносилась она по двору нашего детства, напоенному запахом акаций.

А потом уже Саша стал лишь нежно и трепетно перебирать клавиши фортепьяно.

Я лежала в своей комнате и долго не могла уснуть.

Такая бессонница была у меня всего лишь несколько раз, когда я испытывала бескорыстную любовь ко всему на свете.

И не было радости больше, чем эта – чувствовать любовь к родителям, брату, родному дому и людям, живущим рядом с нами. А ещё к звёздам, музыке, морю – ко всему, что меня окружает. И беспрестанно думать. О чём-то очень значимом и неповторимом. Может быть, даже о том, какое это счастье – жить в городе, где и зимой ты можешь услышать запах цветущих акаций, запах детства.

Нина Тихомирова

г. Ветлуга, Нижегородская область

В ГОСТЯХ У БАБУЛИ

В гости я пришла к бабуле.
Тишиной объятый дом
Настежь дверь: не войду ли,
Скинув туфли, босиком.

Никого... Кровать накрыта
Тёплым пледом лоскутным.
Деревенским, позабытым
Опахнуло. Белый дым

За загнеткой в кудри вьётся,
Чайник голосит свистком...
Как бабуле удаётся
Столь радушным сделать дом?

А в углу, сияя в свете
От лампы восковой,
Лик Христа, пригож и светел,
Поздоровался со мной.

В шали, мастерски плетённой,
В избу бабушка вошла:
– Утро доброе, гулёна!
К пирогам как раз пришла.

И от голоса родного,
От сияния креста
Я в любви купалась снова
И бабули, и Христа.

Валерий Тихомиров

г. Орск, Оренбургская область

МАЛАЯ РОДИНА

*Светлой памяти моих родителей
и сестры Тамары*

Можно уехать...
И даже умчаться.
Пусть для других остаются места,
Где я считать обучался на пальцах,
Где посадил два вишнёвых куста.
Где тополя от июньского зноя
Пухом скрывают овражки и рвы.
Птицы и те не поймут, что такое:
Может быть, снег на плечах у травы?
Малая родина!
Милая родина!

Можно уехать...
В краю незнакомом
Где-нибудь в полночь у быстрой реки
С тайною болью воскликну: «А дома
Крупным зерном налились колоски!
Хлеба б сейчас по кусицу большому,
Что бережёт от хандры и тоски,
С нашей холодной водой родниковой,
Той, от которой сжимает виски».
Малая родина!
Милая родина!
Отчий мой край, я – кровинка твоя.

Можно уехать...
Никто не осудит.
Много людей на вокзалах сидит –

В светлое, доброе верится людям.
Что ожидает их там, впереди?
Может, я тоже уеду однажды:
Лучше я видел в России места.
Но неужели для сердца не важно,
Где расцветут два вишнёвых куста...
Малая родина!
Милая родина!
Отчий мой край, я – кровинка твоя.
Солнце печёт или бьёт непогодина, –
Я без тебя – что костёр без огня!
Малая родина...

В ГОРНИЦЕ

Горит лампадка под иконой,
Где в блеске – обрамлённый лик.
И благодать плывёт по дому
Над этажеркой нужных книг.

Накидка на комод в рюшках
С рисунком птицы золотой.
Кровать железная в подушках
И покрывало с бахромой.

И стол квадратный под клеёнкой,
А вместо стульев – две скамьи,
И печка тёплая в сторонке,
Кровать за нею – для любви.

И занавески на верёвке
Как небо звёздное висят –
За ними родились девчонки
И пацанов приличный ряд.

ДУША ДОМА

Ларисе

А по ночам по дому кто-то ходит –
Безмолвный и невидимый фантом,
Но для себя чего-то не находит
И память нашу мучит перед сном.

То половицей скрипнет ненароком,
То штукатуркой щёлкнет на стене,
То занавеску тронет возле окон –
Как будто сделан знак большой луне, –

То капельку уронит в рукомойник,
То тихо от усталости вздохнёт...
Душа всегда у дома беспокойна,
Пока ещё в нём кто-нибудь живёт.

ПИСЬМА

Сажусь за стол и кладу перед собой школьную тетрадку. Открываю её на середине и вырываю двойной лист, как раньше. Почему-то предпочитаю клеточку. Затем достаю шариковую ручку и готовлюсь писать письмо.

Раньше мы часто писали друг другу письма, посылали открытки. Каждый день заглядывали в почтовый ящик, с нетерпением ждали ответа. Когда долгожданный конверт или открытка оказывались в руках, то передать охватывающие в этот момент чувства просто невозможно. Это и радость, и волнение, и своеобразный трепет, и любопытство, и облегчение. Ты читаешь и перечитываешь, размышляешь над тем, что узнал, обдумываешь ответ. Затем, после того как ты написал ответное письмо, всё повторяется сначала.

Все письма, которые я когда-либо получала в своей жизни, я храню в специально отведённом для этого контейнере. Люблю достать его и перебирать конверты, извлекая тот или иной из них, чтобы в очередной раз перечитать, удивиться и вспомнить, что было в моей жизни, как я менялась с возрастом, о чём думала и переживала. Это легко можно проследить по ответам, которые мне писали мои друзья, знакомые, родственники. Это целая история, наша память, тот след, который мы оставляем после себя. Когда тебе становится грустно, успеваешь соскучиться, хочешь быть ближе, то достаёшь письмо и начинаешь читать строки, написанные рукой близкого твоему сердцу человека.

Ни одно электронное письмо или сообщение, присланное на мобильный телефон или оставленное на странице в социальной сети, не сравнится с бумажным письмом. Оно по-особому пахнет, у него есть свой стиль, свой почерк, который расскажет тебе об авторе текста многое, и порой может превратиться

в небольшую книгу, увлекательно повествующую тебе о разных вещах. Оно живое, ты его чувствуешь. Это шуршание бумаги, которое слышишь, когда разворачиваешь лист. Рисунки, оставленные то тут, то там во время раздумий над тем, что и как изложить. Зачёркивания, исправления, пятна.

Я люблю изучать почерк писавшего. Наклон, форму букв и их размер, нажим, расстояние между словами. Мне нравится разгадывать характер, что испытывал автор, работая над текстом, представлять себе этот процесс. У меня, например, почерк всё время разный. Я умудряюсь писать даже в одном абзаце несколькими разными вариантами. И подпись у меня постоянно отличается. Поэтому мой почерк невозможно подделать. Сразу вижу, что писала не я. В этом проявляется мой характер. Я постоянно меняюсь, поэтому не могу выработать определённый стиль.

Итак, начинаю писать.

«Здравствуй, мамочка! Недавно вы с папой мне приснились. Вчера приснилась бабушка. Теперь мне стало легче. Вы были такие счастливые и умиротворённые. Значит, у вас всё хорошо. Я тоже в порядке. Понемножку провожу ремонт в квартире. Уже поменяла окна, входную дверь. Теперь занимаюсь ванной. Ещё пришлось приобрести холодильник, потому что старый сломался. Очень хочется, чтобы ты пришла ко мне и посмотрела, как преобразается моё жильё. Конечно, это процесс долгий, но главное, что он движется.»

Знаешь, недавно я проходила мимо бывшего кафе «Лакомка». Теперь там очередной магазин одежды на втором этаже и банк на первом. Мне стало грустно. Я вспомнила, как мы ходили с тобой сюда, когда я была маленькая. Я обожала суп с фрикадельками, который здесь готовили. На десерт мы брали мороженое. Ещё мне нравился живой уголок, в котором были попугаи, черепахи, рыбки, хомяки. Жаль, что я не смогу привести сюда своих детей.»

Сейчас стоят тёплые дни и вечера. Я поняла, что мне не хватает наших прогулок с тобой. Помнишь, как мы

жарили семечки, раскладывали в кульки, а потом шли гулять в частный сектор, который находился через дорогу. Там всегда были роскошные сады. Мы медленно шли по дороге, щёлкая семечки, разговаривали и наслаждались окружающей нас красотой, погодой и птичьим пением. Ещё там был пруд, куда мы иногда приходили загорать и купаться. Теперь вместо всего этого здесь располагаются многоэтажные монстры с асфальтированными дорогами между ними и большим количеством припаркованных автомобилей. Пруд загажен и, видимо, скоро «умрёт» совсем. Удивительно, как быстро человек способен всё уничтожить и разрушить. А ведь можно было здесь сделать отличный парк или сквер. Или просто поставить лавочки, урны для мусора и периодически чистить водоём.

Я по тебе сильно скучаю. Мне не хватает твоих ласк, твоих рук, обнимающих меня, твоего доброго и тёплого взгляда, наших бесед. Я скучаю по тебе, по твоему голосу. Часто мне нужен твой совет, который ты всегда давала мне, выслушав до конца. Ты удивительно чутко относилась к тому, что я рассказывала тебе, а потом раскладывала всё по полочкам, рассматривая ситуацию с разных сторон. Мне не хватает твоего жизненного опыта и мудрости, с высоты которых ты давала оценку всему происходящему в моей жизни. Тогда всё становилось просто, ясно и понятно.

Ты знаешь, я вообще довольно часто пользуюсь тем, чему ты меня учила. Твои уроки помогают мне делать меньше ошибок, не принимать решения сразу, действовать обдуманно и взвешенно. Так получается не всегда, но я стараюсь.

Часто мне хочется, чтобы мы просто сидели рядом, как раньше, ты бы обнимала меня крепко-крепко и мы бы молчали. Так ты успокаивала меня, когда я плакала, расстраивалась или переживала. Мне становилось легче. Каким-то удивительным образом тебе удавалось заставить меня поверить, что всё наладится. Потом проблема действительно решалась.

Я поместила ваши фотографии в рамки и поставила их на видное место, чтобы они постоянно были перед глазами. Не хочу забыть ваши лица. Хочу помнить каждую чёрточку, морщинку, складочку.

Знаешь, я собираюсь поехать на юг. Хочу поехать в Крым, где мы отдыхали с тобой, когда я была ребёнком и ходила в детский сад. Конечно, в сентябре на целый месяц, как это было с тобой, уехать не получится, но в августе всё должно сложиться. Я ещё сообщу тебе об этом, когда буду знать точно. Ты напиши мне, что бы тебе хотелось получить в подарок. А ещё лучше приезжай. Я тебя очень люблю и всегда жду».

Перечитываю то, что написала. Затем складываю лист пополам и убираю в конверт, на котором уже аккуратно по всем правилам заполнены строки «От кого» и «Кому». Достāju очередной контейнер и кладу туда только что написанное письмо. Туда, где лежат все письма, которые я написала маме, папе и бабушке. Они никогда не дойдут до адресата, но, несмотря на это, я буду продолжать им писать, создавая этот молчаливый диалог. До тех пор, пока бьётся моё сердце, они будут жить в моей памяти.

Может быть, мы снова начнём писать друг другу «живые» письма и отправлять почтовые открытки. И, возможно, кто-то вот так же, как я сейчас пишу родителям и бабушке, будет писать мне письма, когда меня уже не будет на этой земле...

Содержание

От составителя	3
Ульяна Васильева-Лавриеня	4
Виктор Волков	28
Надежда Казакова	29
Лариса Калюжная	34
Владимир Карасов	57
Людмила Колбасова	97
Елена Лалаева (Айк Лалунц)	129
Иаков Липянский	136
Светлана Маланко	140
Андрей Пучков	142
Ирина Салтанова	145
Нина Тихомирова	151
Валерий Тихомиров	152
Анна Шувалова	155

ОТЧИЙ ДОМ

Сборник произведений

Редколлегия:

*С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, Н.В. Казакова*

Редактор-составитель: *Н.В. Казакова*

Дизайн обложки: *Е.В. Анисимова*

Корректор: *А.Е. Русских*

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева*

ООО Издательство «Серебро Слово»

Телефон: 8 (926) 433-33-99

E-mail: srebro.slov@gmail.com

Сайт: <http://tvoyakniga.ru>

Интернет-магазин:

<http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/>

Подписано в печать 18.11.2019

Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м².

Печать цифровая. Объём 10 усл. п/л.

Гарнитура AdonisC.

Тираж 500 экз. Заказ № 147777

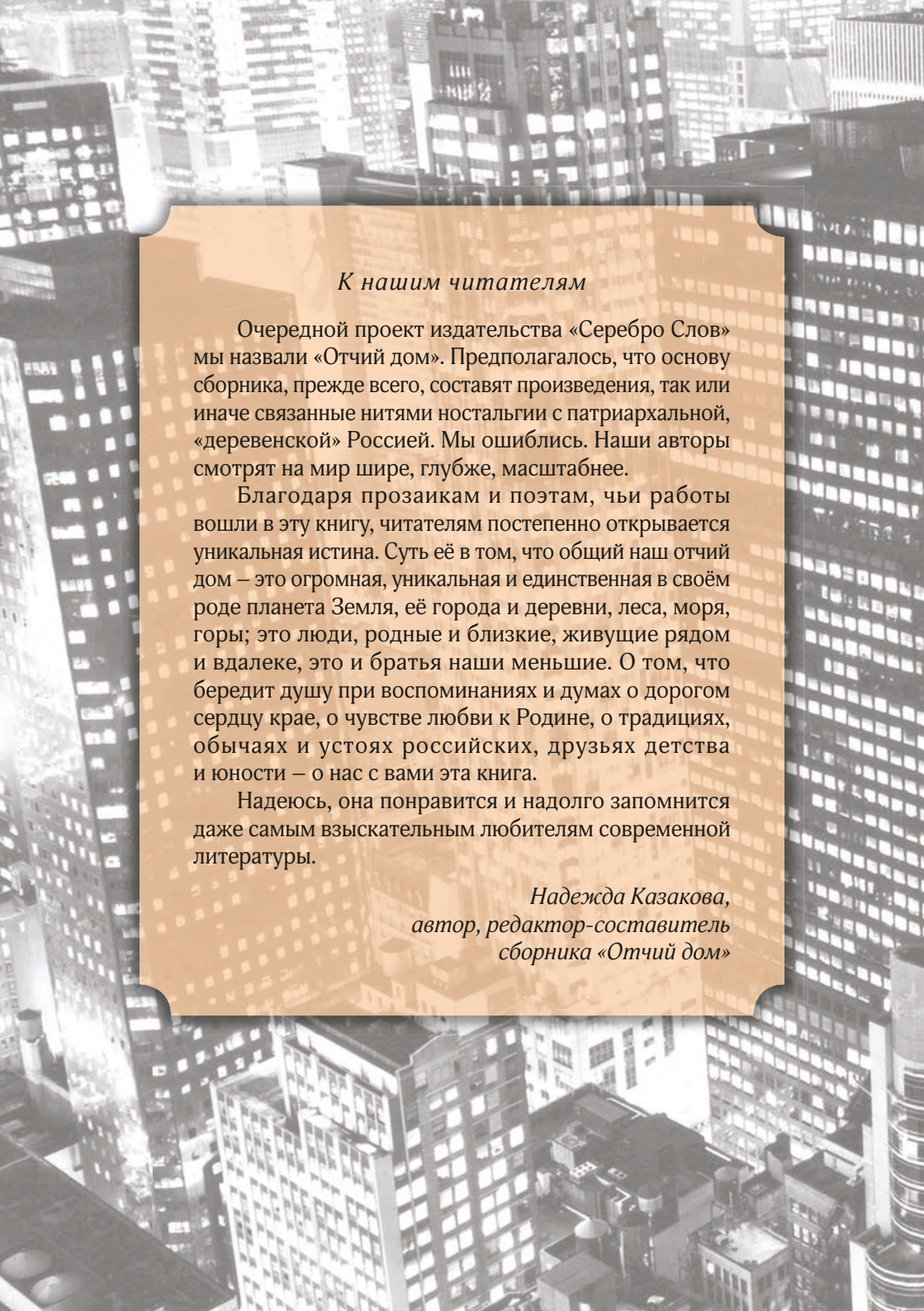
Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект,

д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 30

www.t8print.ru

An aerial, high-angle photograph of a dense urban landscape, likely New York City, showing numerous skyscrapers and buildings with lit windows. The image is in black and white, with a semi-transparent orange rectangular box overlaid in the center containing text.

К нашим читателям

Очередной проект издательства «Серебро Слов» мы назвали «Отчий дом». Предполагалось, что основу сборника, прежде всего, составят произведения, так или иначе связанные нитями ностальгии с патриархальной, «деревенской» Россией. Мы ошиблись. Наши авторы смотрят на мир шире, глубже, масштабнее.

Благодаря прозаикам и поэтам, чьи работы вошли в эту книгу, читателям постепенно открывается уникальная истина. Суть её в том, что общий наш отчий дом – это огромная, уникальная и единственная в своём роде планета Земля, её города и деревни, леса, моря, горы; это люди, родные и близкие, живущие рядом и вдалеке, это и братья наши меньшие. О том, что берedit душу при воспоминаниях и думах о дорогом сердцу крае, о чувстве любви к Родине, о традициях, обычаях и устоях российских, друзьях детства и юности – о нас с вами эта книга.

Надеюсь, она понравится и надолго запомнится даже самым взыскательным любителям современной литературы.

*Надежда Казакова,
автор, редактор-составитель
сборника «Отчий дом»*